

Цена 50 коп.

№ 5

1926

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЗД-ВО
«П.П.СОЙКИН»
ЛЕНИНГРАД, СТРЕМЯННАЯ 8

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
«ПОДАРОК СЕЛЕНИТОВ», — фантастическая повесть Г. Арельского, с иллюстрациями	1
«ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ», — очерк Н. П. Боголепова, рисунки М. Мизернюка	41
«ТАИНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ДОКТОРА ХЭКЕНСОУ», — VIII. «ПУТЕШЕСТВИЕ К ЦЕНТРУ ЗЕМЛИ» — рассказ К. Фезандие, с иллюстрациями	63
«БАБУГАН—ЯЙЛА», — очерк К. Серебрякова, иллюстрации М. Мизернюка и Я. Гайдукевича	79
Решение задачи № 13 (Испанского узника)	97
«НАД БЕЗДНОЙ», — рассказ Ж. Л. Бистона, иллюстрации Г. Беккера	99
«ИЗ ГАРЕМА К СВОБОДНОМУ ТРУДУ», — очерк Мелек-Ханум, героини романа Лоти, с иллюстрациями	117
«НЕОБДУМАННЫЙ ПОСТУПОК», — рассказ К. Сабашниковой, с иллюстрациями	133
Решение задачи № 10	143
«ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ». Откровения науки и чудеса техники: «Тайна фараона», — очерк В. Д. Никольского, с иллюстрациями	145
Городские станции с отелями и ресторанами в недалеком будущем	149
Световая музыка, с иллюстрациями	151
Что такое сон?, с иллюстрациями	152
Победа над туманом, с иллюстрациями	153
Аутоплан, с иллюстрациями	154
Радио-золотоискатель, с иллюстрациями	155
Новый водяной спорт в Америке, с иллюстрациями	156
ПЕРВЫЕ СЛОВА, — решение задачи № 4 и задача № 5	157
ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК	на 3-й стр. обложки.

Обложка худ. М. Мизернюка.

„МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ“ ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
НА ГОД 5 РУБ. С ПЕРЕС.
ПОДПИСКУ в ДЕНЬГИ адресовать: Ленинград, Стремянная, 8. „МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ“.

Фантастическая повесть Г. АРЕЛЬСКОГО.

I. История одного метеорита и все дальнейшее.

Это случилось в 1930 году.

Американское Общество Межпланетных Сообщений осуществило, наконец, свою давнишнюю мечту пустить на Луну ракету. Правда, в 30-метровом снаряде-ракете не было послано пока людей, а помещались лишь самозаписывающие аппараты, но все же это было уже незаурядным достижением.

Несколько лет до этого о Межпласо мало кто знал, а теперь даже в Москве открылось его отделение. Председателем этого отделения был профессор астрономии Александр Александрович Петров. Он первый заметил падение ракеты на Луну, и это принесло ему мировую известность.

Пущенная из обсерватории Лоуэла, в Америке, ракета, вместо того, чтобы облететь вокруг Луны и возвратиться обратно на Землю, упала на лунные аппенинские горы, в кратер Коноп.

После этого события прошло три месяца, и вдруг, неожиданно, с Александром Александровичем в Москве случилось невероятное происшествие. Оно перевернуло весь налаженный уклад жизни профессора. Он прекратил все лекции, никого не принимал на дому и, говоря всем, что он болен, сидел, запершись у себя в кабинете. Целую неделю он усиленно думал, стараясь найти разгадку. И только сегодня для него стало все понятным, простым и ясным.

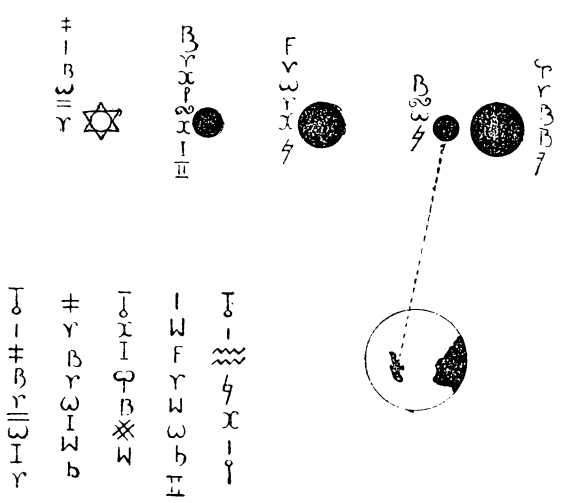
И случилось это совершенно неожиданно.

Утром он развернул газету и, меньше всего ожидая найти здесь разгадку, именно здесь-то ее и нашел.

И вот профессор сидел теперь в своем кабинете и радостно улыбался. В глазах у него сверкало удовлетворение.

Резко выделяясь на красном сукне письменного стола, перед ним лежал этот драгоценный теперь для него документ, целую неделю не дававший ему ни минуты покоя.

Это был небольшой, тоненький, продолговатый кусочек какой-то голубоватой ткани, напоминающей нечто среднее между бумагой и шелковой материей. По краям его были ровные зазубринки, а посредине помещались вот какие рисунки и знаки:

Документ этот попал в руки профессора совершенно случайно.

Профессор жил на Солянке и ровно неделю назад решил вечером пойти прогуляться. Хотя была уже осень, но погода в Москве держалась теплой и сухая. Профессор шел медленно, с наслаждением, полной грудью, вдыхая воздух. Дойдя до Большого Ивановского переуллка, он повернул налево и вышел к Варваринскому скверу, и только начал подниматься к Лубянской площади, как увидел, что около сквера упал невероятной яркости метеорит. Падающие звезды в августе месяце — явление самое заурядное, и профессор, быть может, не обратил бы на это никакого внимания, но, подойдя к скверу, он услышал раздраженные, спорящие о чем-то голоса.

Подойдя еще ближе, он заметил двух дерущихся рабочих.

Один был высокий, худой, тонконогий; другой — маленький, толстый, с рыжими взлохмаченными волосами. Левая щека у тонконового была в крови. Тонконогий ударял кулаками по голове толстяка, стараясь схватить его за волосы. Но толстяк, после каждого удара, отпрыгивал от него, как мяч, кружась вокруг и без всякого толка размахивая руками.

Увидев подошедшего к ним профессора, рабочие прекратили драку.

Толстяк заговорил первый:

— Послушайте, гражданин, — будьте свидетелем. Стою я здесь, закурить собираюсь, и вдруг этот сумасшедший хлоп меня по уху... За что такая неожиданность?!

— Молчи, — закричал тонконогий, обращаясь, в свою очередь, к профессору. Не верьте ему, товарищ. Посмотрите, как искровянил он мне щеку... Иду я мимо него с работы, а он как вдарит меня камнем. Милицию позвать нужно...

— Не ударял я его камнем...

Профессор вспомнил об упавшем метеорите и ему все стало ясно. Эта невероятная случайность оказалась ему настолько забавной, что он улыбнулся. Виновником здесь оказался метеорит. Это он при падении контузил щеку тонконового

рабочего, а тому показалось, что ни в чем неповинный его товарищ бросил камень.

Стараясь помирить невольных врагов, профессор высказал им свои соображения.

Обыкновенно метеориты почти всегда целиком сгорают в атмосфере. Раз этот метеорит мог поранить щеку рабочего, то он, следовательно, не сгорел целиком, и часть его должна находиться где-нибудь по близости.

— Нужно непременно найти метеорит! — решил профессор и принялся за поиски.

Рабочие, пораженные и заинтересованные его объяснением, приняли ему помогать, совершенно позабыв о своей недавней вражде.

Недалеко от них, на дорожке сквера, тонконогий заметил небольшую воронкообразную ямку, над которой струился голубоватый столбик света. Ямку начали расширять и откопали цилиндрический кусок черного металла, еще теплый и светящийся слабым голубоватым отблеском.

Александра Александровича поразило его вид, и он решил, что это не метеорит, а нечто другое. Но и тогда у него не возникло сомнения, что этот теплый кусочек метеорного железа попал на землю из другого мира.

Придя домой и тщательно его исследовав, профессор открыл в середине его уже известную нам записку.

Записка помещалась во втором, внутреннем цилиндре, сделанном из неизвестного ему розоватого металла, гибкого и эластичного, как резина. Этот металл при нагревании не накаливался, а, наоборот, охлаждался. Чем сильнее шло нагревание, тем ниже падала температура металла, и ярче становился струившийся от него голубоватый свет.

Александр Александрович понял, что пославшим эту записку хорошо известно нагревание падающих предметов в земной атмосфере. Этот неизвестный ему металл предохранял от сгорания записку, охлаждая в то же время верхний слой раскаленного при падении цилиндра...

Целую неделю профессор ломал себе голову, сясь разгадать смысл документа. Сегодня утром это стало ему понятным.

В коротеньком газетном извещении недавно открытой Таврической обсерватории сообщалось: „...вчера утром на небе наблюдался необыкновенной величины болид. Несмотря на солнечный свет, болид светился необыкновенно ярким голубоватым светом. По предположениям обсерватории, болид упал в Урмийское озеро.“

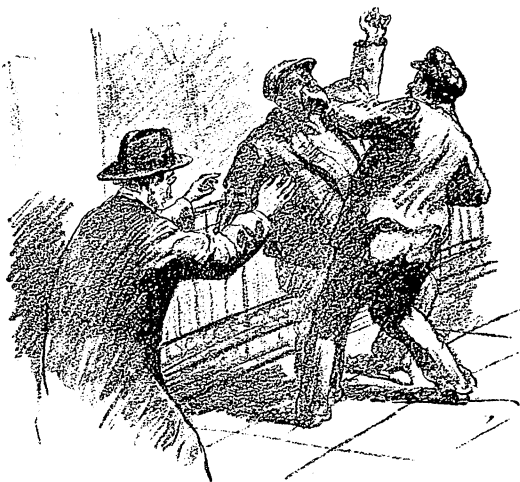
Для Александра Александровича не было теперь сомнения, что в Урмийское озеро упал не болид, а посланный жителями Луны, в ответ на нашу ракету, какой-то снаряд. А эта записка являлась предварительным предупреждением о посылке снаряда.

Расшифровать надпись на левой стороне документа после всего этого не составило особенного труда. Дальнейшее для профессора было ясно. Он решил немедленно ехать на Урмийское озеро и разыскать посланный с Луны снаряд.

В том же доме, где была квартира профессора, только этажом выше, снимал комнату молодой востоковед и инженер Берг.

Имя у него было редкое и, пожалуй, единственное в наше время—Путята. Благодаря такому нелепому несоответствию с его фамилией, оно почему-то навсегда запечатлевалось в памяти.

Путята Берг нигде не служил, но целыми днями бродил по городу в поисках места. Постоянные поиски места на первый взгляд казались совершенно непонятными: любое учреждение, в любой момент, согласно было взять Берга к себе на службу. Но все предлагаемые места не нравились самому Бергу, и он от них отказывался. Он искал такого места, которое дало бы ему целый ряд приключений, самых невероятных и опасных.

Профессор заметил двух дерущихся.

— Все обыкновенное и заурядное—чуждо моей натуре,—любил он отвечать на вопросы знакомых, удивлявшихся его постоянным отказам от выгодных служб. — Я ищу яркой и свободной жизни—только одно это может дать мне удовлетворение.

С профессором Берг был знаком и почти ежедневно встречался. Они вместе спускались или поднимались по лестнице, смотря по тому, уходили они из дома или возвращались домой. В это время они успевали пожать друг другу руки и перекинуться несколькими словами.

— Ну, как, еще не устроились?—обыкновенно начинал профессор.

— По обыкновению, нигде...

— Подождите, скоро наше Межпласо пошлет на Луну ракету с людьми, и тогда я вас устрою начальником лунной экспедиции.

— Прекрасно. Я согласен. Я организую тогда товарищество по вывозу лунных сокровищ.

— Вам налево?

— Направо...

Когда с профессором произошло это невероятное происшествие и он решил ехать на Урмийское озеро, у него тотчас же явилась мысль пригласить с собою Берга.

— Берг—самый подходящий для меня человек...—решил профессор. Энергичен, смел, любит приключения и опасности. Лучше него мне, все равно, никого не найти.

На другой день, по обыкновению встретив Берга, входящего в парадную, профессор радостно улыбнулся, пожал ему руку и, по привычке, начал:

— Ну, как, еще не устроились?

— По обыкновению, нигде.

Но дальше разговор не был похож на обыкновенный, и на лице у Берга появилось удивление.

— Я нашел вам службу,

— Конечно, на Луне?

— Пока нет, но это безусловно связано с Луной...

— Дальше...

— Поедьте со мной на Урмийское озеро отыскивать один удивительный документ...

— На Урмийское озеро?.. Признавайтесь, Александр Александрович, — вы едете отыскивать сокровища падишахов.

— Нет, то, что нам предстоит найти, ценнее всех сокровищ мира...

— Не злоупотребляйте моим любопытством.

— Это зависит от вас самих.

— В чем же тогда дело?

— Соглашайтесь, и тогда все узнаете.

— Согласен.

Войдя в свой кабинет и усадив Берга в кресло, Александр Александрович рассказал о невероятном с ним происшествии и, как доказательство, показал найденную в середине метеорита записку.

У Берга заблестели глаза.

Профессор показал найденную в метеорите записку...

— Это, прежде всего, не бумага и не ткань. Ничего подобного мне не случалось видеть до сих пор.

— Да, это безусловно служит доказательством неземного происхождения документа. Но вот, посмотрите-ка еще этот металл.

— Вам удалось расшифровать надписи?

— Да. Сверху, на одной линии слева направо изображены: Солнце, Меркурий, Венера, Луна и Земля. Пунктир от Луны (как раз от того места, где начинается кратер Коноп?) на большой рисунок внизу, где изображена восточная часть Земли, — путь посланного снаряда. Он кончается у продолговатого пятна, своими очертаниями напоминающего Урмийское озеро; второе пятно рядом — Каспийское море. Расшифровать надпись на левой стороне документа после всего этого оказалось чрезвычайно легко. Рисунки планет объяснили нам надписи над ними, и нам, таким образом, стало известно пять слов. Обратите внимание — в надписи слева встречаются те же буквы, что и над рисунками. Это целиком разрешает задачу. Вот что говорит эта надпись:

„последние селениты пришлют ответный подарок“.

Наступило продолжительное молчание.

Берг сидел неподвижно, откинувшись на спинку кресла. Взор его был устремлен куда-то в пространство, а на губах блуждала мечтательная улыбка. Профессор стоял перед ним, держа в руке записку. В таких позах они находились несколько минут. Вдруг Берг вскочил с кресла и встал против Александра Александровича, почти касаясь его своей грудью.

— Когда мы выезжаем?

— Сегодня вечером...

— Ваша система действий меня приводит в неистовый восторг. Я уверен, что нам удастся найти посланный с Луны снаряд. И тогда... тогда мы заставим мир признать давнишнюю истину, что на всех планетах живут разумные существа. Дайте мне вашу руку, профессор!!

II. У заведывающего Тавризской Обсерваторией.

— Здесь живет заведывающий обсерваторией?

Сторож перс, дремавший у ворот одноэтажного деревянного дома, открыл глаза и удивленно посмотрел на стоявшего перед ним молодого туриста. Потом он поднялся со скамейки и отрицательно покачал головой.

— Его фамилия Тер-Оганезов... — добавил молодой турист, но сторож вторично покачал головой.

— Ничего не пойму...— обратился молодой турист к своему спутнику, ожидавшему на середине улицы. Неужели мы перепутали адрес!

— Нет, адрес правилен... нужно еще кого-нибудь спросить—туземцы здесь удивительно бестолковы. Подождем..

— Ждать бесполезно: в эту пору все сидят дома...

Раскаленные голубоватые потоки солнечных лучей заливали всю улицу. Небо казалось расплавленным нежно-голубым стеклом. С двух сторон тянулись фруктовые сады, и в этой зеленой кайме пустынная улица дремала в ленивой истоме.

Сторож-перс уселся снова на скамейку, запахнул полы халата и закрыл глаза. Туристы в недоумении остановились посередине улицы. Это были—Берг и профессор Петров. Три недели назад они выехали из Москвы. По железной дороге доехали до Баку, а оттуда на пароходе до Астары. Из Астары на лошадях, через Сераб, они добрались, наконец, до Тавриза. Первый визит в Тавризе решено было сделать заведывающему тавризской обсерваторией, которого в настоящую минуту они и разыскивали.

Не найдя дома и находясь в недоумении, они хотели было возвратиться в гостиницу, но в конце улицы появился одинокий прохожий. Он вывел их из затруднительного положения.

— Вы как раз стоите перед домом ага-Уована.. — сказал он. Сам ага живет здесь, а обсерватория находится в конце улицы, за садами...

Ага-Уован был толстый, подвижной и очень любезный старик.

Когда прохожий скрылся за поворотом улицы, Берг обратился к сторожу персу.

— Что же ты нас морочишь?—ага-Уован живет в этом доме.

Сторож вскочил со скамейки, и вдруг улыбка расплылась по его лицу...

— Ага - Уован — хозяин, мы — сторож.

— Что же ты молчал раньше! Целых четверть часа мы по твоей вине стояли под солнечным душем...—рассердился профессор.

— Мы не поняли... Ага спрашивал агу-Обсерваторией.

— Бестолковый народ...—улыбнулся Берг.

— Веди нас к хозяину!!

Заведывающего обсерваторией все в городе называли просто ага-Уованом, и немудрено, что сторож не знал его фамилии.

Ага-Уован был толстый, подвижной и очень любезный старик. Он провел приезжих в кабинет, а когда узнал о цели их приезда—оставил у себя до позднего вечера.

Прежде всего он предложил в их распоряжение моторную лодку, что являлось здесь большой редкостью.

— Я думаю, что болид мог упасть лишь в северной части озера—высказал он свои предположения. К сожалению, я не могу сообщить точного места его падения, но мои знакомые из деревень, расположенных

в северной части озера, видели, что болид пролетел над их деревнями. В день падения болида в озере было волнение и стоял густой туман. Волны были настолько высоки, что залили берега на $\frac{1}{4}$ километра. В южной части озера тумана не было, и прошли только три большие волны, как во время прибоя. По моему мнению, искать болид бесполезно.—Озеро слишком велико...

После обеда ага-Уован повел своих гостей показывать обсерваторию.

Остановившись перед небольшим радио-приемником, он с чувством удовлетворения и гордости сказал:

— Мне удалось установить здесь даже небольшую радио-станцию. Признаюсь вам, что сделано это на личные средства. Вы говорите, что у вас есть карманные радио-аппараты. Прекрасно. Во время ваших исследований вы можете посылать мне радио-телеграммы, и я буду исполнять ваши поручения.

Возвратившись домой, он провел своих гостей опять в кабинет, где был приготовлен чай. После чая ага-Уован уселся в кресло против своих гостей и предложил им папиросы. Большой коричневый дог бесшумно вошел в кабинет и улегся у ног хозяина. Ага-Уован ласково погладил его по голове и улыбнулся.

— Я забыл вас познакомить с Гектором—это мой лучший друг. Мы перенесли с ним много опасностей. Я купил его еще щенком в Париже.

Разговор стал еще дружественней и незаметно перешел к Урмийскому озеру.

— Я давно изучаю это озеро...—закуривая новую папиросу,—говорил ага-Уован.—История его очень интересна. Древний персидский поэт Низари рассказывает в своей поэме „Сефер-Намэ“ (книга путешествий), прекрасную легенду. В 1219 году, когда монголы вторглись в Персию, пройдя затем через Кавказ в Россию, на одном из островов озера Тэлэ (так называли древние персы Урмийское озеро) персидские падишахи построили замок. В этом замке они

спаслись от беспощадных завоевателей. Туда были перевезены все сокровища из Тавриза. На башнях замка—как говорит легенда—Тридцать крылатых змеев охраняли сокровища падишахов, устрашая своим видом монголов, разбивших свои становища в долинах реки Джагату, впадающей в озеро Урмию. Монголы не решались разрушить этот замок, и он стоял неприступный и мрачный, отражаясь своими башнями в молчаливо-неподвижной воде соляного озера. Стоял до тех пор, пока время не обратило его в развалины. На каком из островов находился этот замок,—неизвестно. Это осталось тайной прошлого. Однако, говорят, что езиды знают это.

— Вы говорите, езиды... перебил его заинтересованный Берг. Я много слышал об этой секте, но ничего положительного не знаю...

— Боюсь, что не смогу удовлетворить вашего любопытства. Секта езидов держит в большой тайне свое учение. По крайней мере, до сих пор целиком их учение никому неизвестно. Езидов считают поклонниками шайтана и всячески преследуют. Раньше они собирались в своем храме около Мосула, но теперь скрываются в горах, вокруг северной части Урмийского озера. Последователи этой секты почти исключительно курды. Мне случалось бывать в езидских горных деревнях. Кое-что я слышал об их обрядах. Злой дух представляется езидам в виде птицы. Во время богослужений главный езидский жрец приносит воду в закрытом кувшине. Он читает свои заклинанья, и вода в сосуде начинает кипеть. Тогда жрец убивает птицу и приносит ее в жертву. Присутствующие начинают при этом плясать и отряхивать рубашки. Во время этой дикой пляски они выкрикивают, что очистились от грехов....

Ага-Уован вдруг замолчал и погладил Гектора. Потом задумчиво произнес, медленно отчеканивая слова.

— С моим другом Гектором мы были свидетелями одной печальной истории...

— Расскажите...

— Около Мосула Гектор нашел раненого человека. Он оказался французским консулом. Консул попал в плен к езидам, но спустя два месяца бежал от них, захватив с собой один интересный документ. Консул остался жить в Мосуле, и это стоило ему жизни. Какой-то курд убил его на улице ударом кинжала; эта была месть езидов. Рукопись сохранилась у меня. Я перевел ее. К сожалению, это только маленький отрывок езидского миропонимания, но он весь пропитан причудливой восточной фантазией. Послушайте, что говорят езиды о своем происхождении:

„... Ничего не было в мире, кроме бесконечного океана. По середине его росло дерево. На этом дереве сидел аллах в виде птицы. Далеко, далеко от него, в другом конце океана, в розовом кусте, с прекрасными благоуханными цветами, жил шейх Синн (шайтан). Кроме дерева, розового куста, аллаха и шейха Синна ничего еще не существовало. И создал тогда аллах из своей славы архангела Гавриила, тоже в виде птицы. Сидели они однажды вдвоем на дереве.

— Кто я? — спросил аллах Гавриила.

— Ты—ты, а я—я,—ответил Гавриил.

Возмущенный таким ответом аллах клюнул Гавриила и прогнал с дерева.

Несколько веков летал Гавриил над океаном. И вот случайно он подлетел к розовому кусту, где жил шейх Синн. Гавриил рассказал ему обо всем и попросил совета.

— Хорошо, я помогу твоему горю...—согласился шейх Синн,—но только хорошенько запомни мои слова. Аллаху скажи: „Ты—создатель, а я только создание“.

Гавриил прилетел к аллаху и сказал ему все, что научил шейх Синн, а также спросил аллаха, кто такой обитатель розового куста.

— Это—аль Уркани,—получил он ответ. Скоро он придет ко мне и признает мое могущество.

И вот аллах начал строить корабль. Когда корабль был готов, он поплыл на нем к шейху Синну.

— Все должны признать мое могущество, сказал он аль Уркани. Кто будет в силах сгустить воду и создать из нее землю,—тот и будет первым.

— Хорошо...—ответил шейх Синн,—давай устроим состязание.

Состязание началось. Сначала архангел плюнул в воду, потом шейх Синн. Но их попытки были безрезультатны. Когда же плюнул аллах, совершилось чудо. Из его плевок появилась твердь. В момент появления тверди в океане произошла буря; океан изрыгнул из себя тьму. Чтобы ее рассеять, аллах создал два солнца.

После этого аллах сказал своим спутникам:

— Земля создана — нужно теперь создать людей. Кто из вас хочет воплотиться в человека?

Согласился на это один только шейх Синн, но и то выговорил себе условие, чтобы человек жил в раю. Тогда аллах сделал смесь из воздуха, воды, земли и огня и заставил войти туда шейха Синна.

Первый человек жил в раю недолго. У него не было всех органов, которые имеются теперь у людей, и поэтому он мог принимать лишь известную, разрешенную аллахом пищу. Но однажды он забыл об этом и наелся пшеничных зерен. За свое ослушание он был изгнан из рая. Он был одинок, и аллах решил создать ему подругу. Из той же смеси он создал Еву. У Евы начали рождаться дети. Рождались они парами. Однажды Ева поспорила, кому больше принадлежат дети—ей или Адаму. Тогда они решили произвести опыт, и каждый взял отдельно свое семя. У Евы из семени вышли черви, а у Адама—прекрасный мальчик.

В злобе и зависти Ева переломала мальчику ноги, но он, несмотря на это, остался жить и вырос. Так как у него не было жены, то аллах послал ему гурию, и от этого брака произошли езиды“.

— Конец неожиданный—улыбнулся профессор.—Однако, нужно при-

знать, что здесь порядочная мешанина из всех религий. Но убийство французского консула мне не нравится. Чего доброго, не пришлось бы нам встретиться с езидами. Вы не боитесь Берг?

— Это было бы любопытно..

Только поздно вечером Берг и профессор ушли от гостеприимного хозяина.

III. На Урмийском озере.

Дорога была узкая, прямая, каменистая. Яркое голубоватое солнце ослепительно сверкало на небе. Небольшая деревушка Ханагя, расположенная на берегу Урмийского озера, была окружена зеленым морем виноградников и миндальных деревьев. В раскаленных лучах солнца контуры ее расплывались и дрожали. Теплый западный ветер гнал по дороге поток одуряюще-сладковатого аромата сабзы (сухого винограда).

Со стороны Тавриза к деревне двигалась оригинальная процессия. Впереди, в белых шароварах, вышитых желтых куртках и ярко-пунцовых тюрбанах шли два курда. Сзади них на низкорослом коричневом ешаке (ослике) ехал профессор астрономии Петров. Ноги у него были поджаты и почти касались подбородка. Одной рукой профессор держался за ухо ешака, в другой сжимал биннокль. Рядом с ним шел Берг.

Наши путешественники, под охраной двух проводников курдов, направлялись к деревушке Ханагя, чтобы отсюда на моторной лодке заняться розысками упавшего болида.

Лучшее время года на Урмийском озере—осень и весна. Осень начинается в октябре и кончается январем. Весна продолжается с марта до конца мая.

Южные болотистые берега на несколько верст покрыты белой пеленой кристаллизованной соли. Летом, над этими раскаленными болотами, как над необозримыми пространствами расплавленного серебра, носятся густые иодистые испарения. Но, к счастью, лето не продолжается, а в остальное время года

здесь все цветет и благоухает. Климат теплый и ровный. Живописные деревушки вокруг озера сплошь тонут в цветах, виноградниках и миндальных садах.

За деревней Ханагя, на берегу озера, урмийским губернатором Шах-Наме была построена пристань. Шах жил в городе Урмии и для поездок в Тавриз завел себе три моторные лодки. На них он ездил по озеру от города Урмии до деревни Ханагя, а оттуда на лошадях до Тавриза. Этим он сокращал путь почти втрое, так как иначе пришлось бы ехать по единственной грунтовой дороге, извиляющейся вдоль озера по горным перевалам.

У этой пристани находилась и лодка Тавризской обсерватории. Курды перенесли в лодку продукты, оружие и запасы бензина. Берг пустил в ход мотор, и лодка начала быстро удаляться от берега, раская неподвижную темнозеленую воду.

Персы называют Урмийское озеро—морем. По своим размерам озеро, действительно, напоминает море. Оно тянется на протяжении 135 километров и достигает в некоторых местах ширины 46 километров.

Берг взял курс к противоположному берегу, на деревню Куши. Там решено было переночевать, а затем уже ехать надолго в северную часть озера.

Вокруг сверкал необъятный простор темно-изумрудной воды. Вода была неподвижная, тяжелая—застывшее стекло. Солнце начинало склоняться к западу. Чуть заметным розовым налетом покрывались появившиеся прозрачные облака.

— Какая своеобразная красота!—воскликнул Берг после долгого молчания.

— И тишина... — добавил профессор.

— Да, тишина прошлого, которое здесь как будто продолжает жить. Мне вспомнилась сейчас одна легенда об этом озере. В книге Зо-роастра—Авесте озеро Урмия называется Чайчашта. Там говорится, что оно подземными истоками соединялось с озером Воурукаша (Каспий-

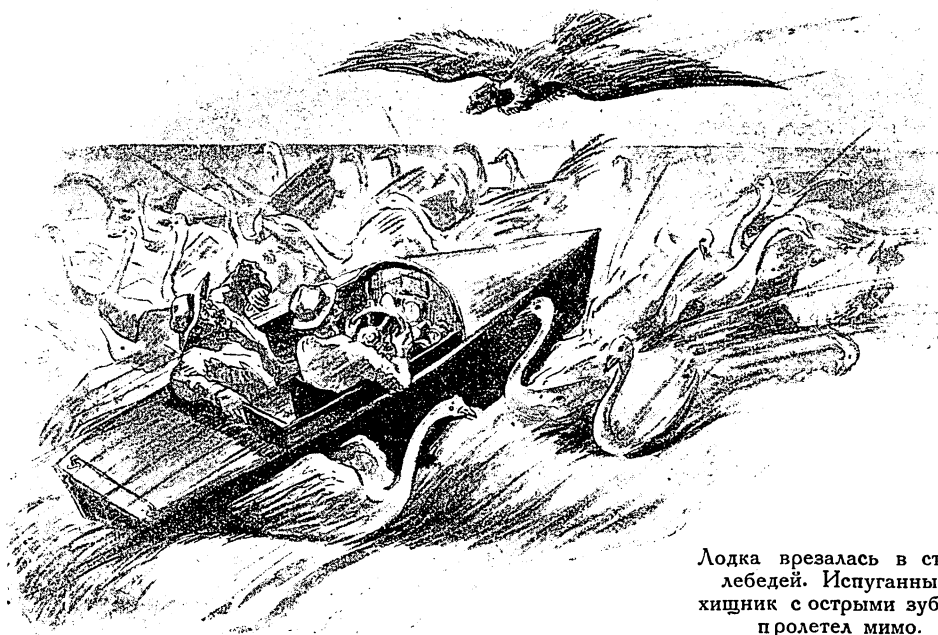
ским морем). Я склонен думать, что это вполне возможно. В глубокой древности Каспийское море, вероятно, сливалось с озером Урмия. Потом прошли века, и суша победила, отбросив море к теперешним границам. И вот, в этом углублении, как упоминание о прошлом, осталась часть Каспийского моря.

— Посмотрите, вода начинает принимать другой оттенок...

— Здесь это обычное явление. Несколько раз в день озеро меняет цвет. При сильном ветре оно становится совершенно черным.

встретила шумная толпа персов... Переночевав в деревне, они рано утром выехали снова на озеро. Профессор разработал план поисков. Он разбил северную часть озера на квадраты и решил исследовать каждый квадрат, делая отметки на карте. Глубина озера—незначительная, около 5-ти метров. При удивительной прозрачности воды было отчетливо видно дно. На это, главным образом, и рассчитывал профессор. В таких исследованиях дна прошло два дня.

На третий день они достигли высоты города Дильмана, с тем же

Лодка врезалась в стадо лебедей. Испуганный хищник с острыми зубами пролетел мимо.

— Я вижу фиолетовую полосу на западе.

— Это берег.

— Он еще очень далек. Расстояние здесь обманчиво.

Через 1½ часа моторная лодка приблизилась к берегу. Солнце уже скрывалось за горами, окрашивая в золотистый пурпур верхушки миндальных садов. Серые и коричневые граниты гор казались черными силуэтами.

Берг направил лодку в узенькую речку Вары-чай, у которой была расположена деревня. На берегу их

усердием продолжая работу. В полдень они неожиданно наткнулись на громадное стадо диких лебедей, спасающихся от какой-то хищной птицы. Стадо, в паническом ужасе, плыло прямо к лодке. Преследующий стадо хищник в это время стал опускаться и, сделав большой круг, повис над лебедами.

Лодка врезалась в стадо лебедей, и испуганный шумом хищник пролетел над лодкой. Клюв у него был открыт, и в нем ясно выступали острые зубы... Пролетев над лодкой, хищник мгновенно поднялся

вверх. Он с такой силой рассекал крыльями воздух, что был слышен легкий свист.

— Вот так экземпляр!—воскликнул Берг.

— Я отчетливо видел зубы...

— Птица с зубами! Кто бы мог ожидать...

Берг решил ее преследовать. Он повернул лодку и дал полный ход. Птица летела впереди, на расстоянии $\frac{1}{4}$ километра от лодки, направляясь на север. Инстинкт охотника опьянил Берга. Боясь, что птица исчезнет, он схватил ружье и выстрелил. Птица издала громкий крик и с невероятной быстротой стала исчезать вдаль.

— Что вы наделали!—накинулся на Берга профессор. По вашей вине мы потеряли этот редкий экземпляр. Птица исчезнет сейчас вон за этими горами. Увлечшись погоней, мы достигли северного берега.

— Что вы говорите?!—схватив бинокль, удивился Берг.

Несколько секунд он внимательно рассматривал светло-фиолетовую полосу впереди, протянутую над изумрудной, сверкающей водой.

— Это не берег, а остров,—передавая бинокль профессору, сказал он уверенно,—в этом нет никакого сомнения.

— Не может быть! На карте здесь нет никаких островов.

— Однако, это остров.

Они развернули карту. На ней, действительно, не было островов. Но это все-таки был остров. В этом не было теперь сомнения для профессора. Серые граниты окаймляли его берега, а за ними зеленели корчеватые кедры и пинии.

Лодка бешено неслась вперед, вспенивая носом воду. О ней забыли. Первый спохватился профессор.

— Остановите мотор! Мы разобьемся вдребезги...

— Ах, черт возьми!!

В последний момент Берг успел выключить мотор и повернул руль. Лодка, сделав крутой поворот, правым бортом срозмаха пристала к берегу.

— Что же мы будем теперь делать?—задал вопрос профессор.

— Мы привяжем лодку и пойдем исследовать остров. Быть может, мы увидим зубастую птицу, и я искуплю свой невольный грех. А, кроме того, болид ведь мог упасть и на остров...

— Вы правы. Здесь мы можем расположиться и на ночлег. Мне надоело ночевать в лодке.

Они взобрались на крутой скалистый берег и углубились в кедровый лес. Им удалось обойти лишь небольшую часть острова. Наступившая ночь заставила вернуться обратно. Около лодки на берегу они стали готовиться на ночлег...

Ночью Берг неожиданно проснулся от странного, неприятного чувства. Ему показалось, что кто-то пристально на него смотрит. Он открыл глаза и, не меняя позы, оглянулся вокруг. Чувство не обмануло его. В нескольких шагах от него стояла девочка. На вид ей было лет 12. Она была босиком, в большом белом платке, спускавшемся почти до самых ног. Взоры их встретились и Берг увидел, как девочка вздрогнула и бесшумно исчезла за стволами деревьев. Берг вскочил на ноги и протер глаза.

— Неужели мне все это почудилось?! Не может быть...

Рядом с ним спокойно спал профессор.

— Очень хорошо! Вместо дежурства профессор спит...—подумал он и вдруг вздрогнул.

Из леса до него донесся едва уловимый звук быстро удаляющихся шагов...

Все, что потом произошло, Бергу казалось сном. Он шел по лесу, прячась за стволами деревьев, пригибаясь к земле и иногда ложась на мягкий мох. Впереди мелькал силуэт девочки. Шла она легкой, бесшумной походкой, не оборачиваясь назад, точно скользя по воздуху. Сколько времени длилось преследование, Берг определить не мог. Два раза он терял ее из вида, но потом находил. Шел дальше, проходя поляны каменистые и покрытые низкорослой выжженной травой, обходя громадные камни, причудливо разукрашенные буро-красным светящимся мхом.

Шел и не знал, зачем он идет. Слышал только, как в этой торжественной тишине, исходящей как будто из глубины мертвого озера, билось его сердце.

У серых гранитных скал маленькая незнакомка неожиданно исчезла. Берг долго стоял, прислонившись к стволу дерева, и не мог понять, как это произошло. Потом подошел к скалам и увидел искусно замаскированный вход в пещеру.

Стараясь не производить шума, он осторожно заглянул в отверстие. Красноватый отблеск света дрожал на гладких гранитных стенах прохода. Почти у самого начала проход загибал вправо и, вероятно, упирался в пещеру, где горел огонь.

Берг стоял в нерешимости.

Вдруг он вздрогнул. Неожиданно чья-то рука коснулась его плеча. Он обернулся и встретил испытующий суровый взгляд старика курда, в белой вышитой куртке и белом тюрбане на голове. Почти сейчас же он почувствовал острую боль в голове и упал на траву, потеряв сознание.

IV. Приключение профессора астрономии.

Солнце медленно поднималось над озером, когда профессор открыл глаза. Сон мгновенно исчез. Удивление и растерянность отразились на его лице. Берга не было. Не было и моторной лодки... Смутное предчувствие какого-то несчастья ждало его сердце.

— Здесь что-то случилось...— подумал профессор. Но чем больше он думал, тем меньше понимал. И главной загадкой во всей этой истории было то, что от исчезновения Берга и лодки не осталось никаких следов. Как ни старался он их найти, не мог. Однако он был убежден, что Берг не мог никуда уйти, не предупредив его. Значит, оставалось только предположить одно: с Бергом случилось несчастье. Но куда девалась тогда моторная лодка? Если Берг уехал на ней, то шум мотора не мог не разбудить его, как бы крепко он ни спал.

Два дня потратил профессор в блужданиях по острову. Это не дало ему ничего нового. Никаких следов. Берг и лодка исчезли бесследно. Исчезло и первоначальное предположение, что остров обитаем и Берг сделался жертвой нападения. Ни одного живого существа не было на острове.

Следующий день только прибавил горя, так как кончались все продукты и нужно было серьезно подумать об их добывании.

На четвертый день профессору пришла мысль обойти берегом вокруг острова. Он решил не терять из вида озера, а следовательно, и возможности заметить на нем лодку. Кроме этого он решил послать в Тавризскую обсерваторию радио-телеграмму и просить помощи. К счастью, у него остался карманный радио-аппарат. Вступив на остров, Берг определил его широту и долготу. Не сделай он этого, бесполезно было бы посылать радио-телеграмму; инструменты исчезли вместе с лодкой, а без них профессор не мог бы указать местонахождения острова. Обрадованный этой счастливой случайностью, профессор вынул радио-аппарат и послал телеграмму: „Случилось несчастье. Необходима немедленная помощь. Я нахожусь на острове, не указанном на карте, В. долгота 45°, широта 45° 30' Профессор Петров“.

Берега были скалистые, и профессор пробирался по ним с трудом. Но он не унывал. К полудню он обошел половину острова и решил отдохнуть и позавтракать. У самой воды, в скалистом берегу, бил родник. Узкая прозрачная струя извивалась среди трещин скалы и падала прямо в озеро. Профессор обрадовался: жажда томила его с раннего утра.

С большими предосторожностями начал он спускаться по крутому берегу к роднику. Он уже предвкушал удовольствие напиться холодной, кристально-прозрачной воды, как вдруг у него из-под ног вылетели две громадные черные птицы. Они испуганно шарахнулись в сторону и исчезли за поворотом берега.

От неожиданности профессор вздрогнул и выпустил из рук фляжку, упавшую прямо в озеро.

— Опять зубастые птицы! — подумал он. Как жаль, что нет Берга; здесь, вероятно, их гнездо.

Но вместо гнезда профессор заметил у самой воды скрытый нависшими скалами большой грот. Оттуда и вылетели птицы. Позабыв об упавшей фляжке и о роднике, профессор спустился к самой воде и заглянул в отверстие грота. В зеленоватом полумраке тускло поблескивало громадное пространство воды. Гладкие влажные стены грота терялись во мраке.

У входа, вдоль стены, лежали плоские черные камни. Они образовали узкий барьер, окружавший полукольцом грот. По ним профессор проник внутрь грота.

Он сделал несколько шагов и вдруг остановился пораженный. В самом конце грота, где чернел квадратный вход в подземную галерею, стояла девочка. Она была в белом платье и белом платке и резко выделялась на темном фоне гранитов.

Вокруг, с глухим клекотом, летали зубастые птицы. Девочка бросала птицам куски мяса, и они, схватывая его, взлетали к потолку, ударяясь крыльями в каменные своды.

Профессор вблизи хорошо рассмотрел птиц. Оказалось, что вместо зубов у них были сплошные роговые пластинки, которые издали легко

было принять за зубы. Знакомый с орнитологией, он вспомнил, что таких птиц теперь нигде не водится. В меловом периоде водились подобные птицы — чистики, и особый вид гагар, ведя свой род от птеродактилей. Неужели их потомки сохранились здесь, на необитаемом острове?

В левой части грота, на воде, поблескивая своей глянцевиной поверхностью, плавала какая-то темная громада, напоминающая своим видом исполинскую сигару. Птицы садились на нее. Пожирая свою добычу, они громко стучали клювами о ее металлическую поверхность.

Профессор сразу догадался, что это такое. Одновременно удивление, радость и недовольство на свою несообразительность, вспыхнули у него в мозгу. Мысли закружились в бешеном вихре.

— Ну, конечно, так это и должно быть! — подумал профессор. Она и должна плавать... Плавать, а не тонуть. Но кто бы мог ожидать, что она возвратится, именно она! Удивительно и непостижимо!!

Давно уже скрылась в подземной галерее девочка, а профессор все еще продолжал стоять, прижавшись к стене грота.

Смутное предчувствие неудержимо влекло профессора последовать за незнакомкой. Безусловно между ней и исчезновением Берга существует какая-то связь. Нить найдена — нуж-

В подземной галерее стояла девочка в белом. Вокруг летали зубастые птицы...

но распутать теперь весь клубок! Нужно спешить!

Птицы, наконец, вылетели из грота. Наступила тишина. Безмолвно поблескивала изумрудно-сумеречная водная гладь, и с отрывистым, тугим звуком падали капли с влажных стен. Профессор осторожно пробрался по камням барьера в подземную галерею.

Почти у самого входа галерея заворачивала влево и шла под большим уклоном вниз. Скоро абсолютный мрак окружил профессора. Он пошел медленнее, все время нащупывая рукой стены и зажигая изредка спички. Галерея была ровная. Не было ни выбоин, ни трещин. Она извивалась то вправо, то влево, продолжая все время идти вниз. Это успокоило профессора и ослабило его внимание. Он пошел смелее, стараясь как можно реже зажигать спички. Но вдруг он почувствовал, что ноги его начинают скользить, не находя опоры. Чтобы не упасть, он хотел удержаться за стену...

Но стены не было, и профессор, не ожидая этого, широко раскинув руки, полетел куда-то в зловещую темноту.

V. В плену у езидов.

Берг очнулся в круглой пещере. Он лежал на ворохе сухой травы. Прямо перед ним, на красноватом квадратном камне, горел масляный светильник, освещая только небольшое пространство вокруг себя.

Берга томила жажда. Он хотел сделать движение рукой и почувствовал, что руки и ноги у него связаны. Однако он сделал усилие подняться и сел. Около камня неподвижно стояла девочка. Несмотря на мучительную головную боль, он сразу узнал в ней ту незнакомку, которую так неудачно преследовал.

— Я хочу пить...—сказал Берг.

Выйдя из-за камня и став на колени, девочка поднесла к его губам каменный кувшин с водой. Берг пил долго, не отрываясь. С каждым глотком он чувствовал, как восстанавливаются его силы. Утолив, наконец,

жажду, он поднял голову. Лицо девочки было близко от его лица. Огромные восточные глаза смотрели на него в упор с любопытством и настороженной, плохо скрываемой опаской.

Берг вздрогнул. Такой красоты ему нигде еще не приходилось видеть. Бледное детское лицо и пропасти уже не детских глаз. Изсиня-черные кудри выбились из под большого белого платка, накинутого на голову и окутывающего почти до ног ее стройный стан. Точно белые крылья лебеда...

С губ сорвался невольный вопрос:

— Кто ты?

— Я — Зубейда. Ты чувствуешь себя лучше—я рада. Я развяжу сейчас веревки.

— Ты не боишься меня?

— Нет.

Не поднимаясь с колен, она быстрым ударом ханджара (кинжала) перерезала веревки. Потом поднялась и отошла к камню. Берг тоже поднялся и подошел к Зубейде.

— Я хочу задать тебе один вопрос.

— Говори.

— Кто осмелился заманить меня в эту ловушку?

— Ты пришел сам и хотел узнать наши тайны. Мы были вынуждены...

— Кто вы?

— Этого ты не должен знать. Прощай, я приду вечером.

Став на колени, девочка поднесла к его губам кувшин с водой...

— Подожди, вспомни о власти шаха и о возмездии. Я требую немедленного освобождения. Передай это тем, кто осмеливается держать меня в заключении.

Зубейда улыбнулась и взмахнула два раза ханджаром. При каждом взмахе она говорила:

— Вот тебе—шах, вот тебе—са-дразами!!

Лицо ее мгновенно изменилось, сделавшись хищным и злым. Зубы оскалились, как у маленького зверька в минуту опасности.

Берг бросился к ней, но она протянула навстречу ханджар. Его сталь засверкала злоеющим, угрожающим блеском и остановила Берга. Он почувствовал неприятный, мучительный холодок в груди, около сердца.

В это мгновение отворилась маленькая кипарисная дверь, которую Берг только сейчас заметил в одной из стен пещеры. На пороге появился старик курд с ружьем в руке. Это ружье Берг мгновенно узнал. Оно принадлежало ему и лежало в моторной лодке. Неужели с профессором произошло несчастье?

Зубейда повернулась и вместе со стариком исчезла за дверью. Звякнула задвижка и гулко прозвучали удаляющиеся шаги.

Порыв бешенства овладел Бергом. Он подбежал к двери и принялся колотить в нее кулаками. Потом, поняв, что это бесполезно, взял светильник и подробно осмотрел всю пещеру. Везде был камень. Положение показалось Бергу безвыходным, и это, как ни странно, его сразу успокоило. Он поставил светильник обратно на камень и принялся ходить взад и вперед по пещере, обдумывая свое положение. По привычке он засунул руки в карманы и вдруг радостная улыбка мгновенно изменила его нахмуренное лицо...

В кармане лежал походный радио-аппарат с приспособлением для радио-телефона.

— Вот счастливая случайность! Они не осмотрели мои карманы.

Не теряя времени, он привел в действие радио-телефон и стал слушать. Несколько минут он безре-

зультатно ловил радио-волны, поворачивая приемник в разные стороны. Но вот мембрана телефона зазвучала.

До Берга донесся заглушенный разговор. Он различал мужской и женский голоса. Где-то, невдалеке, находилась, вероятно, другая пещера.

— Мне его жаль, Моавия...—говорил женский голос, и Берг догадался, что он принадлежит Зубейде.

— Но что же тогда мы будем с ним делать? Не забывай, что второй чужестранец бродит где-то по острову. Если мы их оставим живыми, то они узнают все наши тайны...

— Возврати им лодку, и пусть они уезжают. Эти чужестранцы исследуют озеро, и наши тайны их не интересуют. Куда ты дел их лодку, Моавия?

— Она стоит в гроте, рядом с железным снарядам, упавшим с неба. Будь он проклят! Если мы отпустим иностранцев, все узнают о существовании нашего острова, и через несколько дней сюда приедут сарбазы.

— Ты прав, Моавия... Что же нам делать?

— Убить обоих... другого выхода нет.

Разговор прекратился и послышался звук запираемой двери. Берг понял, что его тюремщики куда-то ушли. Он сел на камень рядом со светильником и задумался. То, что он узнал, было для него большой и неожиданной новостью.

VI. Встреча, принесшая несчастье.

Падение для профессора оказалось счастливым. Упав с двухсаженной высоты, он получил только легкие ушибы. Вокруг был мрак. С тихим, настороженным звоном, где-то совсем близко струилась вода. Профессор встал на ноги и зажег спичку. Прямо перед ним темнело круглое подземное озеро. Озеро заполняло большую квадратную пещеру, от которой, теряясь во мраке, расходились несколько подземных каналов...

Спичка догорела. Профессор бросил ее. Красноватая искра метнулась в черном зеркале и стала падать в

бездонную глубину. Потом с шипением погасла, точно раздавленная хлынувшим сверху тяжелым мраком. Профессор зажег новую спичку.

Он стоял на узкой гряде камней, спускающихся к воде. Позади возвышалась двухсаженная гладкая стена. Подземная галлерея, по которой он шел, оканчивалась здесь неожиданным обрывом.

Для профессора стало теперь ясным, что, идя в темноте по галлерее, он пропустил какое-то ответвление, куда скрылась преследуемая им девочка. Нужно найти этот поворот, а для этого, прежде всего, вернуться отсюда. Это не составило особого труда. Профессор набрал камней и, сложив их около стены, взобрался по ним обратно в галлерею.

Предположения его оказались правильными. В нескольких саженях от места его падения галлерея сворачивала вправо, чего в темноте не заметил профессор. Горьким опытом наученный осторожности, он свернул в этот проход и начал медленно подвигаться вперед. Проход шел с небольшим подъемом. Боясь зажечь спичку, чтоб не выдать своего присутствия, профессор шел в темноте, ощупывая руками стены. Проход неожиданно повернул влево. Профессор почувствовал под ногами ступени лестницы и поднял голову. Лестница оканчивалась у входа в узкую галлерею. Оттуда струился слабый красноватый свет...

В то время, как профессор блуждал в подземных галлереях, Берг находился в своем заключении. Он ожидал прихода Зубейды. Она два раза в день приносила пищу и свежую воду, и по ее приходу Берг определял время. Но каково было изумление Берга, когда звякнул отодвинутый дверной засов, и, вместо Зубейды, с револьвером в руке вошел профессор...

Несколько мгновений оба не могли произнести ни слова. Первым пришел в себя Берг. Он бросился к профессору и принялся его обнимать. Когда порыв радости прошел, и они рассказали друг другу о сво-

На пороге появился старик курд
с ружьем в руке...

их приключениях, профессор выработал план немедленных действий.

— Для меня все теперь понятно... — сказал он. Снаряд-ракета упал недалеко от острова. Живший на острове жрец секты езидов, боясь, чтобы не был открыт этот остров, спрятал его. Но открыть снаряд он конечно не мог — это было ему не по силам. Вместо него снаряд откроем мы...

Профессор не окончил фразы. По корридору раздались осторожные шаги, неожиданно умолкнувшие у двери.

Берг схватил за руку профессора и прошептал:

— От радости я совсем забыл о своем тюремщике, — это его шаги. Скорей встаньте около двери, профессор, так, чтобы вас не было заметно. Я боюсь, чтобы открытый за-

сов не вызвал тревоги. Молчите... молчите...

Профессор только сейчас сообразил, какой опасности они подвергались. Тюремщик мог закрыть засов двери. И тогда... тогда вместо одного пленника будут два. Какая невероятная, чисто профессорская рассеянность!!

С лихорадочным вниманием они стали следить за дверью. Прошло несколько томительных минут, показавшихся им вечностью. За дверью не раздавалось ни одного звука. Не в силах больше выносить напряженного ожидания, Берг бросился к двери... Проклятие слетело с его губ, когда он обернулся к профессору.

— Дверь заперта!

Профессор вздрогнул и побледнел.

— Наша встреча принесла нам несчастье... — сказал он дрожащим голосом и в отчаянии сжал руками голову.

VII. Неожиданное спасение.

Время тянулось однообразно. Масло в светильнике давно выгорело и он погас. Наступившая темнота еще сильнее действовала на угнетенное состояние пленников. Пленники сидели теперь молча, отдаваясь своим невеселым думам.

По их предположениям, прошло два дня. Кипарисная дверь в стене больше не открывалась. Было ясно, что их оставили здесь на произвол судьбы. Что могло их ожидать? Мучительная, голодная смерть...

— Неужели мы умрем? — сказал Берг, скорее отвечая своим мыслям, чем спрашивая профессора. Какая нелепость! Умереть в тот момент, когда стоишь перед великим открытием, способным, может быть, всколыхнуть весь мир. Меня не страшит смерть, но ужасает бесцельность...

Профессор подошел к Бергу.

— Мой дорогой друг, никогда не следует впадать в отчаяние. Мы сделали все, что могли, и наши поиски не могут быть бесцельными. К тому же, предавшись отчаянию, вы забыли, что мной послана радиотелеграмма в Тавризскую обсерваторию...

— Но разве можно надеяться на помощь оттуда? Если даже они получат телеграмму, и найдут остров, то как они разыщут нашу тюрьму и нас самих?..

Профессор ничего не ответил, убежденный доводами.

Прошел еще день. Профессор так ослабел от голода, что все время лежал на ворохе сухой травы и молчал. Берг, как более молодой и выносливый, ходил еще взад и вперед по пещере. Тишина угнетала его и, чтобы услышать человеческую речь, он спросил профессора.

— О чем вы сейчас думаете?

— Я думаю, — прозвучал слабый голос профессора — сохранились ли в снаряде - ракете самозаписывающие приборы. Я почему-то убежден, что селениты послали нам рукопись. Представьте себе, что график, составленный приборами, даст нам возможность проверить сообщения рукописи...

Профессор оказался истинным ученым. Даже в такой трагический момент он ставил интересы науки выше своих личных бедствий. Это мгновенно разогнало угнетенное состояние Берга, и весь день прошел в спокойных разговорах о снаряде-ракете. Ночью Берг проснулся от острого шороха. Профессор стоял у двери и к чему то прислушивался.

Первое мгновение у Берга явилось подозрение, что его друг сошел с ума. Перенесенное волнение и голод были бы достаточной причиной. Но профессор обернулся и окликнул его.

— Вы не спите, Берг?

— Что случилось?

— Я слышу шум многочисленных шагов и звуки выстрелов. Мне кажется, что пришло спасение...

Одним прыжком Берг очутился у двери. Профессор был прав. Бешеная радость охватила пленников. Они принялись руками и ногами колотить в дверь, призывая на помощь. Стук скоро был услышан, и дверь открылась.

С громким лаем ворвался в пещеру Гектор, а за ним, радостно улыбаясь, вошел Ага-Уован с дюжиной сарбазов.

— Вы живы и невредимы! — воскликнул он, обнимая пленников. Я так боялся, чтобы не запоздать... Нам бы ни за что не найти вас, если бы не помощь Гектора. Это он разыскал ваши следы и привел сюда.

Рядом с пещерой, где находились в заключении Берг и профессор, была вторая пещера. Пройдя по узкому корридору, в конце которого горел светильник, ага Уован остановился перед маленькой закрытой дверью.

эти езиды!.. Я чуть было не отправился к праотцам, профессор. Только находчивость этого сарбаза спасла меня от смерти. Когда мы ворвались в пещеру, на жертвеннике горел огонь. На огне висел большой глиняный сосуд с кипящей водой. Мы попали как раз к жертвоприношению. У жертвенника стоял жрец. В одной руке он держал черную птицу, а в другой сжимал кинжал. Около стены находилась только девочка-туземка —

Быстрым движением жрец отбросил крышку ящика. Оттуда вылетели черные птицы.

— Это езидский храм, — сказал он, открывая дверь. Посмотрите, какие древние рисунки.

Над дверью, на сером граните, были вырезаны пять кругов и две уродливые птицы. С правой стороны выступал рисунок змеи рядом с какими-то животными, а около них — факел, топор, большой птичий гребень и крест.

Пещера была огромная. Задняя стена терялась во мраке. Посередине стоял жертвенник, на котором еще тлели угля. У жертвенника дежурил сарбаз.

— Ну, и наделали же нам хлопот

никого больше в пещере не было. Увидя нас, жрец вздрогнул и от неожиданности выпустил птицу. Я был впереди сарбазов, и жрец неожиданно с кинжалом бросился ко мне. Но я успел отскочить в сторону. Мой спаситель-сарбаз выхватил револьвер и навел его на жреца. Под зловеще поблескивающим дулом жрец остановился и опустил кинжал. Не сводя взгляда с сарбаза, жрец начал медленно пятиться к правой стене, где стоял большой черный ящик. Быстрым, неожиданным движением, он отбросил крышку ящика и отскочил в сторону. Из открытого ящика

с громким шумом вылетело несколько черных птиц. В паническом ужасе они стали носиться по пещере, опрокинули светильник и разбили сосуд с водой, заливший огонь жертвенника. Воспользовавшись темнотой, жрец вместе с девочкой куда то исчезли... Но эти проклятые птицы оказались с зубами. Посмотрите, как одна из них укусила меня за палец.

— Я хочу видеть солнце и возвращенный селенитами снаряд...— перебил рассказ профессор. Идемте, ага-Уован,—теперь наша очередь отблагодарить вас за спасение и посвятить в нашу тайну. Мы будем сейчас присутствовать при величайшем акте. Снаряд-ракета, посланный обсерваторией Лоуэлла на Луну—возвратился обратно на Землю и находится здесь на острове...

В тот же день с острова отплыли две моторные лодки. А еще через день телеграф разнес по всем странам невероятную новость о возвращении посланной на Луну ракеты, в которой была найдена рукопись селенитов.

Это сообщение произвело сенсацию и вызвало неистовый восторг. Внимание всего мира было теперь сосредоточено на Тавризе, где трудились над переводом рукописи селенитов два русских ученых — Берг и профессор Петров.

VIII. Рукопись селенитов.

Вот что говорилось в этой рукописи, написанной на отдельных листах голубоватой ткани.

...Мы, последние обитатели когда-то цветущей и прекрасной планеты, посылаем свой привет—эту рукопись. Мы сказали прекрасной потому, что предки наши жили еще в те времена, когда ваша планета была солнцем. Два Солнца озаряли начало нашей жизни: одно—яркое-голубое (солнце планетной системы), другое (ваша планета) сначала желтое, потом красное.

Цветущие равнины и благоуханные цветы покрывали когда то нашу планету. Разноцветные дни соткали на-

шу жизнь. Жизнь была прекрасна. Теперь планета мертва. Холод, смерть и черное небо окружают ее. И мы, последние звенья великого народа, достигши торжества разума — умираем. Но умирая, мы знаем теперь, что скоро ваши исследователи будут бродить здесь в мертвой тишине вечного забвения, среди неподвижных скал, безводных морей и угрюмых кратеров. От нашей прежней жизни там ничего не осталось. Мы давно ушли под землю, чтобы спастись от холода и отравленного воздуха. Давно, давно наших предков постигло ужасное бедствие: планета попала в хвост появившейся кометы. От этого столкновения исчезла атмосфера, Но мы не хотели умирать, не хотели быть игрушкой стихий, и пошли наперекор природе, создав новые города и новую жизнь. Под землей ищите следов прежней жизни и культуры.

...Только сейчас я узнал о смерти Окку. Весть эту послал мне Селэ, хранитель кислородного питания. Я сидел неподвижно, глубоко задумавшись, как вдруг ощутил его мысль, влетевшую в мое помещение. Нас было всего шесть селенитов. Шесть живых существ среди необозримых мертвых городов! Теперь, со смертью Окку, осталось пять. Какая ужасная и незаменимая утрата! Я подошел к отражателю поверхности планеты.

На черном небе, среди знакомых созвездий, висели огромные Небесные Часы (так мы называем вашу планету). До совпадения с меридианом нашей планеты на них не хватало 4°30'.

Ровно 12 часов тому назад Окку был жив. Он поразил нас посланной мыслью, утверждая, что теперь он убедился в существовании разумных существ на Небесных Часах.

Это нам показалось тогда абсурдом. Разве может, в самом деле, жить какое-либо разумное существо на такой нелепой планете? Ее со всех сторон покрывает толстый слой атмосферы. Мы мгновенно утонули бы в ней, как в самом глубоком океане. Кроме того Небесные Часы вращаются вокруг своей оси с невероят-

ной быстротой. В то время как у нас на планете пятнадцать последовательных дней Небесных Часов и такое же количество ночей составляют только одни сутки,—Небесные Часы обращаются вокруг своей оси в 24 часа. Мыслима ли жизнь на этой вертушке при 24-часовых сутках! Ведь мы прекрасно знаем, что живым существам невозможно удержаться посередине двух вращающихся элементов—атмосферы и твердой части планеты. Возможно ли при таких условиях предполагать существование живых существ?

Но Окку нам возразил, что ему наши утверждения кажутся теперь такой же нелепостью, как нам—его.

Что такое живое существо? Ни больше, ни меньше, как непрерывное изменение атомических форм в зависимости от условий окружающей среды. Почему же тогда не существовать разумным существам Небесных Часов?!

Окку передал это с большой иронией. Затем он напомнил нам, что мы забыли, чем мы были раньше сами и кем стали теперь. Ведь наши предки, имея смешные и ненужные органы, давно исчезнувшие у нас, жили тоже в атмосфере. Однако,—добавил Окку—я не передал вам самого главного. Сегодня я долго наблюдал Небесные Часы. Они были обращены ко мне своей восточной частью. По узкому, длинному матерiku вилась белая извилистая линия гор, напоминающая цепь гор на нашей планете. Этот хорошо знакомый нам материк, как бы перетянутый посередине, был окружен зелеными пятнами—океанами Небесных Часов.

На этом материке меня поразило странное явление, никогда невиданное мною прежде. Произошла яркая вспышка света, и какой то темный предмет, отделяясь от поверхности материка, помчался к нашей планете. Около этого материка проходила как раз неизменная линия тени—граница дня и ночи Небесных Часов. На фоне этой черной тени вспышка света и сам несущийся предмет казались особенно отчетливыми. По моим вычислениям, он через две-

надцать часов долетит до нас. Я утверждаю, что этот предмет послан к нам разумными существами Небесных Часов.

И вот сейчас я вспомнил эти последние мысли умершего Окку. Не знаю почему, но у меня сейчас же явилось предчувствие, что этот поразивший Окку предмет явился причиной его смерти.

Однако мне нужно было спешить к главному входу. Я поместился в движущемся со скоростью мысли аппарате, заменяющем нам исчезнувшие органы передвижения. Своей мыслью я привел в действие механизм.

Я прибыл последним. Сэлэ и трое других моих друзей ожидали меня.

Жуткая картина разрушения поразила меня. Мои недавние предчувствия оказались верными. Оторвавшись от Небесных Часов, в кратер Коноп, через который наши подземные города сообщались с поверхностью планеты, упал черный кусок металла. Он разбил все наши сооружения, защищающие подземные города от холода на поверхности и лежал теперь на каменном полу, разрушив часть свода и сплющив своей тяжестью наши кислородные двигатели. Одним из многочисленных осколков камня был убит Окку. Он лежал неподвижно на каменном полу. Глаза его были закрыты. В гладком, сероватом черепе, около того места, где у нас помещались органы питания мозга, торчал острый кусок камня. В разбитое отверстие кратера виднелось черное небо. На нем сверкало солнце и звезды. Был день. Острый режущий холод широкой струей врвался в отверстие.

Мы начали обмениваться мыслями. Для всех нас было ясно, что смерть Окку может быть и нашей смертью. Мы не в силах в короткий срок исправить гигантские разрушения и пустить в ход кислородные двигатели. Единственно, что нужно нам для поддержания жизни — кислород. Если его не будет, наш мозг, являющийся всем нашим организмом, умрет. Предполагали ли обитатели Небес-

ных Часов, что их подарок будет нашей смертью?

Из всех наших проектов нам показался более выполнимым проект Инга. Инг утверждал, что у нас слишком мало времени для каких-либо серьезных сооружений. Однако, мы должны послать ответный подарок разумным существам Небесных Часов.

Посланный ими прибор остался невредимым, к тому же в нем найдены достаточные запасы взрывчатых веществ, приводящих его в движение. Мы пустим его обратно на Небесные Часы. А до этого мы должны послать предупреждение, чтобы существа Небесных Часов могли его встретить.

Прошло трое наших суток. Инг окончил, наконец, свое изобретение—маленький металлический снаряд для предупреждения обитателей Небесных Часов. Записывающие мысли приборы окончили нашу записку, над которой мы долго думали, чтобы она была понятной.

Судя по изобретению существ Небесных Часов, мы заключили, что они находятся еще на низком уровне развития. Условия их жизни настолько разнятся от наших, что всего все равно они не в силах понять. Но, несмотря на это, существа Небесных Часов—родственны нам так же, как родственны наши далекие предки, отличавшиеся от нас своим видом и своей жизнью. Но природа Разума единообразна. Сущность мыслящего существа одна и та же на планетах...

Сегодня мы пошлем изобретение Инга, а вслед за ним через мировое пространство помчится обратно и подарок обитателей Небесных Часов, принесший нам смерть. Мы направим его в одно из морей повернувшихся в это время восточной частью Небесных Часов. Эта идея принадлежит Сэлэ. Он утверждает, что безопаснее всего пустить этот подарок в какое-нибудь море, чтобы не разрушить городов Небесных Часов.

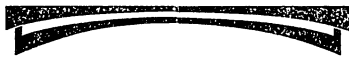
Наши машины поставили прибор обитателей Небесных Часов в вертикальное положение и исправили внутренние повреждения. Осталось только привести в действие электровоспламенители и произвести взрыв.

Я оканчиваю сейчас эту рукопись, и мне представляется пройденная нами необозримая дорога жизни. Какая разница между нами, достигшими торжества развития, и теми простейшими существами, от которых мы произошли! От физического сходства не осталось следа. Все ненужное, поработавшее разум—исчезло. Остался один торжествующий, познающий мозг, как более совершенная форма материи. Он заменил нам все органы. Наши мысли управляли всем. Витая вокруг нас, они переходили в энергию, а последняя приводила в действие наши двигатели...

Но теперь наши мысли получили свободу. Они вырвались из разрушенного отверстия на поверхности мертвой планеты. И я знаю, что их энергия создаст новую жизнь, и эта новая жизнь будет развиваться в неведомых условиях и формах. Закон жизни сильнее нас. Напрасно мы старались довести наше развитие до конца, когда должен был естественно совершиться переход нашего организма в какую-то неведомую мыслящую энергию. Напрасно мы перерабатывали наши мысли, обращая их снова в материю, чтобы быть единственными живыми существамж.

Сегодня мы все вместе выйдем на поверхность планеты, пошлав миру последний привет. И, умирая, мы благословим жизнь, прекрасную даже в своей жестокости уничтожения. Творящую великие чудеса в своем стремлении создать все более и более совершенные формы. Нам понятны теперь ее законы. И нет большей радости, чем радость познания и и слияния с жизнью.

Да здравствует жизнь, пославшая нам смерть!

Очерк Н. П. БОГОЛЕПОВА. Иллюстрации М. Я. МИЗЕРНЮКА.

(Окончание).

Летков—энергичный русский человек, срубил себе домишко на берегу Карского моря, на Южном острове Новой Земли, приобрел ездовых собак и взял в компаньоны самоеда Василия Пырерко, славного человека и опытного промышленника. В первой части очерка (см. № 4 „Мира Приключений“) передаются впечатления Леткова, когда привезший его пароход удалился на могучих седых волнах Карского моря и Летков остался один, в самоедской семье. Описывается домашний уют уединенной хижинки; захватывающие картины опасного промысла на гигантского стопудового моржа; любопытная охота на диких оленей, сохранившая свой первобытный характер; жертвоприношение и беседа самоеда Пырерко с Сядаем—своим идолом; нашествие белого медведя на хижину промышленников, где его убила жена самоеда и маленький сынишка; трудности суровой зимовки; опасное приключение с морским зайцем—20-пудовым страшилищем; полярная ночь с ее загадочно-прекрасным Северным Сиянием. Описываются далее белые медведи, их повадки, охота на них и охота самих медведей за тюленями. Все эти яркие, с натуры рассказанные сцены жизни на Дальнем Севере иллюстрированы по фотографиям и наброскам автора, проведеншего на Дальнем Севере более 6 лет и обладающего художественно изощренной наблюдательностью.

Добыча тюленей.—На краю гибели.

Наконец, долгая и нудная полярная ночь окончилась. Шестого Февраля показалось солнышко, красное, румяное. Выглянуло самым краешком на три—четыре минуты, и вновь скрылось, как будто испугавшись картины зимы, среди снегов и льда.

Март месяц. Солнечный яркий день. Земля, как невеста, в белом подвенечном платье из снега, из льда, под взором жениха—солнца, оживилась, затрепетала разноцветными блесками бесчисленных снежинок. Белые вершины гор как-бы потеплели—снег принял розоватую окраску.

Упряжка собак быстро мчится среди фантастических голубых дворцов, развалин и ледяного леса, образовавшегося еще с осени, от напора льдов. Снег, кромка и изломы льда под лучами солнца играют невиданной пляской огней и теней; из под нартов поднимается снеговая пыль, солнце и здесь шалит, образуя маленькую радугу. Все это светит и режет глаза. Во избежание снеговой болезни глаз, промышленники украшены громадными темными очками—консервами.

Приехали на место промысла. Темная, зеленоватая вода слегка колышется в изломанных ледяных берегах. От сильного мороза с воды поднимается пар. Десятки голов тюленей высовываются и снова исчезают в воде.

— Ой бяда, зверя-то сколь много! Наверно уж ветер близко.... Надо быть, скоро опять шторм падет,—говорит Пырерко и озабоченно осматривает безоблачное небо.

Летков с трудом раздвигает рот. Борода и усы заиндевели, образовав одну сплошную снеговую маску.

— Будет тебе каркать-то, Василий! Смотри, тишина какая. На небе ни облачка! Вот давай-ка, лодку-то с нарт в воду.

Безпрерывно гремят выстрелы. Летков делает чудеса со своим ремингтоном. На 500—600 шагов бьет в голову нерпу—только брызги мозгов да крови тюленьей летят от удара пули.

Увлеклись промышленники.

А по льду нет—нет, да и пробежит поемка—ветер, гоня и крутя кучи сухого снега. Ветер все крепчает, а охотники еще только больше в раж входят—уж больно много зверя.

Темнеет... Солнце закатывается за горы. Раздается протяжный треск и площадь льда, на которой были охотники, вздрагивает. Моментально весь промысловый угар точно рукой сняло! Уж больно жуткое значение имеет этот треск и колебание на припае! Что-же случилось? а вот что: от сильного мороза лед треснул; в образовавшуюся широкую трещину хлынула вода, а услужливый ветер с берега уже раздвинул трещину, отделяя льдину от матерого припая. Эту льдину с промышленниками унесет в неизвестные дали Карского моря и тогда им придет конец. Сколько таких катастроф ежегодно происходит на Новой Земле!

До сих пор мирно спавшие собаки вскочили и неистово завывли. Умные псы почуяли близкую, но неизвестную опасность; шерсть стала дыбом на могучих шеях.

— Брось лодку,—чорт с ней! вались на нарты и держись, что есть силы—командует Летков Василию.

Момент, и собаки, развернувшись, подхватывают нарты. Летков на бегу прыгает на спину лежащего ничком на нартах самодея.

— Хать! Пырь, пырь! Ой, хать, хать! неистовым голосом кричит на собак Летков, во всю ударяя по упряжке хореем.

— Ой бяда! Пырь, пырь! хрипит и Василий на собак.

Фф!—пронзительно свистит Летков. Собаки вытянулись, и несутся, несутся..... Нарты качаются, подпрыгивают и бьются о ледяные кочки и бугры. Вот—вот или перекувырнутся от бешеной езды, или в щелы разобьются о рапаки, но передовая собака Торос сама выбирает дорогу и увлекает за собой остальных собак. Темная линия трещины быстро приближается.

Пора! В последний раз Летков гаркает на собак. Одновременно удар хореем, и он спрыгивает с нарт.

Вynesут? нет? собаки?

С полного разбега собаки махнули через саженную трещину, где бурлит черная вода, увлекая за собой нарты с Пырерко.

Хлоп! Фонтан брызг, это задок нарт ударился о воду, но Василий уже успел скатиться с нарт на лед, по другую сторону трещины. Собаки выдернули нарты и остановились, шумно дыша и дрожа от напряжения.

Летков, подтянув потуже пояс и скинув малицу на лед, сильно разбежался, затем, упираясь хореем об лед, — перемахнул через зловещую трещину.

— Нну! Спаслись, брат! Погоняй, Василий, до дому собак, а то замерзну—говорит Летков.

Оторопелый и изумленный Пырерко только головой трясет, да покрикивает на несущихся собак. Мелькают торосья, льдины... подъем... и, наконец, желанный огонек! Дома! Посинелый и закоченевший Летков вваливается в кухню.

Анна ахает и разводит руками.

— Где малицу-то, Николай Семеныч, посеял? Случилось, поди, что не ладно?

На дворе лают и визжат распряженные собаки. За работу и спасение, Василий оделяет их пудовыми кусками мяса. Псы благодарно лижут руки. Летков у себя в комнате переодевается и согревается. Василий с азартом рассказывает Анне на кухне весь эпизод.

— Вот бяда, какой человек! Прямо, как черт, храброй, да сильной! Пропали бы оба, коли не Семе-

Летков, подтянув пояс и скинув малицу, перемахнул через зловещую трещину.

ныч — подтверждает возбужденно Анна.

— Первой ты удалец и промышленник Новой Земли теперь, Семёныч—встречает Леткова Василий.— Всем самоедам сказывать буду, как ты меня да себя спас! Любить тебя станут все крепко; меня в беде не кинул.

Через неделю Анна подарила Леткову новые пимы и малицу, затейливо расшитые разноцветными сукнами.

Промысел на песца. — Нрав и привычки зверя.

Весь Февраль и Март шли усиленные промыслы песца, так как он теперь „дошел“ вполне, и шел в ловушки, побуждаемый голодом. Приходилось осматривать пасники каждый день, не считаясь с погодой.

Промысел на песца, это один из самых выгодных на Севере. Чтобы удачно промыслить песца, надо хорошо знать его образ жизни, характер, привычки и прочее.

Живет песец, „норует“, в песчаных буграх, сплошь изрытых дырами или входами в песцовую нору.

Таких входов или выходов насчитывается от десяти до пятнадцати. На глубине аршина под землей идут коридоры, перекрещивающиеся самым запутанным лабиринтом. Такой ход весь бывает покрыт густой растительностью, цветами, мхом и какой-то резко пахнущей травой.

В одной норе иногда живет несколько семейств песцов. Самка приносит до двенадцати штук детей. Мать очень редко выходит из норы до трехмесячного возраста своих детей; за то самец песец целыми днями рыскает и таскает семье пеструшек, птичек, гусей, уток — словом все, что попадает ему в зубы. Не брезгует он и падалью. Трехмесячные песценята начинают выходить из норы со своими родителями, а на ночь все семейство возвращается в нору. До 1 — 1¹/₂ годовалого возраста, песец твердо держится своей родовой норы, а затем молодежь расходится на сторону, обзаводится своей семьей и норой. Попадаются норы, населенные десятью и двадцатью песцами.

За добычей песец выходит преимущественно ночью, хотя можно его видеть изредка и днем, но это будет очень голодный песец.

В поисках пищи он зашел далеко за пределы владения своей норы; день застал его на чужой, неизвестной территории, и он не смог к развету найти укромный уголок, где бы можно прилечь. Иногда песец „идёт“, то есть переходит, ищет новых хлебных мест.

Пока есть пища в районе своей норы, а такой район исчисляется примерно верст в пятьдесят по радиусу, песец держится своего района. Причины, заставляющие песца переселяться, таковы: в силу большого прироста населения норы, старики прогонят более взрослых. Бывает также, например, очень дождливая осень, верхний слой земли делается мокрым, мох и травы намокают. Сразу ударяют дружные морозы без снега, — тогда вся мокрая почва промерзает, все травы и мхи смерзаются, превращаясь в лед (это явление по местному называется „гололед“), главная пища песца — полярная мышь пропадает, дохнет с голода, или переходит в другое место. Птицы к этому времени обычно улетают, и песцу волей не волей приходится оставлять знакомый район, насиженное гнездо, и всем семейством переходить в другие не пострадавшие от гололеда места.

Интересно песец промышляет себе в пищу мышь-пеструшку. Если песец по свежему следу найдет мышь в норе и если мышь забились не глубоко в землю, то он просто разрывает передними лапами нору, — слышится легкий визг и — мышь выловлена. Бывает и так, что мышьяная норка глубока, или идет под камень. Выяснив нюхом это обстоятельство, песец становится на задние лапки, подпрыгивает на воздух и грациозным броском обрушивается на снег, над норкой. Этот маневр он повторяет до тех пор, пока сама мышь не ошалает и не выбежит из норки, пытаясь спастись бегством и, конечно, попадает в зубы хищника. Зимой полярная мышь — это самая легкая, постоянная и надежная добыча песца.

Промышляет песец еще белых

уточек „чистиков“, остающихся зимовать в чистой от льдов воде. Конечно, пока чистик в воде, он в безопасности, но стоит птице ночью вылезти на лед отдохнуть, тут его и сцапает песец, как кошка подкрадывающийся к чистику среди льдов. Вот почему всегда много песцовых следов по кромке льда.

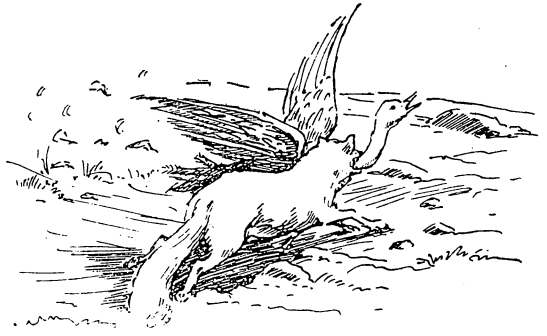
Здесь же, правда редко, песец находит исдохшего тюленя. Тут уж пир горой! Этим белых бесенят на добычу сбегается сразу несколько штук. Рвут тюленя, лают и дерутся ужасно, так как песец по натуре вообще очень зол и беспощаден. Маленькому тюленю, „бельку“, не успевшему нырнуть за своей матерью в отдушину, грозит неизбежная смерть в зубах песца.

Наблюдается еще и такая картина: как у акулы есть непреходящий спутник — рыбка „лоцман“, так и у белого медведя сзади всегда идут два-три беленьких пажика, подбирающих остатки трапезы „его полярного величества“. Таков зимний промысел песца.

Летом ему живется совсем легко. Песец отъедается и жиреет. Летом всегда бывает много мышей, много всяких маленьких, глупых пуночков и других птичек, схватить которых песцу очень не трудно. В большинстве случаев эти птички выют свои гнезда прямо на земле, среди трав и камней. В гнездах так много вкусных яичек и еще более вкусных птенцов! Есть еще гнезда уток на болотах, а гнезда диких гусей на берегу ручьев и озер! Яйца в них такие крупные! Спугнув с гнезда гусиху, песец выкатывает яйцо из гнезда и начинает его толкать о камни, пока оно не разобьется. Как славно слизывать с земли содержимое яйца! Плутовато и сладко жмурится разбойник на оставшиеся в гнезде яйца. Песец пирует, по уши вымазавшись в яичном желтке и ни мало не смущаясь горестными криками разоренной гусихи; а иногда, как рьяная насадка, гусиха вздумает лететь над песцом да клюнуть его, тогда быстрый, неожиданный прыжок в воздух и... О! какое

наслаждение запустить зубы глубоко в гусиную шею, схватить, вонзиться когтями в мясо, чувствовать, как гусиха не в силах взлететь и бежит по земле. Тогда волочиться за нею, ударяясь о кочки, стискивать и разрывать зубами кричащую шею птицы, чувствовать, как кровь вкусно бежит по морде, деснам и зубам; как гусиха, наконец, шатается, падает... Короткая борьба... Гусиха с силой и безмысленно толкает своими длинными лапами. Тогда песец прокусывает ей голову, разрывает живот и напившись тепловой крови до сыта, нажравшись до отвала, лениво чистит лапу, морду, катается по земле... Он знает, что у него есть еще много, много свежего вкусного мяса. Сладко жмурится песец, вытянувшись рядом с телом птицы, довольно осматривается кругом. Тихо, сытно дремлет. Пройди сейчас перед ним какая угодно дичь, — он не шевельнется.

Но стоит другому песцу подойти к счастливцу — все добродушие исчезает! Учувя соперника, песец уже стоит над птицей и немного по собачьи, отрывисто, взлаивает на пришельца; зубы свирепо оскалены, глаза, особенно вечером или ночью, светятся ярким зеленым огнем, хвост поднят и застыл в воздухе. Вся поза выражает напряжение и готовность к борьбе. Пришелец, тоже, очевидно, не робкого десятка, уверенно приближается, приняв соответствующий случаю „воинский вид“. Некоторое время они кружатся, подступая друг к другу, но вид птицы подавляет пришельца. С хриплым мяуканьем бросается он на владельца мяса. Оба в прыжке сталкиваются в воздухе, падают на землю, снова прыгают, сшибаются и катаются по земле. Визг... Фыркание. В воздухе летают клочки шерсти. Наконец один из чертенят, пришелец, как наиболее слабый, оставив изрядную долю своей шерсти на поле сражения, покусанный, с позором скрывается в тундре. Победитель сердитолизывает раны, забирает птицу в пасть и уходит в другую сторону от места происшествия.

Гусиха не в силах взлететь и бежит по земле... Песец держит ее за шею..

Нравится песцу в ручье выследить гусиху или утку с детьми, плывущих по воде в известном направлении, засесть в траве или камнях, на пути следования семейства, и ожидать, чувствуя судорогу в челюстях и когтях, ощущать глухую ярость и жажду убийства. Вот семейка выплывает из-за поворота. Птенцы беззаботно ныряют и барахтаются в воде, мать крикает. Плывут всеближе, ближе. Поровнялись — пора! Быстрый бросок. Что-то большое, серое, шлепается на перепуганных птенцов — это песец. Рвет и кусает направо и налево... Самка, в страшном смятении, улетает, и с громкими криками кружится над местом бойни. Вкусно хрустит косточками и закусывает птенцами песец после хлопотливой и шумной работы.

Хорошее для песца настает время, когда на тундре, на озерах, начинают линять гуси. Линяющие птицы собираются большими партиями и вместе с птенцами спускаются на озеро. Песец — уже тут. Он „приглядывает“ за гусями, как хороший пастух. Он твердо знает, что гуси, съев всю траву на озере, должны будут перейти по земле на другое озеро, и вот тут-то он уже рвет и грызет их сколько душе угодно. Да мало ли еще доходных статей у песца — всех не перечесть!

Промысел на песца очень выгоден. Каждая песцовая шкурка стоит пятьдесят рублей, и уже давненько перевалило у промышленников за четыреста шкурок, тщательно высушенных и очищенных. Летков только руки потирал:

— Ну, брат Василий, в больших мы капиталах теперь состоим с тобою!

— Да, што говорить стану, ладно же промышляём, поди на западном берегу-то всего по десять песцев добывали самоди-то, а мы, вишь-то, уж близко пятьсот, да ешше ошкуй, да нерпа, да рыба, да ешше весенный промысел!.. Ой ладно, саво! Хорошо место выбрал ты, Семеныч.

— Да, ведь, Николай Семенович теперь, поди, пойдет пароходом на Большу Землю летом, здесь не будет жить-то с нами, самодями, — говорит печально Анна.

— Ну, ладно, ладно, может и пойдут, а может и нет... Увидим—говорит улыбаясь Летков, не горюйте рано-то!

Двое суток под снегом.

Конец Марта. Самое скверное время в отношении штормов и снеговых бурь. Собаки нетерпеливо возятся в упряжке и раздраженно ворчат друг на друга, путаясь в постромках.

Пырерко ползает по снегу, тщательно маскируя гнездо капканов в снегу. Стараются. Да и как не стараться, когда уже второй раз подряд на этом гнезде капканов попадает голубой песец. В обществе девяти штук белых песцов он мирно лежит на нартах, резко выделяясь своей темно-шоколадной шубкой, с седой густой полосой по хребту. Такая штука стоит рублей 200—250. Не замечает Василий, что уже наступили густые сумерки; не замечает, что уже свистит сильный ветер, взметая тучи сухого снега, с шуршанием несущегося вдаль по тундре. И только конец работы да жалобное завывание озябших псов приводит его в себя. С гордостью еще раз он осматривает свое артистическое творение.

— Не даром ведь голубяк то сюда попадат! Ничего не заметишь, как есть ничего—шепчет самоед.

Собаки отряхиваются от занесшего их снега и дружно тянут нарты в наступившей темноте. Ветер

дует сильными порывами. До дому еще добрых двадцать верст. Становится совершенно темно, собак впереди не видно из за массы кружащихся снежинок. Ветер гудит и свистит, бросая кучи мерзлого снега. Лицо обдирает и жжет ледяным дыханием шторма. Трудно дышать... Буря разыгрывается в течение каких-нибудь двадцати минут. Впрочем, столь внезапные изменения погоды далеко не редкость в этих местах и Василий знает это.

Нарты стали. Собак ветром сбивает с ног и они не в силах тащить воз. Пырерко слез с нарт. Кое-как раскромсал ножом мерзлого песка и роздал собакам—бедняги не ели весь день. Одну лопатку песка самоед спрятал себе за пузуху, чтобы она там оттаяла—нужно ведь и самому подкрепиться. В снегу вырезал ножом яму и зарыл туда всех песцов, затем сам лег на них, навалив на себя сверху нарты. Собаки улеглись вокруг, согревая его немного своими телами. Лопатка песка оттаяла, но есть ее очень неприятно, уж очень сильно отдаёт псиной мясца! Однако делать нечего, и Василий съел все, даже кости и те сгрыз крепкими зубами. Спрятав голову в капюшон, он заснул.

Ночью проснулся, ноги ооченели и были словно чужие. Выбравшись из под нарт и сугроба снега, Пырерко долго бегал и топтался, разминая ноги, среди темноты ночи и рева бушующей стихии. Миллиарды мчащихся снежинок, вой и рев ветра и пронизывающий холод заставили его снова забраться в снег, под нарты, к собакам. Но самоед был совершенно спокоен и уверен, что выйдет живым и невредимым из подобной переделки:

Двое суток свирепствовал шторм. Четыре песца были съедены Василием в компании с собаками. На третьи сутки шторм стих, и Пырерко днем лихо подъезжал к дому, где его встретил сильно тревожившийся Летков.

— Зря беспокоился, Николай Семенович. Мужик то у меня ведь привычный ко снегу да холоду.

Поди разов десять ночевал в снегу, да ничего не было—уверяла Анна.

Пятого мая промысел на песца закончили. Шерсть у зверька уже стала слегка линять, выползать, появившись в шерсти сероватые пятна. Песец готовился к весне. Пасники и капканы были захлопнуты, но привады оставлены— пусть песец кормится и плодится. 531 шкурка песца украшала чердак и сарай. Солнце почти не заходило совсем— наступил полярный день. С подветренной стороны снег сильно подтаивал, хотя трех-саженные сугробы, закрывавшие сверху даже крышу дома и сарая, давили всякую мысль о тепле и лете. На горах, местами, чернели лысины земли, вытаившей на солнце. Прилетели первые чайки и полярные воробьи—пуночки. Летков подолгу любовался их суетливой возней и чириканьем.

На волосок от смерти.

Все внимание промышленников теперь сосредоточилось на морском промысле на тюленя. За зиму было добыто и мирно покоилось в снеговой могиле до девяти сот голов нерпы, но промысел решили продолжать, ежедневно выезжая на припай. Снег со льда сильно таял и собакам было тяжело тянуть груженные нарты. Ласково светит солнышко и хорошо греет уставших охотников. Вода спокойна и прозрачна. Видно, как в глубине проходят стаи рыбы и гонятся за ними нерпа. Тюлень теперь потерял много сала, плохо держится на воде да и охота на рыбу лишает его возможности часто показываться охотнику.

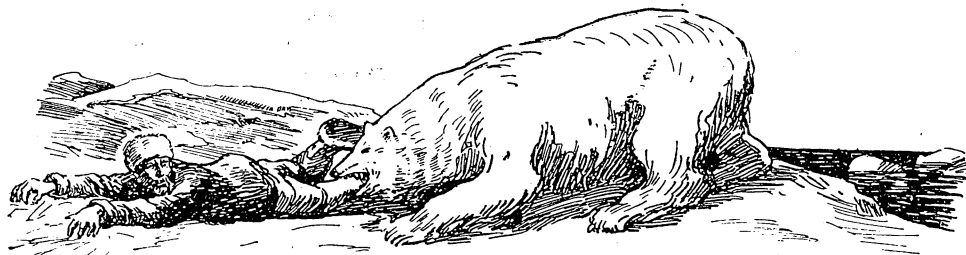
Прислонившись удобно к ропаку и положив винтовку на лед, сладко дремлет Летков.

...Зеленые деревья шумят вершинами, ветви ласково кивают, яркие травы и цветы что-то нашептывают на ухо. Речка на солнце блестит расплавленным серебром и режет глаза. Милое лицо склонилось к Леткову и тихонько тормозит нежная рука... Вставай, да вставай же ты, соня этакий! Вставай!— и тянет, и тормозит... Сильный толчек.

Грезы волшебного сна нарушены грубой и страшной действительностью. Пока Летков дремал, белый медведь невдалеке вынырнул из воды. Сильные лапы мощно загребают зеленую, прозрачную воду. Зверь трясет головой и жмурится от солнца... Вдруг его черный нос улавливает запах человека. Медведь моментально нырнул. К спящему охотнику по воде медленно двигается льдинка, кажется, самая безобидная льдинка, но за нею чуть видна голова зверя, подталкивающего льдинку мордой, медведь за ней прячется и подкрадывается к человеку. Маленькие черные глаза зверя налились кровью и злобно поблескивают.

Чуткие ноздри черного носа лихорадочно ходят, смакуя запах и вкус горячей крови и мяса, слюна с пеной падает с морды. Челюсти, с ужасными клыками, сводит свирепая судорога и зверь еле сдерживается, чтобы не испустить торжествующий, дикий рёв.

Еще одно осторожное движение и медведь с ревом схватил зубами Леткова за ногу и потащил в воду. Напрасно Летков пытается схватить винтовку, она уже осталась

Медведь с ревом схватил зубами Леткова за ногу и потащил в воду...

позади. Напрасно цепляется руками за неровности и выпуклости льда, обламывая ногти и до костей прорезая пальцы о лед...

Конец... Все пропало... Мелькает мысль у Леткова.

Ббахх! Ухает раскатисто винтовка Пырерко и он сам вылетает из-за ближайшего ропака, на бегу перезаряжая ружье. Летков чувствует, что его уже больше не тянет в воду, хотя обе ноги лежат в воде. Пытается приподняться и без чувств падает от боли в левой ноге. Гаснувшим сознанием схватывает еще звук выстрела.

Очнулся уже дома, на койке.

— Ну, не помер, Анна! — кричит радостно сидящий у кровати Василий, — смотри поди!

— Ну, как, Николай Семенович? Уж и напугались же мы с мужиком то, бядя! Бледный да молчишь, как есть мертвый, думали. Лешак ошкуй ногу то до кости прокусил, мяса то с икры, поди, фунт оторвал — проклятый! — причитает Анна.

— Молчи жона, две-ли, три-ли недели ляжать будет Семеныч, а потом опять на промысла подёт — уверяет Василий, — А ведь, Семеныч, ошкую то я все таки добыл, шкуру снял, да шкуру то сам сделаю, ты покрываться будешь, память тебе будет.

— Спасибо, Василий! Спас, теперь с тобой я квит — с улыбкой говорит Летков.

Половину мая пролежал Летков. Нога медленно подживала. Слегка опираясь на костыль, выходил он на крыльцо и смотрел как Василий, смастерив из полотна и обруча белый щит, ловко подкрадывался к тюленям, сотнями лежащим и греющимся на солнце, на льду залива.

Весна и лето. — Птичье царство.

На воде зверя теперь уже больше не промышляли, так как зверь, не имея сала, после выстрела сразу же тонул. Впрочем, весь вообще промысел на тюленя скоро пришлось прекратить, потому что шерсть со шкуры тюленя лезла

клоками и летняя шкура не ценилась. Гуси и утки громадными табунами летели вдоль прибрежной полосы и Летков часто стрелял из винтовки в лет гусей и лебедей, к вящему восторгу Сёмки, который их бегал поднимать.

В середине июня солнце ярко светило. Дули теплые южные ветры и массы снегов быстро таяли. Гуси и утки начали вить гнезда, прямо на земле, по берегам ручьев и речек. Промышленники собирали большое количество яиц.

В начале июля утки и гуси начинают линять. Вместе с молодыми выводками они собираются в тысячные стада на озерах тундры. Здесь их находят и окружают самоеды. Начинается избиение. Бьют гусей палками, травят собаками и рвут... сами зубами. Самоедки, те в особенности азартно работают зубами. Поймав гуся, насоро прокусывают ему голову, хватают другого и т. д. Гусей солят в бочки и вывозят из тундры к своим жилищам. С гусиных гнезд собирают пух и перо. Ранней весной гусей ловят даже капканами. Гуси откладывают в гнездо до 6—7 яиц.

Любопытно, что если из гнезда взять яйца, но оставить птице три штуки, то птица продолжает сидеть на гнезде и снесет еще яйца. Если же оставить только одно или два яйца, птица улетает и бросает гнездо. Очевидно, здесь наблюдается интересная способность птицы к счету до трех.

Сама гусиха все время сидит на яйцах. К ней можно подойти на 20 шагов. Если раньше не заметишь, где находится гнездо, то его можно легко пройти не заметив, до того ловко и умно бывает выбрано место и обстановка, под цвет самого гнезда и перьев птицы. Самец-гусь все время приносит своей подруге пищу. Он вообще совсем не бросает гнезда и ради его спасения готов пожертвовать своей жизнью. Увидав охотника, самец-гусь, с громким криком, бежит к нему навстречу, волоча одно крыло и прихрамывая. Не добежав до

охотника шагов 40—50, он поворачивается в сторону от гнезда. Временами останавливается, падает, одним словом отводит от гнезда.

В конце сентября начинается отлет птицы на юг. На западной стороне Новой Земли есть так называемые „базары“ гагарок. На скалистых и обрывистых островах сотни тысяч и миллионы гагарок устраивают гнезда. Здесь их более или менее правильно эксплуатируют. Когда гагарка снесет яйца, то промышленники начинают сбор, оставляя в гнезде не менее трех штук. Собирают за лето на каждого человека от 8 до 10 тысяч яиц, а всего сотни тысяч и миллионы штук! Молодых, а часть и старых гагарок, убивают и солят в прок.

В период сбора яиц на „базаре“ буквально ступить некуда. Всюду гнезда, всюду лежат в них яйца и сидят гагарки. Птиц можно брать руками. От звука выстрела поднимается такая масса птиц, что среди ясного дня чувствуешь, как будто туча накатила на солнце. От крика птиц не слышно разговора. Впрочем птицы быстро успокаиваются и опускаются снова на гнезда. Собирается масса гагачьего пуха и пера.

Лед на море и в заливе посинел и вздулся. Все незначительные ручейки превратились в шумные, непроходимые речки, несущие в море массу вод от тающих снегов. Доселе унылая и безжизненная тундра покрылась зеленой травкой; заперели колонии незабудок, альпийских маков и других простеньких и невзыскательных цветов Севера.

Собаки на Севере.—Их жизнь.

После длинной суровой зимы, когда так много и тяжело приходилось работать, собаки отдыхают, целыми часами валяясь на солнце.

Настоящих, породистых ездовых собак на Севере мало. Разве на станции привозят таких специальных собак. У самоедов Новой Земли в дело употребляются небольшие собаки, помесь Обдорских лаек и

дворовых псов из Архангельска. Такому псу, очевидно, никогда не снилось находиться на Новой Земле и заменять лошадь. Вновь привезенная собака не знает, что такое хорей, вожжа, что значит ходить в упряжке.

Начинается суровая учеба. Бьют бедного пса нещадно. Старые собаки дают ему трепки по многу раз в день, а если пес оплошает, то и разорвут на куски. С утра запрягают в нарты, заставляя тащить тяжелые грузы. На холоде и ветру, на льду, пес мерзнет весь день. Вечером везет обратно домой тяжелый воз добычи, а выбившись вконец получает кусок мерзлой нерпы, съедает его (а иногда и другие собаки отнимут) и засыпает тут же, в снегу, на улице, до следующего трудового дня.

При таких суровых условиях и тяжелом труде многие из собачончиков гибнут. Уцелевшие акклиматизируются и втягиваются в свою „собачью“ жизнь. Впоследствии сама работа им нравится и пес прямо таки неистовствует, если его не запрягают в нарты, наравне с остальными собаками, а оставляют дома. А попробуйте подойти к нарте, запряженной собаками, если хозяина упряжки тут нет. Ни за что не удастся—собаки не допустят. Оскаленные клыки, неистовый лай и воинственные позы всей упряжки встретят вашу попытку.

Особенно сердитые и быстрые на бегу собаки специально натаскиваются на медведя. Собака неохотно оставляет своего хозяина. Случалось, что хозяин оставлял собаку и уезжал верст на 200, но стоило псу очутиться на свободе, как он удирал к старому хозяину. Собаки выносливы и сильны. Упряжка в 10—12 псов, десятки верст, рысью, везет груз пудов 30.

Без собак промышленник здесь пропал. Пространства здесь громадные, за сто верст здесь запросто друг к другу чай ездят пить! На промысел ежедневно выезжают за 20—30 верст. Приходится возить с собой лодку, провиант, ну а что

сделаешь без собак? За то колони́сты и ценят ездовых собак очень дорого. За хорошего передового платят по четыре песца. А про хорошего медвежатника и говорить нечего. Его самоед ни за что не продаст.

Собаки здесь запрягаются рядом, одна к другой, и бегут бок о бок. Передовик — это заправило всей упряжки.

Если потянуть передовика возжой налево, то он моментально взлаивает на упряжку и с силой тянет влево. Остальные псы тоже отвечают ему лаем и поворачивают за ним. Если нужно повернуть направо, то возжа перекидывается на правый бок передовика и одновременно седок слегка ударяет собак хореем слева направо. На ходу собаки смотрят только на передовика, следят за направлением хорея и слушаются возгласов седока. Налегке упряжка бежит верст 15—20 в час. Вся упряжь делается из сыромятных ремней.

Все собаки в езде очень сообразительны. Если передовик во время езды заметит, что какой-либо пес ленился или сбивался, то, как только распряжешь собак, передовик сразу же дает основательную потасовку оплошавшему псу, причем последний, даже будучи гораздо сильнее передовика, покорно принимает вздувку, жалобно повизгивая.

Остальные собаки хладнокровно глядят на потасовку, никогда не вмешиваясь в „дела управления“ и расправу передовика. Все собаки, даже не в упряжке, слушают и уважают передовика: не дерут его, почтительно уступают дорогу и т. д. О хорошо подобранной упряжке и ее хозяине молва идет по всей Новой Земле. Всех лучших передовиков и медвежатников все промышленники знают по кличке и виду.

Хотя и очень ценят и любят промышленники собак, однако псов никогда не ласкают. „Собака гордой будёт, портится станёт“—так говорят самоеды, да, пожалуй, оно и верно. Редко—редко самоед, как бы нехотя, мимоходом, положит руку

на голову собаки или ткнет ее. Пес от радости прямо с ума сходит. Прыгает на хозяина, лает, играет. А остальные псы с завистью смотрят на счастливицу и в укромном уголке обязательно дают ему потасовку. Конечно, собак надо знать, понимать их. А главное—вразумительно и справедливо держать с ними „линию“, иначе собака перестает понимать, что от нее требуется и портится. Летом собаки отдыхают и блаженствуют. Работы никакой, пищи много, тепло. Целыми днями бродят от пищи к воде и обратно, валяясь на солнце. Линяют. Зимняя густая и грубая шерсть лезет и выпадает кучами. Делаются настолько ленивыми, что даже драться лень! Пользуются вполне заслуженным отдыхом.

На Старую Землю и — снова на Север!

В середине июля вскрылись озера. При впадении речки в море во льду образовалась обширная полынья. Голец густыми стадами пошел по речке в озеро. Наступил усиленный промысел рыбы. За сутки Летков и Пырерко, мережами и неводами, добывали до ста пудов прекрасной, крупной рыбы. В промежутках очищали с тюленьих шкур сало и грузили его в пустые керосиновые бочки. Самые шкуры расколачивались и растягивались на стенах построек, где и сушились дня два, затем связывались в толстые тюки. В первых числах июля сильным южным ветром лед от берегов оторвало и унесло в Карское море. Под солнцем ярко блистают бесконечные просторы моря. Солнце умеренно греет. Южным теплым ветерком с тундры приносит терпкие запахи гниющих трав, прелой зелени и легкие запахи цветов. Волна, чистая, прозрачная, с шипением лижет берег. Чайки с криком носятся над прибрежной полосой. С озера доносится смутное гоготание гусей. В море, далеко от берега, вскрикивают утки—морянки, дерутся, та ская друг друга за крылья и ныряют.

Вся эта картина залита яркими лучами солнца.

25 Июля Летков, сопровождаемый наилучшими пожеланиями и советами самоедов и громким воем собак на берегу, поставил парус и быстро поплыл на лодке к проливу Маточкин Шар, чтобы, пройдя пролив, попасть в Поморскую Губу, к первому пароходу. Путешествие совершается вполне спокойно и благополучно. На радио-станции Леткову передают, что пароход будет в Поморской Губе через два дня. Отдых на станции, и ночь плавания проливом.

Высокие, до трех тысяч метров, мрачные горы, покрытые на вершинах ледниками и туманом, со всех сторон теснят узкий пролив, разделяя всю Новую Землю на два самостоятельных острова. Мертвая тишина нарушается лишь порывом ветра из ущелий и каменных разлогов. Мрачное и красивое место.

* * *

Осенью Летков из Москвы возвращается в Архангельск. Пароход идет обратно на Новую Землю, с заходом во все становища, колонии, в том числе и на промысел к Леткову, на Восточный берег.

Ясным, тихим вечером, пароход медленно отклеивается от пристани и разворачивается носом к выходу

в море. На палубе задумчиво стоит Летков с женой и другом, наблюдая за исчезающими вдали постройками города. Последние очертания „Старой“ Земли поднялись на воздух и исчезают в просторах моря. Солнце тонет, заливая зеленоватое северное небо пламенем заката. На гребнях валов горят пурпурные отблески заходящего светила.

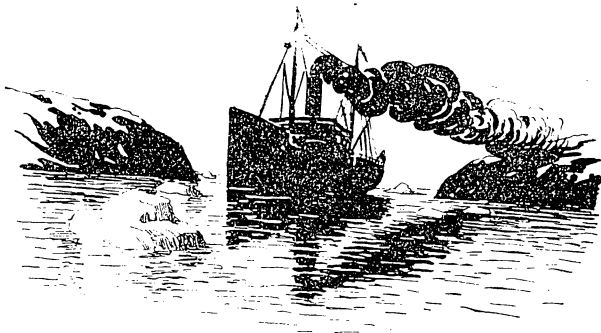
* * *

Как и в прошлом году, снова уходит пароход с Новой Земли и исчезает в даях Карского моря. На берегу уже не две, а пять одиноких человеческих фигур провожают судно глазами. Сила, уверенность и бодрость видны на лицах колонистов.

— Дядя! так, поди, к нам каждой год будут новы русаки приходить?— пищит Сёмка, крутясь около Леткова,—надо ведь новый дом скоро строить?!

— Будут приходить, Сёмка, будут! Милости просим, места хватит, а работы хоть отбавляй, край непочатый,—отвечает Летков и все идет к дому.

Полярные сумерки быстро падают, окутывая горы и тундру тьмою. Море глухо шумит, волны тяжело дробятся о берег. В воздухе мелькают первые снежинки, вестники близкой полярной зимы.

ТАЙНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ДОКТОРА ХЭКЕНСОУ.

VIII

ПУТЕШЕСТВИЕ К ЦЕНТРУ ЗЕМЛИ.

Рассказ К. ФЕЗАНДИЕ. С английского.

(Окончание).

На этот раз (см. № 4 „Мира Приключений“) д-р Хэкенсоу приглашает свою обычную спутницу, молодую, эксцентричную и энергичную американку Пепиту Перкинс,— отправиться с ним к центру Земли. Ведь, до сих пор никто хорошенько не знает, что собою представляет центр Земли, хотя доктор Хэкенсоу и исследовал его с помощью волн радио. Доктор со своей спутницей летят на аэроплане на Южный Полюс, где у доктора есть своя колония и ледяные хижины. Начинает работать изобретенный д-ром бриллиантовый буров, сверля потухший кратер вулкана глубиной около 5 миль. Этот буров сменяет буров атомный, действующий атомной энергией, применение которой описано в рассказе „Тайна атомной энергии“ в № 3 „Мира Приключений“ за этот год. Скалы буквально тают под действием раскаленных до бела ионизированных частиц. Неожиданно оказывается, что к центру Земли ведет пропасть—пустота, и доктор со своей спутницей и агентом смело спускаются вниз на аэроплане, управляемом химической и электрической энергией. Необыкновенное путешествие очень интересно, так как автор остроумно использовал для рассказа физические законы и научно обосновывает любопытные, порою юмористические приключения путешественников.

Глава X.

Так проходило время, час за часом, и каждый час приносил с собой увеличение в весе. И вдруг зазвенел электрический звонок.

— Что такое!—закричал доктор,— на нашем пути должно быть какое-нибудь препятствие. Твои проделки, Пеп, отвлекли меня от внимательного наблюдения, которого требовала осторожность.

Доктор пристально и озабоченно стал смотреть в колодезь, но никакого препятствия не было видно. Тревожный же звонок все не умолкал.

— Я ничего не понимаю!—воскликнул доктор.— Предостерегающий звон в камере поднялся бы

только в том случае, если какое-нибудь препятствие на пути отражало бы обратно лучи нашего прожектора. Колодезь кажется мне таким же открытым, как и до сих пор. Может быть, в камере произошло что-нибудь. Наша гимнастика могла встряхнуть провода.— Я на минуту закрою наш прожектор для проверки.

Доктор выключил свет, но тревожный звон не прекращался. При осмотре камеры там не оказалось никакого короткого замыкания:

— Не понимаю, в чем дело,— воскликнул доктор,— но я немножко уменьшу скорость. Нельзя допустить до несчастного случая здесь, на глубине тысячи девятисот миль под Землей. Нашим приятелям не легко было бы извлекать отсюда наши тела.

Были приняты необходимые предосторожности и путешествие продолжалось уже с меньшей скоростью. Доктор на месте пилота внимательно смотрел вперед, с одной рукой наготове, чтобы выключить пропеллер, с другой же, чтобы сразу установить приспособления, похожие на лапы. Время шло, препятствий не было видно, тревожный же звон все усиливался.

Совершенно смущенный, доктор Хэкенсоу взял из шкафа телескоп, долго и внимательно смотрел в него и вдруг закричал:

— Впереди нас какой-то свет!

Пеп и Миггс по очереди посмотрели в телескоп. Сомнений не было...

Впереди, внизу колодца, виден был слабый, зеленоватый фосфоресцирующий свет.

С их приближением, свет этот становился все сильнее и час спустя

аэроплан вышел из колодца в огромную пещеру, освещенную каким-то рассеянным фосфоресцирующим светом.

Доктор Хэкенсоу искусственным поворотом руля направил аэроплан вдоль ближайшей стены пещеры.

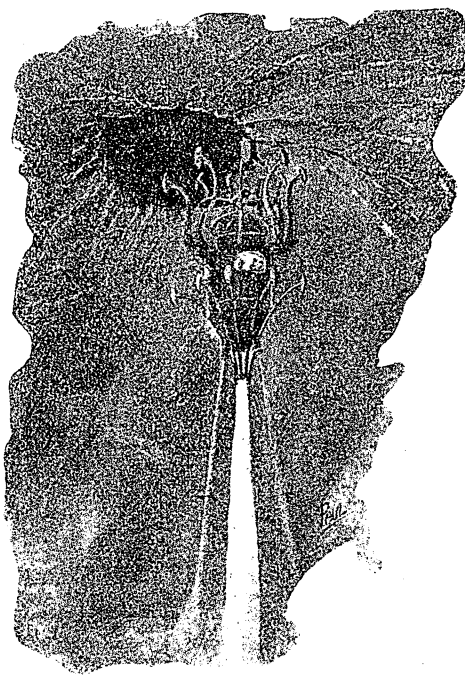
— Пеп! — выразительно сказал доктор, — я был прав! Земля, очевидно, пуста в центре и вот мы и очутились в этом центре. Но, взгляни, даже здесь есть животные и растения, хоть они и не похожи на те, что мы видели на Земле. Все кажется здесь фосфоресцирующим. Взгляни на эти странные формы, прицепившиеся к растениям, похожим на скалы. Некоторые из них напоминают животных. А взгляни на тех лежащих и ползущих. Они от времени до времени загораются электрическим светом. А какие странные существа летают вон там! У некоторых из них по шести ног, другие же совсем без ног, одни с крыльями, у иных же плавники и пузыри, дающие им возможность летать, выпуская назад воздух. Поистине, перед нами самое удивительное зрелище, когда-либо виденное человеком.

— Вот видишь, Пеп, — продолжал доктор Хэкенсоу, — я был прав! Вот мы и в центре Земли и мы видим, что здесь нет ничего, кроме огромной пустоты, наполненной воздухом. Мои опыты с направлением радиоволн через центр Земли к антиподам, говорили мне, что это так, но мысль эта казалась мне такой дикой, что я не мог ей сначала верить. Ведь, это совершенно расходится со всем, чему нас до сих пор учила наука.

Пеп не слушала его. Внимание ее было поглощено этим удивительным новым миром, раскинувшимся перед ней.

— Пожалуйста, потуши огонь, — сказала она. — Я хочу посмотреть, как все это выглядит в темноте.

Доктор Хэкенсоу послушно выключил прожектор и новый подземный мир открылся во всей своей фосфоресцирующей красоте. Это было удивительное зрелище.

Аэроплан вышел из колодца в огромную пещеру...

Каждое животное или растение этого странного мира, казалось, светилось собственным светом, точно гигантский светлячок. И все эти фосфоресцирующие цвета отличались один от другого. Здесь были представлены все цвета спектра от красного, зеленого и желтого до синего и фиолетового. Формы тоже были удивительны. Наши путешественники никогда не видали ничего подобного.

Растения и животные представляли большое разнообразие и, странно сказать, некоторые из неподвижных форм казались животными, движущиеся же были похожи на растения, которые могли летать по воздуху, но не имели ни рта, ни глаз или других органов, кроме крыльев.

Были животные, которые расхаживали с места на место, видимо, с помощью присосов на ногах, похожих на те, которые дают возможность мухам ходить по потолку. Если бы не устроенные таким образом ноги, жизнь представляла бы большие трудности для этих под-

земных существ. Здесь, где тела не имели веса, мускульные движения подбросили бы их на воздух, где они погибли бы от голода и жажды.

Тут были и другие существа, снабженные крыльями. У некоторых были по четыре ноги, но у большинства по шести. Некоторые были замечательно красивы, другие имели странный и неприятный вид. У одного из этих летающих существ на месте глаз росло два длинных хобота, похожих на хобот слона, а на конце хобота, где должен был бы быть рот, находились глаза. У этого чудовища, видимо, было шесть ртов, по одному на конце каждой ноги. Извивавшиеся в воздухе существа, похожие на змей, очевидно, не имели крыльев, но скользили по воздуху, точно в воде.

— Поп,— воскликнула Пеп,— мы не могли бы остаться новить ся здесь? Я хотела бы посмотреть на этих созданий вблизи.

Доктор Хэкенсоу помолчал в нерешительности, потому что заметил издали огромных ужасных чудовищ, прятавшихся среди странной растительности. Но ему не меньше, чем Пеп, хотелось поближе рассмотреть флору и фауну этой удивительной страны и он согласился, подведя аэроплан прямо к скалам. Но тут явился вопрос; как причалить к скалам аэроплан? Предметы здесь не имели веса и самый легкий ветерок мог далеко отнести аэроплан.

— Это задача,— заметил доктор,— но она все же разрешима. Я могу привязать аэроплан к какому-нибудь из этих растений, хоть и не надеюсь особенно на крепость этих стволов.

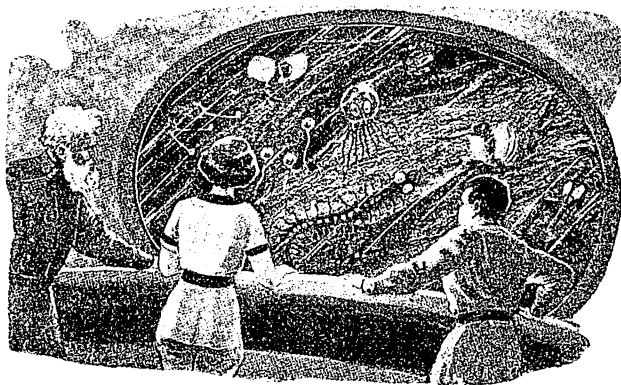
Я легко мог бы зацепиться за одно из этих летающих животных, но испуганная бестия могла бы скрыться в этих джунглях и утащить нас за собой. Третье разрешение этой задачи кажется мне гораздо проще. Но прежде, чем что-либо предпринимать, я должен убедиться, что мы можем дышать этим воздухом.

— Это должно быть так,— заметила Пеп,— потому что здесь, ведь, живут и животные, и растения, а животным необходим воздух.

— Как и растениям,— ответил доктор,— по крайней мере, у нас, на Земле. Всем животным и растениям необходим источник энергии и они получают эту энергию от химического соединения кислорода с другим элементом.

Следовательно, им необходим воздух. Теплокровные животные требуют больше воздуха, чем животные с холодной кровью. Я сам держал

двадцать четыре часа под водой спящую змею. Змея не может дышать под водой и она не могла там получить свежего кислорода и поэтому потребление змею во время сна этого элемента должно было быть очень незначительно. Растениям нужно еще меньше кислорода, но чувствительный термометр покажет повышение температуры в известные периоды цветения, свидетельствующее, что жизненные процессы даже у растений требуют кислорода. Но растения с зелеными листьями производят кислорода больше, чем уничтожают. Растения-паразиты, питающиеся соком других растений, и сапрофиты, (как ботаники называют грибы и другие растения, живущие органическим ве-

Новый подземный мир открылся во всей своей фосфоресцирующей красоте...

ществом, выработанным другими растениями и животными), не производят собственного кислорода. Некоторые из бактерий не могут жить в воздухе.

— Значит, я права,—торжествующе воскликнула Пеп,—и в воздухе здесь должен быть кислород.

— Это не является необходимостью. Условия жизни здесь, вероятно, совсем другие, чем на поверхности Земли. Все наши растения и животные обязаны своим кислородом действию солнца. Только в солнечном свете хлорофилл или зеленое вещество листьев может разлагать углерод воздуха на углерод и кислород и, таким образом, давать энергию, нужную для жизни животным и растениям. Животные и растения получают свою энергию от соединения вновь этого углерода и кислорода в углерод. Это солнечное тепло дает энергию, которой пользуются животные и растения. Даже человек, хвляющийся своими изобретениями, не мог до сих пор производить питания помимо солнечного тепла. Если бы Земля вдруг была лишена солнечных лучей, мы задохнулись бы и умерли бы, как только вышли бы все запасы кислорода и пищи. Энергия имеется в угле и других минеральных продуктах,—это все запасы продуктов прежних лет солнечного тепла, но человек не нашел еще ключа, который позволил бы ему вполне использовать эти сокровища. Настанет день, когда мы найдем этот ключ,—химия делает быстрые шаги вперед каждый год,—но до сих пор наши попытки были безуспешны.

Но природа могла нас и опередить. Нет причины, почему она не могла бы создать животных и растений, не требующих никакого кислорода. Им, конечно, нужна была бы энергия, но эта энергия может получаться от химических соединений, в которые не входит кислород. Я даже склоняюсь к тому, что эти животные и растения, которые мы сейчас видим, получают свою энергию от какого-

Путешественники надели присасывающиеся сапоги и сошли на скалы...

нибудь электрического процесса, происходящего вследствие какого-нибудь химического процесса в их теле. Я представляю себе, что эти существа ничто иное, как сухая камера. Они фосфоресцируют совершенно иначе, чем светляк. Это похоже больше на разряд Гейслеровской трубки. Ты можешь заметить искры и услышать треск. Очевидно, многие, если и не все из этих животных, сильно наэлектризованы. Они, вероятно, как электрический угорь, могут по желанию производить это электричество. Но, как бы то ни было, я должен прежде всего впустить немного воздуха в аэроплан и внимательно исследовать этот воздух.

Сказано-сделано. Воздух был впу-щен и в нем нашли достаточно кислорода, так что вполне возможно было выйти из аэроплана без неуклюжих водолазных костюмов. Доктор не мог понять, откуда здесь кислород. Ведь, тут не было ни солнца, ни зеленых растений. Все, что он видел, было то, что этим воздухом можно было дышать и он стал направлять аэроплан к одной из скал.

Миггс схватил животное и получил электрический удар.

Причалили следующим оригинальным, но, в сущности, простым способом. Доктор имел с собой в запасе несколько пар присасывающихся сапог, которые должны были облегчить спуск и подъем по отвесным стенам пропасти. Под платье одевалась сетка, ее прикрепляли к сапогам и она так удобно поддерживала путешественника, что он без утомления мог ходить по совершенно вертикальным стенам, находясь сам в горизонтальном положении.

Планом доктора Хэкенсоу было использовать эти сапоги, как якоря для аэроплана. Это было тотчас же выполнено и когда из сапог выкачали воздух, аэроплан был прикреплен к ним и крепко держался на месте. В то же время наши друзья одели такие же сапоги, но без сетки, которая была им сейчас не нужна. Потом они осторожно сошли на скалы и приготовились исследовать эту удивительную, новую страну, открытую ими.

Их ждали на каждом шагу новые чудеса. Вот странное существо, очень похожее на открытый веер на трех ногах. У другого же было нечто вроде собачьей головы и три цепких хвоста позади. Это существо пользовалось хвостами, чтобы лезть по странного вида неподвижным животным, похожим на деревья, охватывая этими хвостами стволы или части их тел. Носы

этих чудовищ походили на открытые воронки.

Невозможно даже пытаться описать всех этих странных животных и растений. Некоторые из них были чудовищны, но другие положительно красивы и среди них удивительное летающее существо, похожее на большой мыльный пузырь, отливающий всеми красками радуги. Три прозрачных крыла и четвертое вертикальное на верху его тела, давали этому существу возможность летать.

Были тут и огромные чудовища: большие, отвратительные пресмыкающиеся, которые, к счастью, держались в отдалении. У всех у них, видимо, было по шести ног и они странно напоминали общим видом земных насекомых. Одно из этих существ, с длинным клювом, вооруженным острыми зубами, злобно смотрело на наших путешественников и издало звук, похожий не то на лай, не то на громкий крик. Одно мгновение казалось, что оно бросится на людей, но потом, видимо, передумало, повернулось и медленно удалилось.

В это время Миггс схватил одно из неподвижных животных, стоявших корнями в земле, и в награду за это через него прошел сильный электрический ток.

— Ого!—воскликнул он, потирая плечо.—Держу пари, что тут есть вольтаж! Я хотел бы воспользо-

ваться этими животными растениями для своего беспроводного

апарата. Тут уж нечего бояться, что не хватит тока!

Доктор Хэкенсоу был особенно заинтересован наблюдением над тем, как различные животные и растения воздействовали на отсутствие притяжения. Все предметы здесь не имели веса и малейшее движение животного могло поднять его

От выстрела доктора задняя часть туловища крокодила разлетелась...

на воздух, где оно бы и погибло, если бы не нашло способа вернуться на землю. Природа наделила некоторых крыльями, другим дала присасывающиеся ноги, похожие на мушиные, иные были прикреплены к земле корнями, в то время как другие были снабжены клейким веществом в роде птичьего клея, которое позволяло им двигаться, но не давало оторваться от земли. Но у некоторых существ не было никаких заметных способов прилипнуть к скалам. Они жили в норах и, видимо, трение их тела о нору спасало их от взлета на воздух. Это казалось ясным из того факта, что мертвые тела таких чудовищ плыли в воздухе, другие же, умирающие, очевидно, потеряв возможность удержаться в норе, поднимались на воздух и уж не могли вернуться назад. Пеп стало жалко этих несчастных созданий.

— Я поймаю их и верну обратно в скалы, — воскликнула она и, не долго думая, впустила воздух в безвоздушное пространство своих сапог и изо всех сил сделала прыжок вверх.

Опыт в аэроплане должен был бы научить ее осторожности. Здесь не было притяжения и результаты можно было предвидеть. Сила прыжка Пеп швырнула ее высоко в воздух. Она несколько раз перекувырнулась в воздухе, с быстротой летя вверх. Пеп летела все выше и выше, а Миггс и доктор смотрели на нее во все глаза, широко открыв рты от удивления.

Но некоторые из чудовищ заметили ее полет и одно из них, более смелое, чем другие, решило, что ее хорошо было бы съесть. Это было свирепое с виду существо с крокодильей пастью, рогом посреди головы, парой костлявых крыльев и чешуйчатой спиной.

Сердце бедной Пеп замерло, когда она увидела летящее на нее чудовище. Доктор Хэкенсоу и Миггс беспомощно смотрели на это зрелище, потом доктор вдруг вспомнил, что у него в аэроплане есть несколько револьверов, заряженных атомной

энергией. Он поднялся по лесенке в аэроплан и скоро появился, держа в каждой руке по револьверу. Это было оружие странного вида. Пули были такого устройства, что, ударяясь в какой-нибудь предмет, они освобождали запас атомной энергии, от которой с невероятной силой разрывался снаряд.

Но доктор Хэкенсоу все же опоздал. Чудовище уже так близко подлетело к девушке, что доктор не решился стрелять.

Но тут на сцену появилось новое действующее лицо. Среди странного вида существ этой удивительной страны, было одно с головой, слегка похожей на человеческую. Вместо рук, у него было четверо щупальцев. У него не было крыльев, но за то у него было два странных хвоста, забавно извивавшихся. Это существо, казалось, обладало разумом. Оно тоже видело, как Пеп летела по воздуху и глаза его следили за ней с жадностью. Но было ясно, что оно желало ее не в виде кушанья, а как подругу. Когда крылатый крокодил полетел навстречу Пеп, второе чудовище сейчас же, видимо, пришло к решению. Оно вскочило на спину существа, слегка напоминавшего стрекозу, и, пользуясь двумя щупальцами для управления, отправилось в отчаянную погоню. У него не было крыльев, но за то было достаточно разума, чтобы пользоваться крыльями другого существа. Как и всегда, разум восторжествовал над материей. Легкая стрекоза, хоть и обремененная наездником, была гораздо быстрее неповоротливого пресмыкающегося и долетела до крокодила как раз в то мгновение, когда он открыл свою огромную пасть, чтобы проглотить Пеп.

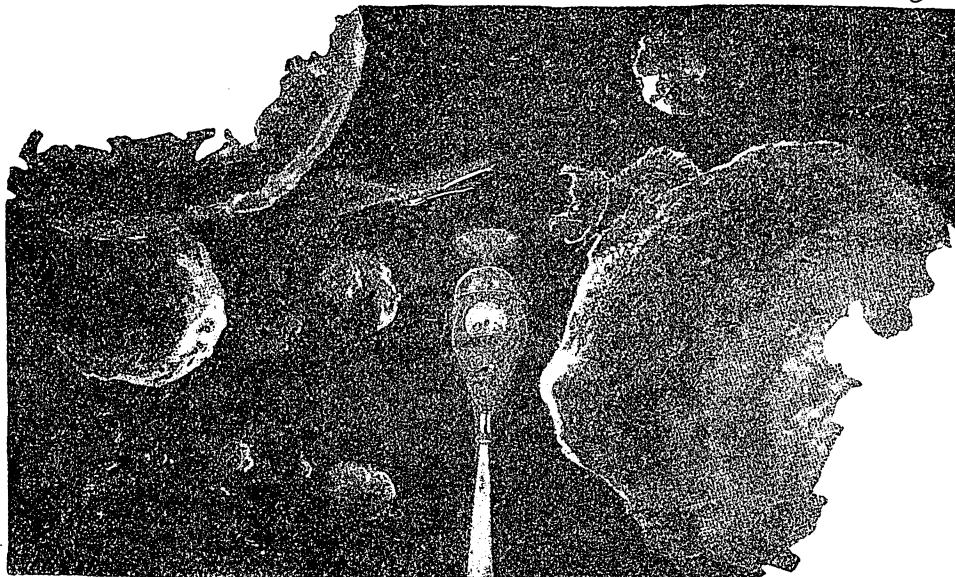
У наездника не было оружия, но он схватил пресмыкающееся двумя щупальцами и пустил свой электрический ток. Удар был, вероятно, ужасен, потому что чудовище сделало дикий скачек и замерло без движений—совершенно парализованное.

Человек,—если мы так можем называть верхового,—схватил Пеп двумя

свободными щупальцами и помчался с ней вниз. Напрасно старалась Пеп освободиться от этого нового чудовища. Она избегла одной опасности только для того, чтобы встретить еще большую. Доктор Хэкенсоу видел все это, но не решался стрелять.

Крокодил медленно приходил в себя от полученного оглушительного удара. Заметив, что враг еще не достиг земли, он бросился преследовать его. Возможно, что он знал, что враг, разрядив свою силу,

решил сразу же направиться к центру Земли и выполнил это намерение, но не нашел больше ничего интересного. Это было просто огромное море воздуха с островами различных величин, плававшими по нему. Эти острова были частями скалистых берегов этого воздушного моря, от которых оторвались и поднялись на воздух. Большая часть этих островов была бесплодна, но на некоторых виднелась растительная жизнь.

Это было огромное море воздуха с плававшими в нем островами.

пока безопасен. Как бы то ни было, пресмыкающееся догоняло стрекозу, полет которой был замедлен двойным грузом. В то мгновение, когда его противник совсем уж достиг твердой почвы, он вонзился своими сильными зубами в заднюю часть его туловища.

Тут доктор Хэкенсоу увидел, что настало время действовать. Он поднял револьвер и выстрелил крокодилу в хвост. Раздался сильнейший взрыв и заднюю часть туловища крокодила разнесло на мельчайшие частицы.

Остальную часть путешествия недолго рассказать. Доктор Хэкенсоу

Когда путешественники на обратном пути достигли входа в колодец, их там поджидали чудовища, готовые задержать их. Но несколько выстрелов из револьвера с атомной энергией заставили их разлететься в разные стороны и аэроплан начал подниматься вверх. Подъем был значительно медленнее спуска. Приходилось останавливать аэроплан и посылать по радио наверх требование, чтобы в колодец впускали больше воздуха.

Но всему приходит конец и в один прекрасный день компания, наконец, вышла из колодца. На Полюсе их ждала торжественная встреча.

Здравница

Очерк
К. К. СЕРЕБРЯКОВА.

Иллюстрации
М. МИЗЕРНЮКА и Я. ГАЙДУКЕВИЧА.

из воспоминаний организатора первой команды сборщиков лекарственных растений
в советском Крыму.

— Это был страшный 1922 год в Крыму, когда на счастливый уголок солнца и юга свалились сразу все несчастья: и послевоенная разруха, и гражданская война, и неурожай, и голод.

Полуразрушенный и полуразграбленный Крым был объявлен „здравницей“. Но что представлял собою в этот момент солнечный Крым? Груды развалин—пустые коробки покинутых домов и дач с черными безглазыми впадинами выбитых окон. Ни бинта, ни склянки лекарств не осталось в госпиталях и аптеках. Все уничтожалось, кидалось в море уходящими белыми.

В этот момент я, скромный ботаник, оказался на южном берегу Крыма и попал на митинг общественных работников Крыма и больных, съехавших сюда со всех концов. Старый профессор - фармаколог, заведывавший местным здравотделом, делал доклад об ужасном состоянии больниц и амбулаторий.

— Ничего нет,—говорил он, и из-за блокады нет возможности выписать из за границы ни одной унции порошков, ни одной банки экстракта, ни одного листа нужных нам лекарственных растений.—Перед нами один путь—создать все нужные нам запасы лекарственных средств самим, использовать богатые естественные производительные силы природы Крыма. У нас, в горах Крыма, дико растут многие из тех лекарственных растений, соки которых содержат в себе целый ряд целебных начал. Мы должны организовать правильный сбор и обработку этих лекарственных рас-

тений, чтобы обеспечить здоровье больных, съехавшихся сюда и жаждущих исцеления. Я объявляю,—продолжал старый профессор,—мобилизацию интеллигентных сил Крыма. Химики, ботаники, врачи, студенты и учащиеся! Вы должны отдать свои силы и знания для служения очередным и неотложным нуждам настоящего момента. Записывайтесь в команды сборщиков лекарственных трав, в команды рабочих на химический завод и в кадры специалистов лаборатории. Мы общими усилиями должны добыть из недр природы те целебные силы, которые нужны в настоящий момент.

Во время этой горячей речи старого профессора я ощупывал в кармане новенький, только что полученный мандат на должность научного работника Агрофака Крымского Университета, на спокойный паек и обеспечение существования в течение всего лета в стенах роскошного, бывшего „министерского“ павильона Никитского Ботанического Сада.

Но ведь молодость тем и хороша, что она заставляет нас забыть соображения эгоизма и личного спокойствия ради идеи общего блага.

Посоветовавшись с молодыми людьми, прибывшими вместе со мною из Грузии, я громко объявляю собранию о нашем решении организовать первую команду сборщиков лекарственных растений в Крыму. Запись идет бойко. Записалось уже тридцать человек. Присутствующие на собрании администраторы и политические деятели не хотят скрывать от нас предстоящих опасностей нашей

работы: нам говорят о шайках бело-зеленых, скрывающихся в горах и делающих набеги даже на города и местечки. Но трудно голосу рассудка заглушить порывы молодого, кипучего вина самоотверженности. К столу подходят все новые и новые волонтеры, желающие работать с нами — здесь и студенты, бросающие свои аудитории, и поэты, и художники, и девушки, которым на завтра судьба сулит спокойные очаги семьи. Все захвачены одной мыслью — быть по-

гам и перевалам из далекой степной части северного Крыма.

Мы идем по крутым горным тропинкам вверх на Яйлу и в высокогорные буковые леса, где растут кусты целебной белладоны и валерианы с листьями и корнями, которые тогда ценились в аптеках на вес золота. Там в горах есть целые поляны душистого тимьяна и диких орхидей, целебные начала которых так нужны кашляющим больным, наполнившим город Солнца стонами и страданиями.

Старики деревни с муллой во главе в один голос говорят нам: «Олмас!» (нельзя).

лезными и нужными в этот тяжелый момент.

Через три дня мы уже выходим из Ялты с мешками и котомками за плечами, без всяких подвод и телег с запасами. В мешках у нас запас пищи на несколько дней. Большого — взять все равно нельзя. Подводы и лошадей у нас отняли бы бело-зеленые, под угрозой которых находится город, а лишний запас хлеба стеснил бы нас, да, пожалуй, вызвал бы и зависть среди местных татар, давно уже жующих сушеные фрукты, чтобы возместить недостачу хлеба. Хлеб в это время с трудом доставлялся на вьюках по опасным доро-

Конечная цель наших стремлений — горная цепь и плато Бабуган-Яйлы (Бабуган — местное татарское название лекарственного растения белладоны, а Яйла — высокогорное безлесное пастбище, — некоторое подобие высокогорных альпийских лугов в Европе).

Мы не знаем этих лесов и никогда не были в них, но по ботанической научной литературе нам известно, что именно здесь встречаются наиболее крупные заросли нужных нам лекарственных растений. Нас пока только 8 человек — это первый разведывательный отряд; в случае нашего успеха за нами пойдут и другие.

Наш состав — довольно пестрый: кроме меня, единственного ботаника в команде, здесь собрались два студента — один уже не молодой, бородатый химик Гриша Богданов с женой, рослой молодой дамой с волжским мужским говором; другой студент — совсем юный птенец, политехник Алеша с пушком на верхней губе и румянцем, как зарево заливающим его лицо при каждом обращенном к нему слове; две девушки, только что окончившие ялтинскую гимназию и ушедшие без ведома родителей; поэт футурист Владимир Гольцкопф, человек атлетического сложения с хорошим пищеварением и чрезвычайным аппетитом, но далеко не с большим литературным успехом. Предвосхищая приговор истории, он пытался в первые дни революции поставить себе памятник в Москве на Театральной площади, за что и был отправлен вместе со своей статуей в управление милиции. И, наконец, его жена, совершенная дикарка, с хо-рошенькими, бегающими, как у мышенка, глазками, — камчадалка Миррочка, увезенная поэтом в одно из его поэтических турне из города Петропавловска на Камчатке.

Проплутав полдня по обрывистым горным тропинкам, ведущим куда то ввысь, по скалам и отрогам гор, мы подходим, наконец, совершенно измученные, к татарскому селению, чтобы просить себе знающих местность проводников.

Минуя узкие улицы аула, застроенные саклями, как сотами, прилепившимися к отвесным краям обрыва, мы выходим на площадь перед мечетью. Здесь уже есть большой дом с эмблемой серпа и молота. Но великий ураган революции не сразу может поднять глубины и низы народного океана. В этом мы убеждаемся с первых шагов. Добрейший Мустафа-эффенди, председатель сельсовета, не может оказать нам, при самом горячем желании, никакой помощи.

Старики деревни, с муллой во главе, узнав о цели нашего путешествия, в один голос говорят: — „Олмас“! — (нельзя, недозволено). Нельзя в Ве-

ликий Рамазан, пост мусульман, когда правоверному запрещается днем принимать пищу и только с восходом первой звезды он может утолять свой голод, нельзя в это время рвать или копать растения. Все созданные аллахом травы копят в это время свою силу и в особенности те растения, которые аллах назначил на пользу человека. Это — бабуган или целебная белладона, „такыр-трава“, растущая на Яйле, а также травы, растущие в долине „Супружеского Согласия“. Они не могут быть сорваны человеком раньше, чем Магомет назначил срок „Курбан-Байрама“ или великого праздника, когда, после заклина баранов, начинается и время покосов, и сбора трав. Так сказал мулла, так подтвердили и старейшины деревни, поглаживая свои длинные седые бороды.

Нам оставалось только отправиться дальше, чтобы своими силами, без проводников, искать пути к загадочной вершине Бабуган-Яйлы.

Потерявшись под зеленым пологом лиственных лесов южного склона Крымских гор, мы сразу оказались вне закона. Это полоса военных действий. Здесь разгуливают шайки бело-зеленых, требующих от каждого встречного горожанина предьявления креста на шею или других вещественных доказательств непричастности к революционной работе, а с другой стороны здесь постоянно рискуешь встретиться и с карательными отрядами, склонными видеть в каждом „без дела шатающемся по лесу городском человеке“ врага революции.

Печати советских учреждений на наших документах и мандатах как будто — наше оправдание, а с другой стороны — улика, влекущая за собою расстрел и зверскую расправу бело-зеленых. Поэтому на первой же остановке в лесу у костра мы решили уничтожить все документы, делавшие нас членами официальной советской миссии и остаться буквально в положении „голых людей“ на голой земле.

Когда поэт Гольцкопф размешал веткой в костре пепел от наших мандатов, сделавших нас равно бесправ-

ными и перед карательными отрядами, и перед бандами бело-зеленых, мы решили не идти проторенными дорогами и тропинками, а скрываться от всяких встреч, чтобы целыми пройти зону горных лесов, ставшую ареной сражений. Целый следующий день карабкались мы по скалам, прячась в кустах при малейшем шорохе. Мы видели на дороге одинаково свирепые и одинаково оборванные фигуры всадников разных отрядов, из которых одни носили на головах „буденовки“, а другие — кубанские папахи. Мы не развелили первую ночь и костра, а питались разболтанной в воде мукой, чтобы не быть обстрелянными враждующими сторонами. Мы лезли все выше и выше в горы без дорог и тропинок. Перед нами смешались зоны горной растительности; из полосы веселых лиственных лесов дуба, граба, дикой груши и яблони, мы поднялись в величественный пояс буковых лесов, где серые колонны бархатно гладких стволов среди желтого ковра опавшей листвы напоминают величественные древних храмов египетской или древне-эллинской постройки.

Здесь, где мертвый покров желтых листьев заглушает шаги и звуки, и только гулкий рев оленя говорит об обитаемости этих первобытных мест, мы нашли по обрывам и осыпям земли целые заросли высоких травянистых растений с черными и зелеными ягодами. Это были знаменитые заросли белладоны, листья и ягоды которой содержат страшный яд — атропин, такой важный в медицине, где употребляют его в минимальных дозах при удущье и в глазных болезнях.

Богатый сбор листа белладоны был одним из призов, вознаградивших нас за наши лишения в пути.

Мы остановились здесь на несколько дней, набрали наши мешки свежим, чуть завяленным на солнце листом белладоны. Мы увеличивали запас листьев по мере того, как таяли в наших местах запасы питания. Мы съедали последние крохи хлеба и муки. Это был торжественный ритуал поглощения последних крох чело-

веческой пищи, после чего мы готовились уже перейти на питание земляничкой, корнями диких растений и буковыми орешками. У костра в эту минуту царило гробовое молчание; каждый сознавал

Белладона.

всю серьезность положения и только один поэт Гольцкопф легкомысленно возглашал свой эго-футуризм в стихах, от которых пропадал всякий аппетит. В конце концов мы запретили ему декламировать в нашем обществе у костра и он уходил под дальние своды буковых крон, чтобы в одиночестве тешить себя творениями своей чрезвычайно своеобразной музыки.

После одной из таких отлучек он неожиданно явился к нам с целым мешком муки на плечах. Изумлению нашему не было границ, когда он рассказывал нам необыкновенную историю приобретения этого сокровища. Оказывается, что наш поэт вышел на горную просеку проезжей дороги, стал в обычную любимую свою позу разгневанного Юпитера и начал декламировать стихи голосом, которому могло бы позавидовать целое стадо оленей.

Как раз в это время по горной тропе спускался татарин с вьюками только что размолотой на горной мельнице муки.

Увидев лохматого поэта-футуриста без шапки, с голой шеей и грудью, в безрукавной кофте оранжевого цвета, зычным голосом произносящего страшные и непонятные заклинания, он принял это видение не то за злого духа лесов, не то за бандита, умиловить которого во всяком случае можно лишь щедрым даром. Сбросив на землю один из мешков муки, татарин стегнул свою лошаденку и поспешил скрыться за изгибами дороги. После Гольцкопф говорил нам, что ни разу в жизни его литературные выступления не вознаграждались так щедро.

Поэт декламировал стихи голосом, которому могло бы позавидовать стадо оленей...

Для нас же этот мешок муки был истинным спасением от голода. Мы провели в лесу целую неделю и за это время успели набить свои мешки корнем валерианы, в изобилии растущей здесь по опушкам, и набрали изрядное количество пучков коры крушины, ценной как желудочное средство. Когда после этого мы выбрались на окраину леса, выше которой поднимались только одни горные луга яйлы или пастбища, мы чувствовали себя совсем одичавшими лесными людьми.

Нам оставалось для окончания наших ботанических сборов добыть еще некоторое количество душистой травы тимьяна, растущей на горных пастбищах и ценной, как средство при легочных заболеваниях, и клубней дикорастущих орхидей, известных в медицине под именем салапа (лекарственного средства при болезнях горла). Мы, как „лесные люди“ — были очень осторожны и, прежде чем выйти из леса на ровную, открытую поверхность альпийских лугов крымской яйлы, долго сидели на опушке среди кустов и зарослей, боясь встретить здесь человека, ко-

торый в острый момент междуусобной войны может оказаться куда опаснее всякого зверя.

На возвышавшейся перед нами пологой каменной гряде яйлы паслась отара овец с одним молодым пастухом; все время он беспокойно глядел в сторону нашего леса и как будто поджидал кого то. Заметив нас, он замахал руками, приветливо улыбаясь. Скоро он уже сидел в нашем кругу и рассказывал о себе. Его зовут Мемед, — он — чабан или пастух, а не много людей охотно пойдут на эту тяжелую долю одинокого скитания со стадом овец и сторожевыми собаками в заоблачной выси Крымских гор.

— Отец, — рассказывал юноша, — выгнал его из дома за то, что он не держал „ураза“, — великого поста мусульман, — не ходил в мечеть и смеялся над муллою. Юноша не заглядывал в Коран, а все читал книжки, которые ему в Ялте подарили красивые русские девушки в красных повязках. За это отец и старики выгнали его из аула, как заразу, и только сестра Эмине раз в неделю ходит сюда на яйлу, приносит брату

чистую рубашку и десяток тайком испеченных лепешек. Он ее ждет здесь каждую пятницу—день отдыха, когда старики чабаны делают свой „намаз“ и молятся аллаху.

Ждал он и нас. Он догадался сразу, что мы те самые гяуры, которых старики деревни и мулла поручили чабанам затравить собаками и не допустить до сбора травы в „Долине Супружеского Согласия“.

Старики рассказали, что мы хотим унести из гор те травы, у которых есть два корня, сплетенных, как две руки в дружном рукопожатии, и которыми „хаджа“ лечит татарских глухих баб, надоевших своим мужьям.

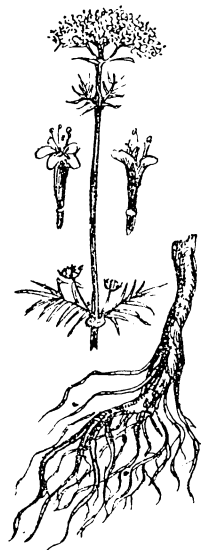
Услышав это, наш будущий приятель сам проник в долину, нарвал несколько этих колдовских корней и убедился, что не было ни грозы, ни грома, чтобы поразить его, как предвещали старики и мулла.

— Вот корень. — Тут юноша достал из-за своего широкого пояса прекрасный образчик двойных клубней дикой орхидеи, которую и мы искали, чтобы сдать ее в наши аптеки.

Юноша признался, что давно уже ждал случая увидеть нас и попросить взять его и сестру с собой в город, где старики и муллы не имеют

никакой власти. Он обещал показать нам дорогу к долине, где растут эти орхидеи, и уберечь нас от чабанских собак, караулящих нас на пути.

— Эй, Эмине, иди сюда, не бойся, — вдруг закричал он, делая знаки рукой маленькой татарке, появившейся на опушке леса и остановившейся в недоумении, при виде своего брата в кругу чужих, городских людей.

Корень валерианы.

лица яшмаком (чадра), — это наши друзья, они возмут нас отсюда обоих.

Союз был заключен. Наши спутницы приняли 16-летнюю Эмине, как доброго друга.

Чтобы не попасться на глаза старикам, Мамед повел нас в обход каменного уступа яйлы, вдоль опушки леса и, наконец, сделав версты три крюка, мы выбрались на прелестное плато, защищенное от холодных северных ветров бело-розовыми скалами известняка. Красота этого места превзошла все наши ожидания. Представьте себе пологую, залитую солнцем котловину, огражденную как рамой с одной стороны розовыми скалами Юрских известняков, а с другой—темно-зеленою зарослью приземистого можжевельного стланика (карликовая порода высокогорного крымского можжевельника, никогда не растущего вверх, а как бы стелющегося по земле). Изумрудный ковер альпийского луга был украшен мириадами крупных голубых и фиолетовых стрелок цветов двух пород дикой орхидеи. В воздухе носился тонкий аромат, напоминающий слегка запах левкоев.

Нам казалось, что с этим ароматом цветов мы пьем свежесть весенних сил природы, здоровье и яркие лучи солнечного света, которыми был залит этот сказочный уголок Крымской яйлы. Мемед стал на страже, взобравшись на один из крупных обломков скал на краю поляны, а мы принялись, не теряя времени, делать наш сбор клубней салапа, выкапывая ножами и палками двойные клубни орхидей.

Стеснявшаяся вначале Эмине теперь деятельно помогала нам, набрав клубни в узелок, сделанный ею

Дикая орхидея (салап).

С вершины соседнего гребня на нас неслась лающая и завывающая свора овчарок, науськиваемая чабанами.

из платка, которым, по мусульманскому обычаю, ей полагалось закрывать лицо при посторонних.

Мы уже готовились закончить наш сбор, как вдруг в стороне раздался лай доброго десятка звонких собачьих глоток.

— Нас заметили, — с отчаянием крикнул Мемед, прыгая со своего наблюдательного камня. — Это проклятый одноглазый старик Ибрагим! У него самые злые овчарки. Скорей! В пещеру Биюк Коба!.. Это недалеко... Скорей, иначе овчарки разорвут в клочки.

С тяжелой ношей мешков мы развили такую скорость, которой могли позавидовать и зайцы на яйле. Мы бросились за Мемедом через холмистый перевал к зиявшей вдалеке черным пятном расщелине в скалах. Когда мы достигли уже вершины перевала и готовились скатиться вниз к темному отверстию в горе, я оглянулся назад и увидел, как с вершины соседнего гребня, по пологому зеленому скату, на нас несется широким полукругом лающая и завывающая свора овчарок, науськиваемая с вершины двумя старыми чабанами с длинными посохами в руках. Несколькими отчаянными прыжками и скачками через камни мы достигли, наконец, узкого каменного входа в пещеру и ползком забрались под темные и

холодные своды большой промоины, имевшей вид громадного каменного зала, стены и потолок которого были украшены гигантскими каменными сосульками—сталактитами. Вода веками размывала толщу рыхлых юрских известняков Крымского хребта и, просачиваясь сюда, в эту промоину, каплями падала с потолка,— испарялась и увеличивала год от года известковые натеки на каменных сосульках.

Чабаны не любили этой пещеры и не часто заглядывали в нее. Несколько человеческих черепов и костей человеческих скелетов, валявшихся у одной из стен пещеры, свидетельствовали о какой-то драме, разыгравшейся неизвестно когда под мрачными сводами Биюк-Коба и это место уже давно было объявлено стариками „нечистым“, куда не следует без особой надобности заглядывать правоверному. Пока наши женщины пугливо жались друг к другу, разглядывая белевшие в полумраке на полу пещеры человеческие кости, мы приняли меры для самозащиты. Вооруженные камнями и дубинами, мы стали у низкого и узкого входа в пещеру, собираясь дружными ударами размогнуть голову первой же овчарке, которая сунется в наше убежище.

Но, повидимому, чабаны решили взять нас измором, зная, что все

равно, рано или поздно, мучимые голодом, мы должны будем показаться у выхода из пещеры. До позднего вечера мы слышали над собой глухие отзвуки собачьего лая и окрики старых пастухов.

Когда погасли последние лучи дня, скупно пробивавшиеся в наше подземелье через единственную глубокую и узкую щель входа, мы собрали в кучу сухую траву, листья и сучья сухого можжевельника, валявшиеся на земле, и развели костер. Пламя костра, то угасая, то вспыхивая, освещало теперь хоть на короткие промежутки всю громаду пещеры.

Красноватым заревом загорались колонны сталактитов на стенах и пстолке пещеры и тысячами бриллиантовых блесков играли капли воды, стекавшие с древних сводов Бюк-Коба. Это был первый вечер, когда поэт Гольцкопф не декламировал своих стихов. Скучный и мрачный, сидел он у костра на камне и с ужасом смотрел на белые черепа у стены.

Он говорил вслух, беседея с самим собою.

— Безумный поэт, зачем ты здесь?

Зачем оставил ты веселые, смеющиеся города, залитые солнцем и человеческой радостью. Зачем пошел ты в эту каменную братскую могилу в горах? Неужели затем, чтобы неделями сидеть здесь и ждать быть разорванным злыми собаками, караулящими у входа, или погибнуть от голода и сложить свою гордую голову здесь, рядом с этими белыми черепами, смеющимися страшным и беззвучным окостенелым смехом! Нет! нет, никогда! — Прочь отсюда, безумец!

Он кидался к черным сталактитовым стенам, обшаривая их и искал какого-нибудь выхода в гладкой отполированной веками и водой камен-

Языки пламени костра лизнули высокие своды пещеры. С них сорвалась стая спавших летучих мышей...

ной громаде. Другого выхода нигде не было видно.

Когда костер наш разгорелся и языки пламени лизнули высокие своды пещеры, с них сорвалась с пронзительным писком целая стая спавших здесь летучих мышей; они бились, летая по пещере, близко проносились около лица, едва не задевая нас своими мягкими, кожистыми летательными перепонками. Некоторые из них падали на землю и, противно карабкаясь крючковатыми пальцами, ползли к выходу из пещеры.

Женщины сбились в кучу, закрыв головы одним общим большим платком, а Эмине горько плакала, изредка выглядывая из под длинных и мокрых ресниц на утешавшего ее юного Алешу. Мемед был занят чем-то очень важным. Он то вставал, поднимал голову вверх и за чем-то следил своими зоркими, как у степного ястреба глазами, то собирал самые мокрые, сильно дымившие листья с полу пещеры и кидал их в огонь, наблюдая, куда тянет дым под высокими сводами.

Наконец он сказал нам:

— Должен быть еще выход. Смотрите, куда тянет дым.— Видите он идет, как в трубу, в правый угол пещеры? Там наверху должна быть отдушина, а значит и другой выход из пещеры наверх. Возьмите-ка ветви горящего можжевельника подлиннее, да посветите мне, а я полезу по каменному столбу в тот угол.

— Да, здесь есть большая и глубокая дыра,— глухо крикнул он нам через минуту, взобравшись по камням к самому потолку пещеры.

Мы видели только, как в черной дыре под сводами пещеры исчезла сначала голова, а затем все тело и ноги Мемед и откуда-то издали раздавался его глухой голос:

— Идите сюда, я вижу наверху звезды неба!

Это был голос бодрости, сразу вернувший нам энергию и самообладание!

Даже наши спутницы стали шутить и смеяться. Оживление было настолько большое и бурное, что мне и Мемеду пришлось уговаривать то-

варищей, поднимавших мешки и своих спутниц:

— Имейте в виду, друзья, что чабаны и собаки близко и мы должны сохранять тишину, чтобы ускользнуть от них незамеченными.

Но молодость, молодость! Она имеет свои права и свою особую логику вещей и поступков! Быть может это была галлюцинация слуха, но в темном каменном колодце нового прохода, где над нашими головами виднелся кусочек неба с яркими звездами южной ночи, я довольно ясно различил недалеко от себя робкий звук чьих-то поцелуев.

После этого Алеша попросил меня нагнуть спину, ловко вскочил на нее ногами и, приподняв маленькую Эмине, протянул ее к выходу наружу, где Мемед за руки поймал и вытянул наверх свою сестренку. Тем же путем, по очереди, выбрались все мы на склон холма, противоположный тому, где у входа в пещеру нас сторожили чабаны и собаки. Мы, конечно, не забыли и драгоценной ноши нашей—мешков с лекарственными травами—трофеями нашей разведочной экспедиции.

Мемед на склоне нарвал душистой травы тимьяна и велел нам натереть ею лицо, шею и руки и положить побольше этой травы за пазуху в карманы.

— Собаки у нас очень чутки,— сказал он,— и за версту могут услышать человека. Надо, чтобы от нас сильно пахло этой травой, тогда ни одна собака не почует нас.

Мы не шли, а буквально бежали всю ночь за Мемедом далеко в обход чабанских костров и ночных стоянок. Мы пересекли яйлу и, спотыкаясь в темноте о камни, катились вниз по крутым горным тропинкам в лесу. Рвали себе платье и руки колючим терновником и кустарником, называемым здесь „держи дерево“, и, наконец, на рассвете, в туманной дымке далекого берега увидели перед собою сверкающие в восходящих лучах солнца золотые купола и белые дома Ялты.

В полдень мы стояли в здании Здравотдела, сложив свои мешки с добычей ценных лекарственных

трав, а старик профессор с возгласами восхищения вытаскивал из них то связки ароматных корней валерианы, то пучки листьев белладонны, то сочные и свежие клубни салапа.

Я не беллетрист и рассказываю все просто, как оно было в действительности. Да этого и не выдумать бы. Жизнь—лучший сочинитель.

Поэт Гольцкопф, отойдя в сторону, страшным голосом опять декламировал стихи, теперь уже перед ларьком разинувшего от удивления рот продавца чубуреков (чубуреки—жареные крымские пирожки), пытаюсь, повидимому, терроризовать и его и вызвать примерно на такой же щед-

рый дар, как до смерти напуганного им в лесу татарина.

Мемед держал в своих руках маленькую ручку одной из наших спутниц—гимназисток, хорошенькой блондинки Лены, а сестренка Мемеда Эмине и юный политехник Алеша обменивались взглядами, красноречивый язык которых говорил об их чувствах выразительнее слов.

Я же думал о магической силе лечебных трав и о том, что все-таки таинственные клубни диких орхидей из долины „Супружеского Согласия“ оказали свое волшебное действие на моих спутников, соединив руки и сердца двух молодых парочек.

Решение задачи № 13 (Испанского узника).

Задача эта решается при помощи „итерации“—метода, часто применяемого современными математиками. Из данных нам уравнений:

$$\begin{aligned} x^2 + y &= A \\ x + y^2 &= B \end{aligned} \quad \text{получаем} \quad \begin{aligned} x &= \pm \sqrt{A - y} \\ y &= \pm \sqrt{B - x} \end{aligned}$$

отсюда

$$x = \pm \sqrt{A \mp \sqrt{B - x}}$$

Имеем 4 случая

$$1) \quad x = +\sqrt{A + \sqrt{B - x}}$$

$$2) \quad x = +\sqrt{A - \sqrt{B - x}}$$

$$3) \quad x = -\sqrt{A + \sqrt{B - x}}$$

$$4) \quad x = -\sqrt{A - \sqrt{B - x}}$$

„Итерация“ заключается в следующем: взяв одно из этих выражений, мы полагаем в правой части его $x = 0$; получаем некоторое значение для „ x “ в левой части равенства. Это значение берем для „ x “ в правой части; для левой части получаем новое значение „ x “ и т. д. до совпадения двух соседних значений „ x “ с достаточной точностью.

В нашей задаче $A = 7$ $B = 11$; точно вычислим 3 знака

$$\begin{aligned} 1) \quad x &= +\sqrt{7 + \sqrt{11 - 0}} = 3,22; \\ x &= +\sqrt{7 + \sqrt{11 - 3,22}} = 3,13; \\ x &= +\sqrt{7 + \sqrt{11 - 3,13}} = 3,13 \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} 2) \quad x &= +\sqrt{7 - \sqrt{11 - 0}} = 1,92; \\ x &= +\sqrt{7 - \sqrt{11 - 1,92}} = 2,00; \\ x &= +\sqrt{7 - \sqrt{11 - 2,00}} = 2,00 \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} 3) \quad x &= -\sqrt{7 + \sqrt{11 - 0}} = -3,22; \\ x &= -\sqrt{7 + \sqrt{11 - (-3,22)}} = \\ &= -3,28; x = -\sqrt{7 - \sqrt{11 - (-3,28)}} = \\ &= -3,28 \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} 4) \quad x &= -\sqrt{7 - \sqrt{11 - 0}} = -1,92; \\ x &= -\sqrt{7 - \sqrt{11 - (-1,92)}} = -1,85; \\ x &= -\sqrt{7 - \sqrt{11 - (-1,85)}} = -1,85 \end{aligned}$$

4 соответствующих значения для „ y “ получаем из равенств

$$y = A - x^2 = 7 - x^2$$

При присылке решений этой задачи многие упустили из виду, что графическое решение (2 пересекающихся параболы) не может быть доведено до желаемой точности, завися от размеров чертежа и толщины карандашного штриха. Описанное же решение может быть точным до любой степени.

Правильно решили: С. Соколов (Вышний Волочек), Ю. Воробьев (Ленинград), К. Агокас (Москва), Н. Залит (Свердловск), И. Светлов (Архангельск), К. Арамянц (Баку), Н. Шифтель (Одесса), А. Морозов (Ленинград), П. Морозов (Ленинград).

НАД БЕЗДНОЙ

Рассказ Ж. Л. БИСТОНА.

Иллюстрации Г. БЕККЕРА.

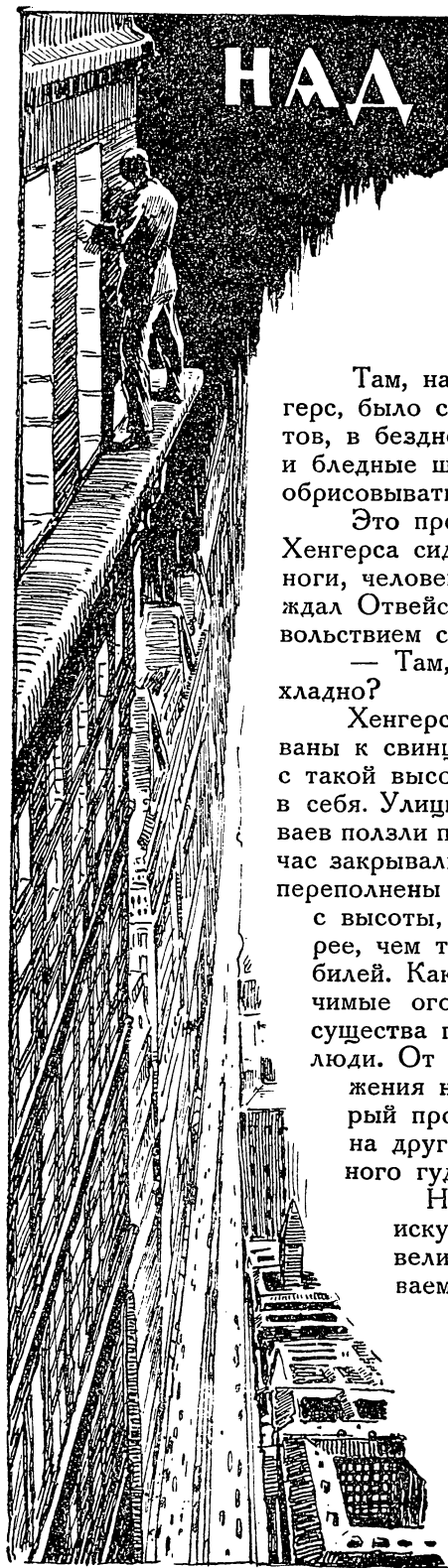
Там, наверху, где у открытого окна стоял Хенгерс, было совсем светло. Но на глубине пятисот футов, в бездне, куда он заглядывал, было сумеречно, и бледные шары электрических фонарей уже начинали обрисовывать линии длинной улицы.

Это происходило в конторе Отвейса. За спиной Хенгерса сидел, вытянув к центральному отоплению ноги, человек, имя которого не относится к делу. Он ждал Отвейса, который на минуту вышел, и с неудовольствием смотрел на открытое окно.

— Там, у окна, наверно, очень приятно и прохладно?

Хенгерс не понял намека. Глаза его были прикованы к свинцовой крыше церковной башни. Смотря с такой высоты, чудилось, что шпигель башни ушел сам в себя. Улицы казались такими узкими, и вагоны трамваев ползли по ним, точно сверкающие гусеницы. В этот час закрывались магазины и конторы, и вагоны были переполнены и быстро бежали по улицам. Но, глядя с высоты, казалось, что они ползут. Немного скорее, чем трамваи, скользили белые фонари автомобилей. Как след от светляка мелькали едва различимые огоньки велосипедных фонарей. Странные существа ползали по земле, точно улитки. Это были люди. От всей этой жизни, от этого далекого движения на верх доносился только гул, сквозь который прорывался то стук трамвая, переходившего на другую стрелку, то громкий рев автомобильного гудка.

Над этим хаосом звуков, над этим жалким искусственным светом, высоко поднималось величественное здание небоскреба, так называемого Вентвартхауз. Это был колос из бетона, гранита и стали. Он был выстроен в форме треугольника. Один угол был обращен к востоку и выходил на две улицы. К западу было обращено основание треугольника. В доме было 25 этажей и он поднимался над землей на 500 футов. В сумерках он казался вдвое выше. Два-три освещенных на самом верху окна сверкали точно рядом со звездами.

Хенгерс почувствовал страх, почти обморочное состояние, от которого помутилось его сознание. Нервы его были напряжены, как струны скрипки. Он всю жизнь испытывал этот страх перед пространством, хотя и вырос в американских городах, где карлики из плоти и крови тяжелым трудом создают этих гигантов из камня и стали.

Хенгерс пристыженно подошел на шаг ближе к окну и судорожно ухватился за раму. Что это было бы за ужасное падение! Только прыжок, перекинуться через подоконник... потом... Сердце его громко стучало.

С этой высоты ясно были видны границы города. Город представлялся четырехугольной грудой крыш, из которой то тут, то там поднималась труба, посылавшая к серому небу серый дым. Улицы разбегались правильными линиями и неожиданно обрывались. За ними была открытая местность, плоская как доска. То тут, то там она была покрыта снегом. Ветер поднимал и кружил его. В наступавшей темноте эти окрестности города казались безнадежно-унылыми. Оттуда надвигалась на освещенный город ночь. Она спускалась на него сверху и ей не могли помешать бесчисленные фонари, бросавшие туманный отблеск во мрак, бездна которого поглощала их свет.

В характере Хенгерса была легкая склонность к сентиментальности и на него действовала окружающая обстановка.

Неожиданный испуг вернул его к действительности.

Кто-то схватил его сзади за талию и поднял с полу так, что его голова и плечи наклонились к окну.

У Хенгерса вырвался крик ужаса:

— Оставь меня! Чорт вас побери!

Его сейчас же опять опустили на землю. С ним подшутил человек, сидевший в ожидании Отвейса. Но тот, войдя в эту минуту в комнату, сказал серьезно:

— Как можно делать такие глупости!

До смерти перепуганная жертва с трудом переводила дыхание.

— Мне, право, очень жаль,—сказал с раскаянием провинившийся.—

Я не думал, что вы так разволнуетесь.

Хенгерс вытер пот со лба. Ему было немножко стыдно, что он показал себя таким слабонервным и он перебил говорившего, точно извиняясь.

— Вы меня испугали. Я не переношу высоты. Никогда не мог. Я становлюсь совсем больным. В таких случаях я настоящий трус.

— Я не должен был бы этого делать, — огорченно сказал шутник.— Но, все таки, удивительно, на что иногда способны человеческие нервы... или, вернее отсутствие нервов. Взгляните на карниз за окном, который огибает здание? Я видел, как рабочие шли по этому карнизу, как по дороге...

— Перестаньте! — попросил Хенгерс, весь дрожа.

В разговор вмешался Отвейс:

— Да, это правда. Я сидел здесь, у своего письменного стола, как меня спугнула тень, скользившая по стене. Я быстро поднял голову и едва успел увидеть человека, шедшего вдоль по карнизу. Такие вещи следовало бы запретить. Каменщику или маляру может доставить удовольствие такое молодечество. Но это излишне и должно было бы быть строго воспрещено.

— Просто волосы дыбом встают! — воскликнул Хенгерс и повернулся, чтобы уходить, но Отвейс попросил его:

— Еще минутку!

Хенгерс дождался, пока остальные двое кончили недолгий деловой разговор.

Отвейс сказал Хенгерсу, как только они остались вдвоем:

— Дела вашего друга Ковенанта очень плохи.

Эти слова испугали Хенгерса. Он напрасно пытался выдержать взгляд Отвейса, который спокойно и задумчиво смотрел на него.

— Говорят, что он не переживет эту ночь.

— Ах, бедняга,—пробормотал Хенгерс.

— Я вам сказал это потому, что вас это интересует.

— Да, да, — рассеянно ответил Хенгерс.

Отвейс запер письменный стол, снял с вешалки шляпу и пальто и выключил отопление.

— Я уйду, — сказал он. — Хочу пойти с приятелями в театр.

Они вместе вышли из конторы. Отвейс освободил задвижку, запиравшую изнутри, и с громким стуком захлопнул за собой дверь. Она была красного дерева и на ней значилась простая надпись „Мистер Джемс Отвейс“.

Эта надпись ничего не говорила. Но большинство приходивших сюда людей очень хорошо знали, что владец конторы — сыщик, который был на службе „Банка Трех Штатов“.

Отвейс и Хенгерс вышли на верхнюю площадку лестницы Вентварт-хауза. Вокруг большого четырехугольника, пол которого был выложен узорной мозаикой, помещались различные конторы. В одном углу была лестница и дверца подъемной машины. Контора Отвейса помещалась как раз напротив, в отдаленнейшей части большой площадки.

Отвейс позвонил, чтобы подали подъемную машину и продолжал болтать с Хенгерсом. Когда подъемная машина тихо поднялась на верх, в ней сидела женщина. Мужчины сняли перед ней шляпы. В глазах Отвейса появилось выражение удивления, глаза же его спутника отразили чувство более сильное, чем радость.

Женщина слегка кивнула головой Отвейсу. Он вошел в кабинку подъемной машины. Дверца захлопнулась и он быстро опустился и исчез в глубокой шахте, из которой веяло холодом.

— Вы хотите пройти ко мне, Мэри? — спросил Хенгерс.

— Да, — ответила мистрис Ковенант таким тихим и грустным голосом, что Хенгерс сейчас же понял, что случилось.

Он провел ее в свою контору, запер дверь и придвинул ей кресло. Она опустилась на кресло и сказала слабым голосом:

— Он умер час тому назад.

— О! — тихо и взволнованно произнес Хенгерс. К чему были пошлые

слова? Да если бы он и нашел новые выражения для сочувствия, он знал, что они прозвучат фальшиво. Он молчал и смотрел на склоненную голову женщины, овдовевшей час тому назад.

Она, очевидно, спешила одеться. Из под шляпы виднелись пряди густых каштановых волос. Щеки были бледны и опущенные ресницы бросали на них тень. Он ждал слез, трепета нежных губ, дрожащего голоса. Но она сидела так же тихо и неподвижно, как и он.

Неужели сердце ее окаменело от горя и все чувства ее притупились? Да, она, должно быть, поражена горем. Хенгерс почувствовал непреодолимое желание утешить ее не назойливым сочувствием, а словами любви. Должна же она знать, какое чувство было у него к ней все эти годы. Разве он ей не говорил, что он ее любит, еще до того, как она вышла замуж за Ковенанта? В другое время он бы опустился перед ней на колени, взял бы в руки ее голову и прижался бы щекой к ее щеке.

Но она вдруг подняла голову и сказала:

— Я все знаю. Все... про... про ваше преступление... и его!

Хенгерс почувствовал, что он весь немеет. Его руки расжались и пальцы так и остались полусогнутыми. От щек отлила каждая капелька крови. Подбородок опустился и не было сил поднять его. Он окаменел от ужаса и хаоса чувств, обуявших его.

Мэри украдкой оглянулась. Потом тяжело перевела дыхание и продолжала:

— Четыре года тому назад вы с Харвеем обокрали на 20.000 долларов банк Трех Штатов.

— О, Господи! — пробормотал Хенгерс и приложил руку к влажному лбу. — Он рассказал вам это перед смертью?

— Нет. Он написал все это во время своей болезни. Со всеми подробностями, как вы и он совершили это преступление. Если бы он выздоровел, он бы уничтожил это признание. Но когда он увидел, что

надежды больше нет, он подписал под ним свое имя.

Хенгерс старался высвободить шею из душившего его воротника.

— Это похоже на Харвея, — прохрипел он.

— Вы станете упрекать его, — моего умершего мужа? Вам страшно? Взгляните-ка на себя в зеркало. Вы похожи на приведение.

В ее словах были тревога, упрек, злоба. Ослабевший и весь разбитый опустился Хенгерс на стул перед конторкой и мрачно уставился в пол.

— Он писал только тогда, когда был один, — продолжила Мэри. — Я не должна была знать, что он пишет. Но я видела, как на нем отражается эта работа и нашла случай прочесть исписанные листки. Он подписал их только вчера. Он был слишком слаб, чтобы положить их в конверт и запечатать. Он заставил меня это сделать и следил в это время за мной. На конверте им уже был написан адрес и мне нужно было запечатать. Он пожелал, чтобы после его смерти этот пакет был послан по почте...

— Боже мой! Вы послали...

Хенгерс вскочил.

— Я не хотела этого... ни за что на свете. Я думала о себе и об имени моего сына. Я отложила письмо в сторону, но была недостаточно предусмотрительна. Горничная нашла его и опустила в ящик... три часа тому назад.

Хенгерс впился ногтями в свое мертвенно-бледное лицо. Он крикнул, задыхаясь:

— Кому оно было адресовано?

— Мистеру Джемсу Отвейсу.

— Но куда... куда?

— В Вентвартхауз... сюда...

— Он его еще не получил... не получил. Я еще успею скрыться. Впереди еще целая ночь. Он только что ушел. Вы его видели... Меня это совсем убило... Клянусь вам, Мэри, это был мой первый и последний бесчестный поступок. Мы с Харвеем были в горькой нужде и нам случайно представилось это искушение. Нам облегчало дело то, что он служил в банке. Я знаю, что это всегда мучило его. Пока он был жив, он

не решался признаться. Теперь, мертвому, ему уже ничего не страшно. Так оно адресовано Отвейсу? Это может помочь делу!

Он бегал взад и вперед по комнате и выкрикивал слова почти без всякой связи.

— Если бы я хотела поступить правильно, вы ничего не должны были бы знать про это письмо, — сказала Мэри и закрыла лицо руками.

Хенгерс не видел и не слышал ее. Перед ним стоял только ужас совершившегося.

— Он потому и послал свое признание Отвейсу, что тот служит сыщиком в банке и Ковенант это знал. Мы боялись только Отвейса, этой ищейки. Из-за него я и переехал сюда со своей конторой. Я хотел быть ближе к опасности, если опасность была. Я должен был сам убедиться, подозревают ли меня. Но все шло благополучно. Мы с Отвейсом даже стали приятелями и... и... что это такое?

Легкий шорох за дверью показался его напряженным нервам взрывом бомбы. Он открыл дверь и увидел, как почтальон опускал большой конверт в почтовый ящик в дверях конторы Отвейса. Почтальон сказал:

— Добрый вечер! — и пошел дальше.

Хенгерс вернулся в комнату, несколько раз глубоко вздохнул и сказал:

— Все в порядке. Письмо только что пришло.

— Где же оно?

— Почтальон опустил его в ящик, который на внутренней стороне дверей Отвейса.

— Я думала, что почтовые ящики внизу, при входе.

— Да, там все ящики, кроме ящика Отвейса. У него много секретных дел и он не может доверяться такой доставке писем. Он так устроился, чтобы почтальон приносил ему письма в его контору.

— Но что же вы хотите теперь делать?

— Достать это письмо.

— Дверь, ведь, заперта?

— Я готов полночи провозиться, чтобы ее открыть.

— А мистер Отвейс не может вернуться?

— Сегодня вечером нет.

— Медлить, во всяком случае, ведь, нельзя?

— Конечно!

Он сделал было шаг к выходу, но остановился и оглянулся на жену покойного банковского служащего, Харвея Ковенант. Она сидела неподвижно, опустив голову, безвольно сложив на коленях руки, убитая горем и стыдом. Она не была ни молода, ни красива, но изящна и миловидна, и у нее были прекрасные волнистые каштановые волосы. Хенгерс всегда думал о ней с нежностью. Он смотрел на нее теперь и вспомнил цветы, которые вянут без ухода, но поднимают головки и расцветают новой красотой, когда их ласкает солнце и орошает вода.

Он тихонько подошел к ней и спросил:

— Вы сделали это ради меня?

Она медленно покачала головой.

— Нет, и не ради себя. Я бы исполнила последнюю волю Харвея, если бы... если бы не должна была думать о своем сыне. Это могло погубить всю его будущность.

— Ковенанту следовало подумать об этом.

— Пожалуйста, не упрекайте его.

— Я не стану этого делать, если вы меня просите. Только не уходите еще, Мэри. Я посмотрю, трудно ли мне будет открыть дверь.

Он вышел на площадку. Было около восьми часов вечера, и хозяйка соседних контор уже разошлись. На площадке было тихо, как в могиле. Хенгерс прошел к двери Отвейса и, не задумываясь, нажал ручку. Потом он поднял медный клапан над узким отверстием в двери, через которое было опущено письмо.

Но вдруг ему послышались шаги и он насторожился. Он так сжал зубы, что они закрипели. Но это был всего только сторож, который пришел с метлой и стал подметать мозаичный пол. Человек был слишком стар для этой работы и все время кашлял. Он сказал хриплым голосом:

— Добрый вечер!

— Чорт бы тебя побрал! — подумал Хенгерс. Вслух он ответил.

— Добрый вечер. А разве Симонса нет больше?

— Он нашел другое место, где лучше заработок.

— Когда же он ушел?

— Уже неделю.

— Сколько же времени вы здесь служите?

Сторож стал сильно кашлять и оперся на свою метлу. Его согнутые плечи мучительно тряслись. Прошла целая минута, пока он мог ответить:

— Неделю.

— У вас слишком мало сил для такой работы. Вот возьмите это для вашего кашля, пока он еще не вывернул вам легкие.

Человек наклонился над протянутой рукой Хенгерса и с благодарностью принял то, что тот ему давал. Потом он сказал, сопя носом:

— Мой кашель кажется хуже, чем он на самом деле. Я уж кашляю так много лет. Спокойной ночи, мистер Хенгерс. Я вам очень благодарен.

Хенгерс вернулся в свою контору. Женщина все так же неподвижно сидела на месте. Он вынул из ящика длинную черную сигару и закурил. Молчание нарушалось только тихим шорохом метлы по полу площадки.

Мэри Ковенант очнулась и вышла из состояния грустной задумчивости. Она подняла голову и спросила Хенгерса:

— Вы не попали в его контору?

— Это невозможно!

Она испуганно вскрикнула:

— Что это значит?

— Там один человек... новый сторож возится на площадке.

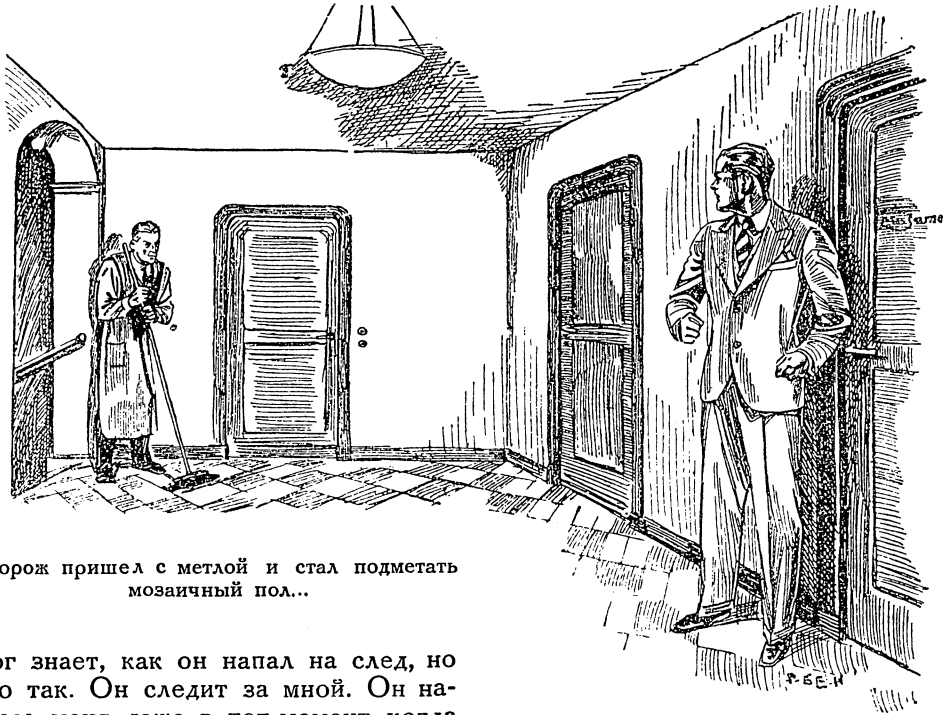
— Но, ведь, он же уйдет?

— Его, между прочим, зовут Джеймс Отвейс. Он следит за мной. Будь он проклят!

Мэри встала и прижала руку к груди.

— Вы в этом уверены?

— Совершенно. Меня-то эта собака не проведет. Я его сразу узнал.

Сторож пришел с метлой и стал подметать мозаичный пол...

Бог знает, как он попал на след, но это так. Он следит за мной. Он накрыл меня даже в тот момент, когда я взялся за ручку его двери. Теперь он будет кружиться надо мной, как коршун. А тут еще это признание, которое он найдет у себя в конторе! Вы пришли слишком поздно, Мэри. Я конченный человек.

Она взглянула на него полными ужаса глазами и спросила:

— Он может каждую минуту войти к себе в контору?

— Нет... Пока я тут, он не сможет этого сделать, не выдав себя. Кроме того, ведь, он ничего не знает про письмо Хорвея. Но мне то не достать письма. Чтобы открыть его дверь, мне нужно было бы, по крайней мере, час остаться одному на площадке. Мое дело потеряно, Мэри!

У него вырвался стон отчаяния и он снова забегал взад и вперед по комнате.

— Я тоже думаю, что вы ничего не сможете сделать,—сказала покорно, но более твердым голосом Мэри.— Но у вас впереди целых двенадцать часов. Вы успеете бежать. Не теряйте времени...

Она замолчала, пораженная странным выражением лица Хенгерса. Он смотрел в окно. Глаза его были широко открыты и неподвижны, как

глаза статуи. Он смотрел на карниз, опоясывавший здание.

— Это могло бы быть дорогой для меня... если бы у меня хватило смелости!—произнес он, задыхаясь, как после быстрого бега.—Если бы мне посчастливилось и хватило бы сил!

Мэри взглянула в окно и поняла. Она смотрела на узкий карниз, за краем которого была черная ночь. Кровь застыла в ее жилах.

— Вы сума сошли?—простонала она.—Это безумная мысль. И не думайте об этом!

Но он не ответил ей, потому что не слышал ее слов. Он, не отрывая глаз, смотрел на каменный карниз, хотя от ужаса у него и поднимались волосы дыбом. Дом окружало три таких карниза, не шире полуметра, и четвертый карниз шел под крышей.

Первый карниз опоясывал дом на высоте двенадцатого этажа. Второй—на высоте восемнадцатого, а третий опоясывал последний, двадцать пятый этаж. Небоскреб поднимался на триста футов выше соседнего дома. Со стороны же двух улиц, на которые он выходил, небоскреб отвесно высился на пятьсот футов над землей.

О чем думал Хенгерс?

Ничто не могло быть проще его плана. Контора Отвейса находилась на противоположной стороне этого верхнего этажа. Хорошо, — если он, Хенгерс, решит воспользоваться этим карнизом, и обойдет по нему вокруг здания, он, без сомнения, попадет через окно в контору Отвейса.

Он начал считать, сколько окон было между его конторой и конторой Отвейса. Возвращаться обратно ему не нужно было тем же путем. Только бы достать письмо, а там он уж найдет способ выйти. Это даже совсем просто. Но... может быть, все это тяжелый кошмар?

Было уже совсем темно. Поднялся ветер. В узкой полосе света, бросаемой окном, летало что-то похожее на опавшие лепестки. Но это были не лепестки, а снежинки, появившиеся из темноты и в этой же темноте исчезающие.

Хенгерс вздрогнул. Потом решительно поднял голову. Если только можно было нечеловеческим усилием заставить себе рискнуть, то ни о чем уж не надо думать. Нужно забыть про страшную высоту, про медленно ползущие там, внизу, трамваи, про карликов, которые были людьми.

— Он посмотрел вниз и сказал:

— Я бы предпочел, чтобы вы услышали.

Она положила ему руку на плечо и щеки ее были белы, как бумага.

— Вы, ведь, оставили эту мысль, правда?..— умоляюще сказала она.

— Не знаю. Может быть, я слишком труслив. Я в отчаянии, но у меня нет мужества. Да, я думаю, что даже не решусь попробовать встать на карниз. Но, ведь, в конце концов, я же мужчина. А это — путь для мужчины. Но вы лучше уйдите. Я буду спокойнее, если останусь один.

Она хотела ответить и не могла. Он видел, как сильно она дрожит.

— Но, если,—продолжал Хенгерс, глядя ей в глаза, — если мне посчастливится... Простите ли вы меня тогда, Мэри?

Она ответила едва слышно.

— Зачем вам мое прощение?

— Потому, что в смерти будет ужаснее всего то, что я расстанусь с вами.

— Ах, теперь не время для таких слов.

— Простите ли вы меня, Мэри?

Она посмотрела в его лихорадочно горевшие глаза и ответила:

— Да, я прошу, если вы мне обещаете каким-нибудь способом вернуть украденные деньги.

— Это я вам торжественно обещаю.

Она подала ему руку и он поднес ее к своим губам. Ему неудержимо хотелось обнять эту женщину. Но это было только мгновение слабости.

— Спокойной ночи, Мэри,—хрипло произнес он.

Потом он остался один. Она ушла, покинув его в смертельной опасности. Значит ей было все равно, что бы с ним ни случилось? Ей было страшно оставаться и увидеть его конец? Но Хенгерс сейчас же сказал себе, что он неправ. Ведь, она его предупредила о грозившей ему опасности и не могла же так поздно оставаться у него в конторе, в то время, как Отвейс следил за ним. Но он постарался отогнать от себя эти мысли.

Что ему теперь делать? Если он достанет письмо Ковенанта, он выйдет из этого дома новым человеком. Если же нет...

Хенгерс тихонько открыл окно. Отвейс не должен ничего слышать. Конечно, надо и дверь запереть. Он пошел и запер ее.

Он дрожал, как в лихорадке, от все возросшего волнения и холода ночи, ворвавшегося в открытое окно.

Он старался внушить себе.

— Не думать об этом! Ни о чем не думать! Я совершенно свободно могу обойти вокруг дома.

Он дрожащими руками застегнул на все пуговицы пиджак. Подошел к окну и увидел снег, такой легкий, совсем невесомый, летящий туда, вниз, где горели огни, свет которых умерялся отдалением, глубиной... бже, какой глубиной!

Безумие! Разве он поможет себе, если станет измерять глубину глазами? Он заметил, что члены его онемели от напряжения. Ногти впились в ладони, зубы скрипели до боли, мускулы были тверды, как сталь. Он весь опустился на месте и несколько раз глубоко вздохнул.

Потом Хенгерс подвинул к окну стул, встал на него и выставил в окно правую ногу. Помедлил минуту и выставил и левую. Теперь он стоял на карнизе, держась руками за раму окна. Он встал поудобнее и взглянул в окно. Внутри он увидел привычную обстановку своей конторы. За спиной же его была бездна.

Он громко сказал себе:

— Это, ведь, совсем легко. Что может быть проще? Разве это не просто до смешного?

Сердце отвечало громким стуком, больно колотясь о ребра.

Он стал медленно отдаляться от окна. Ногти его скрипели на камне стены. Он медленно подвинул вперед правую ногу и потом подтянул к ней левую. Это было опасно. На карнизе лежал легкий слой снега и при движении ног он становился твердым и скользким. Он заметил это, когда каблук его сапога слегка чиркнул по карнизу. Его левое колено подогнулось. Одну секунду он думал, что падает, и из его широко открытого рта вырвался стон, как вздох умирающего.

Но он снова взял себя в руки.

Он не чувствовал ледяного холода. Он весь горел, пот катился по лицу. Он старался думать обо всем, что только приходило в голову, и не вспоминать про возможность падения. И в хаосе мыслей ему вдруг, по странной случайности, вспомнилась старая песенка из далекого детства. Он стал лихорадочно и торопливо повторять строфы этой песенки и на мгновение нашел в этом забвении ужаса настоящего.

— Вечером каждым,
В восемь часов,
Слышно в калитку:
„Стук... стук“...
— Берегись!

Он не замечал, как снежинки падали на его горящее лицо. Он полз вперед, как улитка, но и этого почти не сознавал. Снизу, из бездны, доносился глухой шум города. А ветер тут, наверху, пел тонким, тихим голоском:

— В кресло не прячься —
Стучат, ведь, не там...

Он старался думать только об этой полузабытой детской песенке и полз все вперед. Стоило ему остановиться на пять секунд, как ему казалось, что какая-то рука опускается ему на плечо и тянет его назад. У него начинала тогда кружиться голова.

Он, наконец, добрался до угла дома и стал огибать его. Тут ветер чувствовался сильнее и Хенгерс ощущал каждым нервом легкое колебание вершины небоскреба. Его тело двигалось туда и сюда вместе с этим легким покачиванием, которое казалось его разгоряченному воображению чудовищным. На него вдруг напал смертельный страх, что здание, раскачиваясь, оттолкнет его от себя. Ведь, он был всего атомом, мухой на теле этого чудовища—небоскреба.

Несмотря на то, что он старался не глядеть вниз, глаза его приковала к себе неожиданно вспыхнувшая световая реклама на крыше отеля, казавшейся глубоко внизу. Белый свет ослеплял его. Он ничего не видел ни справа, ни слева, ни внизу, казалось, что эта реклама просто висит в воздухе. Хенгерс невольно сравнил высоту рекламы с высотой, на которой находился он, и мысли его сейчас же стали путаться. Где он? На чем стоит? За что держится? Сейчас он упадет! В мозгу и во всем теле он испытывал неудержимое желание броситься вниз, прямо на этот свет. Он уже повернул правое плечо и готов был прыгнуть в этот ослепляющий свет, как автомат снова потушил рекламу.

Кругом был мрак. Парализующее действие света исчезло.

Хенгерс опять повернулся совсем лицом к стене. Он прислонился лбом

к камню. Он чувствовал такую смертельную усталость. Но по прежнему старался забыть про страх.

— Это вовсе не кошка стучит,
Кошки не умеют стучать...

Это была одна из первых песенок, которым его научила мать. Может быть, это она сейчас поет. Он постарался уяснить себе, где он находится. Ведь, она пела ему, покачивая его на качелях в саду. Когда качели взлетали, он видел ручеек с подстриженными деревьями на берегу. А за деревьями было поле ржи и по полю вилась дорожка. Когда же качели опускались, видна была только садовая изгородь и старая дождевая бочка. По саду бежала кошка, кудахтали куры.

Теперь он уже обошел угол. Снежинки не падали больше легко на его лицо, а слепили глаза под хлещущим ветром. Пальцы Хенгерса застыли, он потерял ощущение своих ног. Сила воли начинала ослабевать.

Долго ли еще переживать этот страх? Неужели никогда не будет конца ужасному пути? Он сосчитал от угла пять окон, ему же нужно было восьмое. Может быть, он просчитался и попадет не в ту комнату? Ну, что ж, тогда конец!

Он прошел мимо шестого окна... мимо седьмого. Сознание начинало изменять ему. Он заметил это и, сделав нечеловеческое усилие, снова взял себя в руки.

— Я буду сегодня ужинать в отеле „Италия“, — бормотал он.

— Я... я... что же я закажу на ужин?

В это мгновение его правая нога соскользнула с карниза и повисла в воздухе.

Он падал!

Хенгерс потерял равновесие. Он вскрикнул, как ребенок. Упал вперед! Правое колено стукнулось о край карниза, левое висело в воздухе. Его руки и грудь пробили большую дыру в окне восьмой комнаты. Он буквально упал через это окно. Его руки ухватились за подоконник

внутри комнаты. Он подтянулся туда всем телом. О возможности поранения он не думал. Он упал в полумоборочном состоянии на пол комнаты Отвейса.

Он лежал минут пять и чувствовал, что не в состоянии подняться. Никто его не беспокоил. Плотная закрытая дверь заглушила шум его падения, а осколки стекла попадали на ковер.

Хенгерс встал. По левой руке текло что-то горячее. Но он легко отделался. Утром Отвейс найдет осколки окна и пятна крови на полу. Он будет удивлен, но ничего не поймет.

Хенгерс вынул из ящика письмо, в котором было его спасение. Потом тихонько открыл дверь. На площадке горела одна единственная лампа. Отвейса не было видно. Хенгерс на ципочках прошел в свою контору. Там он запер за собою дверь, поджег спичкой пакет и смотрел, как он превращался в пепел. Он обернул раненую руку носовым платком, надел шляпу и пальто, потушил свет и вышел. Он спускался по лестнице, крепко придерживаясь за перила. Колени его ослабели, ступени уходили из под ног. На следующей площадке сторож все еще подметал пол.

— Спокойной ночи, мистер Хенгерс!

— Спокойной ночи! — едва слышно отозвался тот.

Он вышел на улицу и пошел, слегка покачиваясь. Ноги изменяли ему. Шофер одного из автомобилей неверно понял это покачивание и слегка насмешливо предложил ему:

— Не нужен ли вам автомобиль?

— Да, — сказал Хенгерс, — поезжайте... в отель „Италия“.

Он вдруг очутился в автомобиле, который мягко тронулся с места. Туман, окутывавший его мозг, стал медленно рассеиваться. Его ослепленные, усталые глаза взглянули в последний раз на Вентвартхауз, поднимавшийся на пятьсот футов во мраке, в воздушную бездну, по соседству со звездами.

ИЗ ГАРЕМА К СВОБОДНОМУ ТРУДУ

Рассказано МЕЛЕК-ХАНУМ, героиней романа Лоти.

От редакции. И бытовая, и исторический, и чисто литературный элементы сочетались в этом очерке—живом повествовании турчанки, здоровые инстинкты которой, несмотря на неблагоприятные условия знатности и богатства, все время повелительно звали ее к труду, и к труду самостоятельному, свободному. Теперь турецкая женщина освобождена, но эта свобода считается пока только днями, и очерк из недавнего прошлого приобретает уже характер исторический.

У нас в России хорошо знали знаменитого французского писателя Пьера Лоти, поэтические романы которого „Азиада“, „Мадам Хризантем“ и др., всегда с этнографической окраской, выдержали много переводов. В рассказе Мелек-Ханум вскрывается любопытная литературная подробность: доселе неизвестная история нашумевшего романа Лоти „Разочарованные“. В основу романа, оказывается, легли с одной стороны—мистификация молодых девушек, с другой—живые и яркие письма рвавшейся к свободе сильной женской души.

„Кисмет“—тут уж ничего нельзя было поделывать. В книге судеб было написано, что я буду портнихой. И я стала портнихой! Правда, роскошная жизнь дочери турецкого министра в гареме ее отца не была похожа на ту подготовку, которую получают профессиональные портнихи. И я, конечно, шла очень извилистыми путями к предназначенной мне цели. Но как бы то ни было, вот я портниха и не только портниха, но и первая турецкая женщина, серьезно занимающаяся трудом. Люблю я или нет свое дело, но я должна уже теперь быть портнихой. К счастью, я люблю

это дело и, как это ни странно, еще в детстве больше всего любила шить платья.

Но позвольте мне представиться вам. Мой дед, маркиз де-Блоссэ-де-Шатонейф принадлежал к одной из первых старых французских фамилий Сен-Жерменского предместья. Семья эта очень гордилась славой, которой она обессмертила свое имя во время крестовых походов, истреб-

ля ненавистных турок. За это их благословил и Рим.

С некоторым чувством благоговения и стыда я должна сказать, что я,

„неверная турчанка“, унаследовала от своего предка—кестоноса большой аристократический нос. Природа позволяет себе иногда забавные шутки и там, где мы меньше всего ожидаем этого.

Мой дед, конечно, пошел на военную службу, следуя традициям старого французского общества. Он попал в первый раз в Турцию, исполняя какое-то военное поручение и почти тотчас же заинтересовался страной и привязался к тур-

кам. Но он окончательно решил переменить национальность, отказаться от титула, отречься от своей веры и стать простым Решид-Беем, мусульманином, из любви к прекрасной черкешенке, моей бабушке. Другие, менее благосклонные люди, говорили, что его соблазнила перспектива иметь четырех жен. Может быть, это и было так. Ведь, он был француз! Во всяком случае, он вполне

Мелек-ханум.

использовал разрешение пророка. Семья его была так велика, что он даже не знал всех своих детей, хотя они все и считались законными.

Однажды к нему пришли сказать, что его ребенок умер. Но он совсем забыл этого ребенка и почти не помнил о существовании его матери. Увы! в этом случае он не был турком! Это было легкомысленной стороной перемены моим дедом национальности. Вообще же он был очень образованным человеком, его влияние чувствовалось и он, косвенным образом, положил начало всему современному турецкому движению.

Дед мой был дружен с очень культурным турком, неким Шинасси. Они вместе занимались наукой, и турок был в таком восторге от этих занятий, что не оставил камня на камне, пока не добился возможности ехать во Францию—„посмотреть и учиться“. В Париже у него положительно закружилась голова от всяких новых идей. Он изучал все новейшие движения,—политические и литературные,—и остановился на учении Руссо. Для него Жан-Жак Руссо был почти богом и, во всяком случае, больше, чем пророк. Он знал наизусть почти все произведения этого философа и, вернувшись, наконец, в Турцию после долгого пребывания во французской столице, привез с собой готовый план и стал сеять семена того, из чего родилось младотурецкое, а затем национальное движение. Он же повел и литературную кампанию, которая произвела переворот в турецкой литературе.

Мой отец, Нура-Бей, был старшим сыном деда. Он поступил в турецкую дипломатическую службу и, в конце концов, стал министром иностранных дел при Абдул Гамиде. Только турок может понять, что значила такая высокая честь! Каждый радовался уже тому, что он еще жив во время этого ужасного режима. Все мы, мужчины и женщины, а больше всего — министры всегда могли оказаться жертвами клеветы. Каждый лживый донос шпионов Абдул Гамида грозил нам всем смертью, изгнанием, разорением. Утром ни-

когда нельзя было сказать, что принесет конец дня. Никто не смел и отгадывать. Как это возможно, что в такой просвещенный век, как двадцатый, мог жить, царствовать и терзать нас всех это чудовище, Абдул Гамид?

Но нас, девушек, главным образом, мучила уединенная, изнеженная жизнь, которую мы вели в гареме нашего отца. Казалось, частица европейской крови, которую мы унаследовали от деда, возмущалась против этого рабства, и мы были поэтому гораздо несчастнее, чем могли бы быть.

Мой отец, ведь, был, в конце концов, только наполовину турок и в минуты досуга гораздо больше, чем на половину француз. Мы были зеницей его ока, и он гордился нашими жалкими маленькими талантами. Нас воспитывали английские, французские, немецкие и итальянские гувернантки, и мы скоро выучились говорить на пяти европейских языках, кроме трех восточных наречий, необходимых культурным туркам. Мы, кроме того, учились музыке, пению, рисованию и вышиванию. Наша мать ничего не понимала в этом странном воспитании. Она говорила только по-турецки и нисколько не интересовалась Европой, но никогда не подавала голоса, чтобы спросить каких-нибудь разъяснений у своего господина (нашего отца). Она согласилась бы на все, что угодно. Она была турчанкой старого закала и между ею и нами образовалась пропасть, через которую никак нельзя было перебросить мостика.

В ужасные дни Абдул Гамида, в турецкой столице, конечно, не могло быть никакой общественной жизни. Эту жизнь заменяли отцу мы с сестрой. Когда к нему приезжали иностранные послы, мы с сестрой пели и играли им, скрытые за ширмой. Моя сестра, кстати сказать, была отличной музыкантшей. Принимая во внимание, что до приезда в Европу ей никогда не приходилось слышать других исполнителей, кроме себя самой, следует поздравить ее за ее совершенства.

Отец дал нам европейское воспитание, сам не понимая, что он делает. Но он поступал так прежде всего для собственного удовольствия. Ему никогда не приходило в голову, что, когда мы станем турецкими женщинами, мы никогда не сможем быть ими на самом деле. Мы разукрашивали рассказы нашего отца про его любимую Францию, создали себе собственную Францию, которая не могла существовать на самом деле, и завидовали не только европейцам из посольства, но даже европейцам—торговцам.

В те дни турецкие дамы не ходили в магазины—магазины приходили к ним. Предприимчивые французские модные дома посылали своих представительниц за заказами в гаремы и делали великолепные дела. Жены заказывали—паша платил по счетам. Весьма понятен ответ остроумного паша, когда его спросили, почему исчезает многоженство.

— Когда пять жен означали пять участков земли,—сказал он,—тогда многоженство еще имело смысл, но оно никуда не годится, когда жены заказывают себе платья в Париже.

Как я завидовала этим портникам, которые родились свободными и могли ходить куда угодно и не закрывать лица! Не думала я тогда, что настанет день, когда я сама буду портницей в Париже.

Но в те дни моей юности я серьезно занялась шитьем. Мне это запрещалось, а, следовательно, имело особый интерес для меня, и я с настоящей страстью увлекалась этим делом. Прежде всего я изучила анатомию по книгам, которые отыскала в библиотеке отца. Какое большое значение имеет для портницы знание анатомии! Главным образом меня увлекали древняя греческая и старинная черкесская одежда. Эта одежда так красива и так гигиенична. Я думаю, что черкешенки сложены лучше всех женщин в мире. А кто не слышал про их золотые волосы и темные глаза? Не удивительно, что наши правители выбирали себе жен среди этих красавиц!

Когда я овладела анатомией, я стала вырезать фигурки из картона и одевать их в платья из бумаги, пока, наконец, могла решиться резать ножницами очаровательные ткани моей родины. Тогда я стала одевать своих рабынь. Бедные малютки были в восторге! Во всем мире живет вечно — женственное... Потом они расхаживали по комнатам, и я могу вас уверить, что эти женщины—манекены моей юности—были гораздо красивее моих парижских манекенш.

Я чувствовала себя счастливой, увлекаясь своей работой. Но настал день, когда я себе сказала: ты только любительница, у тебя нет настоящего мастерства!

После этого, я стала искать возможности достигнуть в этом деле совершенства. И вот, как я добилась своего. За очень большое вознаграждение гречанка, приходившая в наш гарем продавать свои товары, устроила мне возможность поработать в мастерской портнихи. Я выходила из гарема, одетая в старенькое пальто и чадру одной из рабынь, переодевалась в доме гречанки в юбку, кофту и шляпу и шла в мастерскую. Там никто не догадывался, кто я, и я с восторгом работала. Но какова была бы моя судьба, если бы меня поймали? Ведь, это легко могло случиться!

Это увлечение заполняло пустоту моей жизни и я меньше тяготилась своим существованием. Правда, мы с сестрой должны были закрывать свои лица. До десяти лет мы жили, как европейские дети, — танцевали, ездили верхом и играли со своими сверстниками — европейскими мальчиками. Но когда мы одели чадру, — кончилась наша свобода. С этого несчастного дня нас навещали только мужчины — родственники, а ведь никто никогда не ценит общества родственников. Только турецкая женщина может понять, что испытывает девушка, когда ей надевают чадру. С этого дня жизнь точно облекается в траур. Между вами и жизнью встает преграда. А этого не должно быть!

Чадра погружала в траур наши души. Мы же были народом, который никогда не носил траура по своим умершим!

Потом началась трагедия. Мою сестру выдали замуж по обычаям Востока. Для мыслящей женщины невозможно было перенести оскорбительность такого положения. Турчанка в первый раз видела своего мужа, когда уже был подписан контракт, поставлена печать, и она была связана на всю жизнь. Он, мужчина, мог стать свободным, сказав одну только фразу: „я развожусь с тобой“. Жена должна была жить с ним, пока он этого хотел. Она была его собственностью, которую ему отдали, даже не спрашивая, желает ли она, и не находя нужным показать его ей.

Надо отдать моему шурина справедливость: он был прекрасный человек. Добрый муж и благородный характер. Он делал блестящую карьеру и со временем стал министром иностранных дел. Он был тогда секретарем моего отца, который очень к нему привязался и решил, что это идеальный муж для его горячо-любимой дочери. Но только потому, что сестра была жертвой этих безчеловечных обычаев, она возненавидела своего мужа и заставила и меня ненавидеть его. Бедный человек! Разве он был виноват? Вся система была неправильна и ее необходимо было изменить. Но кто бы это сделал? Мы решили, что мы возьмемся за это. Мы найдем пути, которые приведут к свободе турецкую женщину. И мы нашли!

Но это было не легко! Кто мог нас услышать? Кто стал бы печатать наши статьи, если бы мы хотели прибегнуть к такому средству? Кроме того, про это узнали бы, и мы понесли бы наказание. А разве это улучшило бы положение дел? Таким потерпевшим был наш же сосед, поэт. У Абдул Гамида были короткие разговоры с людьми, умеющими держать в руке перо. Среди ночи шпионы его величества налетели на дом поэта и старательно перерыли все его бумаги. Нашли только самую невинную поэзию. Но

и поэт, и вся его семья исчезли в эту ночь и долго никто не смел спрашивать, куда они девались. Нет, прибегать к помощи пера было невозможно. Мы должны были искать других путей.

Со времени замужества моей сестры мы поклялись сделать что-нибудь для освобождения турецкой женщины. Мы каждый день встречались, чтобы говорить про наши горести. Мы читали про женщин других стран, читали все, что попадалось нам под руку—хорошее, плохое и просто ненужное. Наша цель стала для нас религией. Мы устраивали обеды, конечно, только для женщин,—и обсуждали нашу судьбу. Но, все таки, мы не подвигались ни на шаг. Что могли мы сделать? Как раз в этот период наших стремлений Абдул Гамид запретил эти обеды и музыку, которая служила предлогом для наших собраний. На него было сделано очень серьезное покушение бельгийским анархистом. Как смели мы желать играть на рояли и петь, когда жизнь нашего „возлюбленного“ монарха была в опасности! Весь народ был погружен в нечто вроде социального траура, в виде благодарственной жертвы за его „чудесное спасение“.

Но мы с сестрой, все таки, продолжали работать для нашего дела. Мы говорили себе: как может цивилизованный мир помочь нашим страданиям, когда там не знают о том, как мы страдаем? Нам нужно было найти перо европейца, который понял бы нас, мог бы защищать и, главное, хотел бы это сделать. Судьба привела в то время к нашим берегам Пьера Лоти. Мы решили встретиться с ним и просить его о защите.

Правда, Пьер Лоти был всегда другом турок. Он любил нашу культуру и мог помочь нам. Мы почти наизусть знали его произведения. Мы знали, что он поэт в прозе, хотя основой его романов и была всегда действительная жизнь. Так было с романами „Азиаде“ и „Мадам Хризантем“, и мы понимали, что если бы он написал роман нашей

жизни, то это должно было бы быть его романом. Нам самим нужно было сделать для него этот роман. И вот роман, который потом превратился в „Разочарованных“, стал для нас центром нашей жизни. Начался он с того, что мы написали до востребования морскому офицеру Вио (Лоти) и устроили с ним свидание, которое совершенно правдиво описано в книге Лоти. Опасность этих встреч восхищала его. Он очень интересовался турецкими женщинами и длин-

ному французскому романисту, прося его сделать это доброе дело. Он заинтересован и приезжает в Константинополь. Но так как они мусульманки и не могут открыто с ним познакомиться, они устраивают самые необыкновенные встречи в уединенных местах. В то же время, они изливают ему в письмах всю свою душу. Потом Мелек умирает, Дженам убивает себя из любви к французскому романисту, который ни разу не видал ее без чадры. Остается

Знаменитый французский писатель Пьер Лоти у себя дома в „турецком уголке“.

ные письма, подписанные в романе именами Зейнеб, Мелек и Дженам, были написаны моей сестрой и мной. Французенка, которой мы доверяли, исправляла их для нас. Но письма—наши и это—наш дневник.

Роман „Разочарованные“ был переведен на все языки и его очень много читали, но, быть может, все таки, не мешает вспомнить его содержание. Три турчанки—Дженам, Мелек и Зейнеб, воспитанные европейскими гувернантками, тяготятся своей судьбой. Одна из них замужем за человеком, которого ненавидит. Чтобы культурный мир узнал про их горести, они пишут извест-

одна Зейнеб. Вот содержание романа. Почти история нашей жизни, написанная волшебным пером Пьера Лоти и вставленная в рамку из самых дивных картин нашей прекрасной родины, которые когда либо были переданы человеческим пером.

Но кто же была Дженам? Да, собственно, никто определенно. Иногда это была одна из наших двоюродных сестер, другой раз—другая. Нас всегда было три женщины с закрытыми лицами. Лоти в первый раз увидал наши лица, когда мы встретились потом в Париже.

Нас обвиняли в том, что мы обманывали Пьера Лоти. Но это неправда.

Ради этого романа Дженам должна была жить и умереть. Ради романа же Лоти должен был поверить, что она умерла от любви к нему. В землю был опущен гроб с воображаемой Дженам. В память ее Лоти воздвиг маленький алтарь у себя дома, в Рош-форе. Должны ли мы были убивать его иллюзии? И не прекраснее ли иная ложь самой жизни?

Наша книга должна была быть лучшим из всех когда-либо появившихся в печати романов. Я, Мелек, не побоялась умереть, чтобы дать возможность Лоти описать живописные турецкие похороны. Почему бы не умереть и Дженам? Ее трагический конец был необходим для романа, и Лоти не написал бы так, если бы он только „воображал“ ее смерть. Ведь, эта женщина излила ему всю свою душу, она умерла от любви к нему — и борьба турецкой женщины за свободу стала с тех пор священна для Лоти в память Дженам. А этого-то мы и хотели.

Каких только планов мы ни строили, чтобы наши свидания с ним были возможно романтичнее! Как мы старались, чтобы Лоти почувствовал всю грусть и пустоту нашей жизни! А какие письма мы писали! Напрасно Лоти говорит в предисловии, что героини никогда не существовали. Нас без труда узнали бы за легким покровом вымысла. Если мы хотели рискнуть, нам необходимо было потом бежать. Если бы мы остались, нас ждала бы гибель. Если же мы убежим, у нас, все таки, есть надежда благополучно добраться до Парижа. И мы решили бежать, не откладывая. Мы знали, что это значит, может быть, на век проститься с Турцией. Мы никогда не сможем вернуться, пока на троне Абдул Гамид, но настанет же день, когда его смерть или революция освободят нас от этого отвратительного, преступного сумасшедшего и дадут женщине свободу!

Мы говорили себе, что будем жить во Франции, с нашими французскими родственниками, и все будет хорошо. Но судьба пожелала другого. Нам нужно было пережить еще мно-

го трагических глав. Но этого нельзя было избежать. Так было написано. Кismet!

Нас часто потом упрекали, что мы не рассчитали цену, которой придется расплачиваться за наш побег. Но разве кто-нибудь рассчитывает перед лицом серьезной опасности? Нам казалось, что мы совершенно измучены этой бессмысленной гаремной жизнью и всегда мечтали о Франции. Мы воображали, что там все счастливы и свободны. Целью нашей жизни было работать для освобождения турецкой жейщины, а бегство наше будет публичным протестом. Увы! нам и в голову не могло прийти, что мы всего только со сковороды бросаемся в огонь!

Правда, у нас не было недостатка в смелости. Даже наши самые строгие критики не отказывают нам в этом. Турецкие женщины в те дни не путешествовали. За семьями крупных чиновников следили днем и ночью. За нами же особенно усердно следили из-за нашей французской крови.

Наши слуги — греки и армяне, — были подкуплены и не отходили от нас. И, все таки, мы дошли до такого отчаяния, что решили бежать из этой страны, чтобы стать свободными.

Прежде всего надо было, конечно, достать паспорта. Их мы купили у одной польки — нашей учительницы музыки. К счастью для нас, она и ее две дочери уезжали в Египет, иначе она не могла бы продать нам паспорта. Одна из дочерей должна была ехать с нами в Париж, мать же уехала с фальшивыми паспортами с другой дочерью в Египет. Конечно, мы заплатили за это огромные деньги. Можно себе представить, сколько драгоценностей пришлось нам продать, чтобы уплатить по этому счету! Но другого выхода не было — кто дал бы нам паспорта?

Моя сестра была замечательной артисткой и великолепно исполняла роль матери. Она изучила все движения старой польки, переняла ее ужимки, интонации ее голоса и ее нарисованные горелой пробкой мор-

щины и седые локоны были очаровательны. Я была ее дочерью и так как мне приходилось меньше разговаривать, я не так старательно, как она, изучала свою роль.

Все было готово к бегству. Прислугу мы разослали с разными поручениями. Снаружи у двери в гарем мы поставили пару туфель, чтобы хозяин гарема думал, что у нас посетительница. Этикет требовал, чтобы он не входил, если в гареме есть гостя. Мы должны были на сутки отправиться к нашим родственникам в деревню. Это давало

нам время перейти турецкую границу прежде, чем наше бегство будет замечено. Под взглядами полиции и тайной полиции мы храбро вышли из дома наших знакомых — поляков и сели на восточный экспресс. Какое счастье, что никто не мог слышать, как билась наша сердца!

Мы очень старательно обдумали весь план, но он едва не потерпел крушения. В этот самый день отцу вдруг пришло в голову поехать вслед за нами к нашим родственникам в деревню. Оказалось, что они и не ждали нас. Но мы, все-таки, успели переехать через границу и были уже в Белграде, когда наши следы были найдены. Султан телеграфировал,

чтобы нас арестовали, так как я была еще несовершеннолетняя, отец же поехал вслед за нами. Нас спасла только доброта наших сербских друзей, которые не желали, чтобы нас вернули на родину, где нас ждала неизбежная кара. В конце концов, мы добрались до Парижа—цели всех

наших мечтаний в течение стольких лет.

Но мы ждали слишком много и Франция нас разочаровала. Конечно, Франция наших мечтаний не могла существовать!

Наши французские родственники были холодно-вежливы

с нами, бедными мусульманскими беглянками. Но мы были в Европе и хотели в Европе остаться. За это было заплачено дорожной ценой. Позор убил нашу мать. За ней вскоре последовал отец. Главой семьи стал мой юный брат.

Бедный отец! Мы

не представляли себе, какой удар нанесем ему нашим бегством. Султан никогда уже больше не доверял ему. Но отец щедро снабжал нас деньгами до самой своей смерти. Он делал это, конечно, тайно, так как официально отрекся от нас.

Вскоре после смерти отца я вышла замуж за поляка и тут началась новая глава моей жизни. Мой муж был

Под взглядами полиции и тайной полиции мы, переодетые, вышли из дома знакомых поляков.

талантливым композитором и его произведения исполнялись лучшими оркестрами. Я очень любила своего мужа и после пережитых бурь на время вошла в тихую гавань. Скоро на свет появились четыре новые жизни и я возилась с своими детьми, как с куклами.

У моего мужа были хорошие средства и мы жили открыто. Мой муж много помогал музыкантам, артистам и писателям. Мы радовались, когда открывали талант и могли помочь его развитию. Те годы, которые так скоро промелькнули, могли бы быть рассказаны, как повесть о выдающихся мужчинах и женщинах, которые были нашими друзьями.

Но счастье никогда не бывает долгим. Началась Великая война и сразу встала над нашей семьей черной тучей. Моя сестра, которая была мне верной подругой во всю мою жизнь, была выслана в Турцию. Я и моя турецкая семья были теперь врагами. Я должна была мечтать о поражении своей родины и близких мне лю-

дей. Нас с мужем война совершенно разорила.

Тут уж я больше не раздумывала. Я сразу же решила стать портнихой.

Теперь я портниха и очень довольна своей судьбой. Хотела ли бы я вернуться в Турцию? Сделала ли бы теперь то, что сделала когда-то? Вот вопросы, которые мне постоянно задают любопытные клиентки! Я улыбаюсь и отвечаю:

— Если в книге судеб написано, что бы я сделала это еще раз, я это сделаю. Я фаталистка!

Мои заказчицы, важные дамы, шепчутся о моих „лучших днях“. Но мне кажется, что они употребляют не то выражение. Это были „другие дни“, но я не знаю, были ли они лучше! Когда я слышу несколько слов по-турецки, произнесенных моими соотечественниками, передо мной встает вся моя юность, дворцы и берега Босфора, роскошь нашей жизни; наши драгоценности, незабываемые закаты солнца, и я спрашиваю себя, не была ли то какая-нибудь отдаленная родственница, которая вела эту странную жизнь. Иногда невольно польются из глаз слезы. Но я говорю себе тогда:

— Что мне до всего этого, если я выращу честных граждан?

Теперь, когда подводишь итоги, видишь, что наше бегство из Турции было необходимо. Ведь мы, с помощью Пьера

Лоти, все таки нанесли удар, который произвел впечатление во всем культурном мире. Теперь, когда турецкая женщина свободна и страшные дни Абдул Гамида вспоминаются, как, ужасный кошмар, наш шаг кажется слишком незначительным. Но мы дорого заплатили за него, и, все таки, были пионерами!

Необдуманый

Рассказ Н. САБАШНИКОВОЙ.

поступок

„Не убийство, а самоубийство. Я отравился добровольно, в здравом уме и твердой памяти. Кирилл Рогожин“.

Кирилл бросил перо и приколол записку на самом видном месте.

Давно пора! Он откинулся на спинку кресла. Мысль покончить с собой явилась к нему как неизбежный, единственный выход. Скучно жить. Просто скучно. Он нашел бы в себе силы перенести большое горе, какое-нибудь страшное потрясение... но эта мелкая, серенькая, будничная повседневность и никчемность жизни давили его, как кошмар. Разочарование? Он пожал плечами. Глупое, напыщенное слово! Он утратил примитивную, животную радость бытия. А утративший ее должен уйти... Фу, опять фразы! Он брезгливо поморщился.

— К чертям!

Кирилл нащупал в кармане пузырек с ядом. Почему то ему вспомнилась неприятная встреча в аптеке. Стоя у прилавка и протягивая провизору рецепт с искусно подделанной подписью известного врача, он вдруг поймал на себе чей-то пристальный взгляд. Он обернулся. У дверей стоял высокий мужчина в черном пальто. Было в его облике что-то... мефистофельское! Маленькая бородка клином... или шляпа с полями, надвинутая на самые глаза?.. нет, даже не это—что-то неуловимое и не поддающееся учету.

Рука Кирилла, принимавшая пузырек, слегка дрогнула. И, проходя мимо неподвижной фигуры незнакомца, он готов был пору-

читься, что тот знает, зачем ему нужно лекарство...

Чепуха! Вдобавок ко всему, он, кажется, становится мистиком! Нужно кончать!

Легкий трепет пробежал по его телу. Его охватил страх перед физическим страданием. Должно быть это будет ужасно. Впрочем, ведь всего несколько секунд... Несколько секунд потерпеть можно. За то потом—блаженная нирвана. Скорее! Он сунул руку в карман.

Глухой шум, донесшийся из нижнего этажа, привлек его внимание. Упало что-то тяжелое. Потом раздался крик. И еще... странные, необычные звуки!..

Он вдохнул воздух. Вот так штука!.. он не курил, а между тем... Кирилл обернулся. В дверную щель медленными, белыми, курчавыми струйками пробивался дым. Он подбежал к двери и распахнул ее. Клубы дыма ворвались в комнату. Лестница была, как в тумане.

Пожар!—странные звуки—это был треск пламени, вот и все!

Кирилл захлопнул дверь и бросился к окну. Однако, здорово! Если бы не спущенная занавеска, он давно бы заметил этот багровый свет! Языки пламени вырывались из окон нижних этажей. На углу переулка уже собралась толпа зевак. Кучи рухляди валялись на тротуаре. Метались полураздетые люди. Открыв окно, он услышал и крики. Вот выпрыгнул из своего окна секретарь домкома. Подает руку жене... Оба в нижнем белье. Визжат ребятишки—это из второго номера, там их целая куча.

Что-же, прыгнуть и ему?.. Он смерил глазами расстояние. Невозможно! Слишком высоко. Что же делать? Дом старый и деревянный и горит, как пучок хвороста. Лестница в огне... трах! вот она уж и обвалилась, должно быть... Он опять бросился к двери. Неужели ему заживо сгореть в этой мышеловке, по милости какой-то глупой бабы, опрокинувшей примус? (Почему с самого детства он так ненавидел примусы!).

Он открыл дверь и чуть не задохнулся от дыма. Да, вместо лестницы вниз—зияющий провал и море огня. Но и оставаться в комнате невозможно: он задохнется от дыма! Что-нибудь нужно предпринять—сейчас, сию же минуту! Лестница на чердак еще цела, огонь только лижет ее перила.

Кирилл бросился по ней. Он пробираясь ощупью, дым ел глаза. Вот дверь... он выругался. Заперта! Дурацкий замок, который повесили от воров бережливые хозяйки. В продолжение нескольких минут Кирилл стоял, зажмурив глаза и шаркая руками по двери. Нечем было дышать, жар становился невыносимым. Всем телом он навалился на дверь. И замок, купленный на Смоленском за рубль двадцать пять копеек, (ведь Марья Петровна говорила, что нужно было купить двухрублевый!) не выдержал и сломался. Кирилл упал от силы толчка. Дым опередил его и первым ворвался на чердак. Кирилл встал на ноги. В полутьме—аккуратно развешанное на веревках влажное белье... Единственный выход на крышу—маленькое слуховое окно. С другой стороны, из какой то щели, к нему подбирается огонь, бросая кровавые блики на белые полотнища. Кто опередит? Кирилл завернулся в мокрую простыню и обмотал голову чьей то батистовой рубашкой. Потом, спотыкаясь на каждом шагу о пыльные балки, пошел к окну.

Чорт! Рама заделана наглухо! Он разбил стекло, порезав себе

руки. Отверстие слишком мало... Сидя на корточках и стучаясь головой о крышу, он принялся трясти раму. Он задыхался от пыли, липкая паутина щекотала лицо. Однако, как быстро загорается эта рухлядь! Какие то ящики, корзины... Простыня, покрывавшая его, задымилась. Он бросил ее в огонь и, стиснув зубы, изо всей силы потряс раму. Ему удалось сломать две палки от переплета окна. Теперь, пожалуй, он сможет пролезть. Он стал на четвереньки и, обрезав себе колено о разбитое стекло, выполз на крышу.

Он лежал почти без сознания, с наслаждением вдыхая в себя свежий ночной воздух. Потом встал на ноги и огляделся. Повидимому, самое глупое, что он мог сделать, это забраться сюда—на крышу. Лестницы нет, прыгать высоко. Скользя по крутому скату он подошел к карнизу и заглянул во двор. Очевидно, пожар начался, именно, с этой стороны дома: вся стена была объята пламенем. Сквозь клубы дыма он видел спующих по двору людей.

Может быть со стороны переулка будет лучше... К тому же там есть балконы... Кирилл перелез туда. Огонь только начинал перебираться в эту часть здания: даже стекла некоторых окон были еще целы. Может быть удастся что-нибудь придумать... он лег на край крыши и перевесился, заглядывая вниз. Под ним—балкончики, в третьем и во втором этаже. Может быть спуститься туда по водосточной трубе? В детстве он недурно лазил по деревьям...

Фу, как обидно, что он не акробат и не кинематографический герой!.. И еще обиднее, что он не захватил веревки с чердака. Теперь уже поздно... Однако... неожиданная мысль пришла ему в голову. Может быть пригодятся эти лепные украшения над балконом под крышей... аляповатые фигуры греческих юношей и дев, так возмущавшие всегда его эстетическое чувство... Голова, плечи, сложенные

руки, складки одежды... как будто нарочно сделанная примитивная лесенка. В конце концов, бесвкусица архитектора на что-нибудь пригодилась...

Внизу раздался грохот. Кирилл выпрямился. Несомненно, это обвалился пол в нижнем этаже. Пожар идет снизу—значит очередь за чердаком. Нельзя медлить ни минуты. Кирилл окинул взглядом крыши соседних домов, с кровавыми бликами на них, потом посмотрел вниз, в черное ущелье переулка. Где-то вдалеке раздался рев сирены. Едут пожарные—тем лучше!

Ветер пахнул на него дымом, валившим из слухового окна. Кирилл дотронулся рукой до крыши,—железо было теплое. Нужно решаться. Он перекинул ногу через карниз. Жалобное повизгивание раздалось за ним. Что-то холодное ткнулось ему в руку. Он вздрогнул и обернулся. Маленький белый щенок, растопырив толстые лапки, подползал к самому краю. Кирилл сразу узнал его. Безымянный, „ничей“ щенок, путешествовавший по всем кухням дома и постоянно гадивший на лестнице перед его дверью... Сколько раз Кирилл ворчал на халатность домоуправления и клялся утопить этого нарушителя общественного порядка и гигиены! Как попал сюда этот идиот? Было что-то донельзя комичное и жалкое в этой маленькой пушистой собаченке, несомненно принадлежавшей к породе „кабыздох“.

Кирилл усмехнулся.

— Ну, уж иди.. Дурак!.. — и, схватив щенка, сунул его за пазуху. Потом, крепко ухватившись обеими руками за водосточный желоб, он решительно опустил ногу на плечо барельефа. Ему вдруг стало весело. Щенок смиренно сидел у него на груди. В конце концов, спускаться было не так уже трудно, еслибы не изрезанные о стекло пальцы и не штукатурка, сыпавшаяся ему в глаза. Только не смотреть на мостовую...

Маленький белый щенок, растопырив толстые лапки, подползал к самому краю.

— Вашу руку, Геркулес! А теперь позвольте обнять ваши ноги...

Перила балкона уже недалеко. Не удержавшись, Кирилл взглянул вниз, в переулок. На противоположном тротуаре стояла кучка народа и все смотрели на него. Ему бросилась в глаза высокая фигура мужчины в черном пальто. Он, он, Мефистофель из аптеки! Кирилл ахнул от неожиданности и, выпустив из рук ступню Геркулеса, упал на балкон. Он ушиб себе бок о перила, но, в конце концов, может быть это вышло даже лучше: сам он вряд ли отважился бы на подобный прыжок. Он еще раз посмотрел вниз. Да, несомненно, это был Мефистофель. Он стоял, заложив руки в карманы хорошо сшитого пальто и, спокойно покуривая, смотрел на горящий дом.

Кирилл услышал рев пожарной сирены со стороны двора. Они подъехали с той стороны—весьма печально для него! Несколько человек внизу крикнули ему, что они приведут сюда пожарных с лестницей и побежали вдоль переулка. Повидимому, через ворота прохода не было. Кирилл знал, что им придется обогнуть весь квартал, к тому же идиоты выбрали самую даль-

нюю дорогу. Он разбил стекло у балконной двери и заглянул в комнату. Пол был еще цел, комната почти не тронута огнем. Он влез внутрь и быстро огляделся. Потом сорвал занавеску с окна и разодрал ее вдоль. Затушив тлеющий конец ее, он снова вернулся на балкон. Связав оба полотнища и сделав на них несколько узлов, он прикрепил один конец к перилам, а другой перекинул вниз. Почти хватило до следующего балкона. Он стал спускаться. Внизу раздалась апплодисменты. Раскачиваясь в воздухе, он увидел промелькнувшие перед ним перила нижнего балкона, потом мостовую внизу и—опять неподвижную фигуру Мефистофеля...

Вот это называется влопаться!.. Очутившись на нижнем балконе, он чуть не задохся от жара и дыма. Комната внутри представляла сплошное море огня. Языки пламени вырывались наружу. Балкон деревянный, как и весь дом. Нужно было немедленно убираться. Кирилл взглянул вниз на мостовую. Прыгать? Перелом руки или ноги гарантирован.

— Эй, вы!—крикнул он,—подстелите чего-нибудь мякенького!

В конце концов это были расторопные ребята. Они быстро навалили под балконом кучу вытащенных из дома подушек и узлов. Потом четверо дюжих молодцов взяли за углы большой плед и крикнули:

— Прыгайте, живо!

Кирилл потушил, обжигая пальцы, затлевшуюся одежду и перекинул ногу через перила. Потом, показав кончик языка Мефистофелю, достал из-за пазухи щенка и бросил его на плед. Негодующие крики раздалась снизу.

— Да прыгайте же, чорт вас возьми!..—следовал поток звучной ругани.

Мимо балкона пролетел большой кусок горячей крыши и с грохотом шлепнулся на тротуар. По перилам бежали золотые языки пламени. Кирилл перелез наружу, с секунду

держался за решетку на одних руках, потом разжал пальцы. Плед разорвался от толчка. Узлы и подушки ослабили удар.

Слегка оглушенный, Кирилл с трудом приподнялся и сел. Его сейчас же схватили под руки и, оттащив на противоположный тротуар, посадили на тумбу.

— Ну, что, все цело?—заботливо спросил кто-то.

— Благодарю вас...кажется—все...

Он ощупывал себя с боязливым удивлением. Да, как это ни странно, он цел. В эту минуту из-за угла показались пожарные с лестницей. Еще раньше, чем они поравнялись с домом, обрушился балкон, на котором только что стоял Кирилл.

— Однако, я убрался во-время!

Внимание толпы было отвлечено.

Пожарные пустили в ход кишку и стали ломать стену, чтобы обезопасить соседние дома.

Кирилл, забытый всеми, сидел на своей тумбе и молча смотрел на пожар. В канавке около тротуара испуганно повизгивал белый щенок. Крыша уже обвалилась. Гигантский огненный сноп поднимался над домом. И, по сравнению с этими яркими золотыми искрами, такими синими и холодными казались звезды на безлунном небе. Не смотря на усталость и на боль от ожогов, Кирилл почувствовал какой-то странный прилив энергии и проговорил с невольным восхищением.

— Здорово!

— Красивое зрелище, не правда ли?—раздался за его спиной приятный низкий голос. Он обернулся. Мефистофель внимательно смотрел на него из-под широкополой шляпы, аккуратно стряхивая пепел с папирсы.

— Да, красиво,—согласился Кирилл.—Скажите, ведь никто не пострадал?

— Нет. Вы вышли из дома последним. Большинству удалось даже вытащить кое-какие вещи. Разумеется, ваше имущество сгорело все?

— *Omnia mea mesum porto*,— как то по-мальчишески хвастливо проговорил Кирилл эту фразу, заученную еще на гимназической скамье,—я даже не успел захватить кошелек.

Он встал и провел рукой по опаленным волосам.

— Воображаю, на что я похож!— пробормотал он.

— Д-да!— неопределенно протянул Мефистофель. Но нужно вам отдать справедливость, вы спаслись только благодаря вашей исключительной энергии и ловкости.

Кирилл сунул в карман свои почерневшие, израненные пальцы, желая достать платок, и неожиданно наткнулся...

— Забавнее всего то,— задумчиво проговорил он, держа на вытянутой ладони маленький стеклянный пузырек,— забавнее всего, что за минуту перед тем, как я заметил пожар, я хотел отравиться...

— В таком случае, вы поступили нелогично,— спокойно заметил Мефистофель.— Чем метаться по чердаку и по крыше и совершать кинематографическое сальто-мортале с балкона, проще было бы выпить яд. Спокойно и без хлопот.

— Согласен, что я поступил нелогично... не подумав,— с некоторым замешательством подтвердил Кирилл.— Я как то забыл об этом, когда увидел огонь... Мне кажется, это чисто физиологическое явление... Инстинкт. Человек с молоком матери всасывает стремление бежать при слове: „пожар!“.

— Может быть вы и правы,— протянул Мефистофель.— Во всяком случае,—он быстро взглянул на Кирилла, шевельнув острой бородкой,—сейчас еще не поздно. Вы всегда можете исправить свою ошибку, ваш необдуманный поступок.

— Это верно,— Кирилл задумчиво катал пузырек на ладони. Он окинул взглядом свои израненные руки, одежду, превращенную в лохмотья. В кармане его не было ни гроша. Потом он поднял глаза на горящий дом и вспомнил чувство, с ко-

Кирилл стал спускаться...

торым он смотрел на город оттуда, сверху. Он вдруг расхохотался.

— К чертям! — Осколки стекла жалобно звякнули о камень.

Мефистофель положил ему руку на плечо.

— Вы мне ужасно нравитесь, — сказал он дружелюбно. Он бросил докуренную папиросу, взял новую и чиркнул зажигалкой. При свете вспыхнувшего огонька Кирилл с удивлением неожиданно обнаружил, что у Мефистофеля голубые и очень хорошие глаза.

— Не вас ли я встретил в аптеке сегодня вечером?

Кирилл кивнул головой.

— Вы покупали этот самый яд? Мне запомнилась эта этикетка.

— Да.

Мефистофель помолчал с минуту, потом сказал:

— Знаете что, молодой человек... Мне кажется вам решительно нечего делать на этой тумбе. Дом прекрасно догорит и без вас. Уже больше по-

луночи. Отправляйтесь ко мне на квартиру. В моей комнате найдется свободный диван. А там мы посмотрим, что можно будет предпринять дальше. Идет?

Кирилл колебался с минуту.

— Я вам очень признателен.

— Ну, и прекрасно. — Мефистофель взял его под руку. — Это недалеко.

Кирилл бросил последний взгляд на пылающие стены, потом на маленькую лужицу среди осколков стекла на мостовой. Они зашагали вдоль переулка.

Вдруг Кирилл замедлил шаги и остановился.

— Ну, в чем дело? — спросил Мефистофель, выпуская его руку.

— Я думал... может быть мы возьмем с собой и щенка?..

Мефистофель нагнулся и, подняв с земли маленький визжащий комочек, деловито сунул его в карман пальто.

Мефистофель внимательно смотрел на него из-под широкополой шляпы.

Решение задачи № 10.

Число 27.879 равно 3×9.293 ; число 9.293 делится лишь на 1 и на 9.293. Выигрыш во всех случаях должен быть кратным начальной ставке так как, при любом сочетании знаков + и —

$$\pm x \pm x^2 \pm x^3 \pm x^4 \dots \pm x^9 = x$$
$$(\pm 1 \pm x \dots \pm x^8)$$

Очевидно — начальная ставка не могла быть в 9.293 \$; значит — она была равна 3 \$.

Отсюда уже не трудно определить, что выиграли:

Маршалл — 1-ую, 2-ую, 4-ую и 6-ую партии.
Рети — остальные.

Правильно решили: К. К. Безин, Е. Ларин, Г. К. Николаев, Б. В. Камышов, Е. Гурвин, П. Иванов, А. Костюк, Н. Залит, П. Вишнев, П. Захаров, Е. Файфман, В. М. Руденко, Е. Кочеров, А. К. Пономарева, И. Светлов.

ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ

Откровения науки и чуда техники.

ТАЙНА ФАРАОНА.

Когда мы берем в руки какую-нибудь старинную вещь, насчитывающую сотни две лет, мы невольно проникаемся к ней своего рода уважением: ведь эту вещь видели глаза тех, кто жил в эпоху Петра, когда не было еще Петербурга. Что же сказать о вещах, составлявших обиходную утварь человека, жившего за несколько тысячелетий?

Мы глядим на них—и время точно останавливается. Мы видим руку, носившую этот браслет, и рот, пивший из этой чаши...

Никакие описания, никакие рассказы не дадут нам лучшего представления об аромате и подлинной ценности давно исчезнувшей жизни, чем эти мелкие вещицы домашнего обихода... Они восстанавливают быт, они громко рассказывают о былой культуре.

Вот почему для всех, интересующихся историей человеческой цивилизации, было таким праздником открытие английскими археологами Картером и Карнарвоном тщательно скрытой гробницы Тутанхамона, одного из древнейших фараонов Египта.

Поиски этой таинственной могилы, расположенной в пустыне около г. Фив, заняли несколько лет и стоили жизни руководителю работ лорду Карнарвону, умершему, как предполагают, от укуса ядовитого комара.

Весь научный мир с огромным вниманием следил за работами английской экспедиции, ожидая расширить наши познания о культуре древнего Египта по тем вещам домашнего обихода и рукописям, которые клались в могилу Египетских властелинов.

Время щадило и щадит эти древние гробницы, но не пощадили их разные грабители всех времен и народов, побывавших с того времени в долине благодатного Нила...

Ко всеобщей радости, могила Тутанхамона была так хорошо замаскирована, что грабители не могли ее отыскать и все ее богатейшее содержание дошло до нас в полной сохранности.

Таинственная замурованная дверь была найдена и за ней оказался ряд комнат, высеченных в цельной скале, битком набитых всевозможной домашней утварью покойного фараона, которая, по поверью египтян, должна была сопровождать своего хозяина в его загробной жизни. Руководители экспедиции не могли найти слов для выражения своего изумления—так разнообразно и ценно было содержимое вновь открытой могилы. Мебель, колесницы, посуда, военные доспехи, запасы пищи (зерна пшеницы, оказалось, прекрасно взошли после долгих лет сна), хорошо сохранившиеся одежды, монеты, различные драгоценности—целый музей, ожидавший своего открытия многие десятки столетий...

Но главная историческая и художественная ценность заключается в самой гробнице Тутанхамона, занимавшей один из самых отдаленных покоев. Экспедиции пришлось потратить немало труда, чтобы извлечь его драгоценное содержимое. Сперва показался огромный разрисованный деревянный ящик—гроб, затем внутри его другой и еще меньший—третий. Внутри этого третьего гроба был

заклучен тяжелый каменный саркофаг, высеченный из двух кусков желтого кварцита со скульптурным изображением покойного фараона. Когда с величайшими трудностями крышка саркофага была поднята, там нашли еще один гроб из драгоценного дерева, покрытый золотыми инкрустациями и цветными стеклами. (См. нижний рисунок). Но еще не в нем лежало тело покойного. Внутри этого гроба был еще третий, (наш верхний рисунок), сделанный в форме мумии, весь из чистого золота, весом в несколько сот килограмм, изукрашенный чеканкой и лапис-лазурью, и, наконец, в этой бесценной оболочке была найдена запеленутая, набальзамированная мумия фараона, в двойной золотой короне, вся покрытая единственными в мире драгоценностями... Около мумии лежали золотые пластинки с поразительной красоты изображениями, щит, опахало, два роскошных золотых меча, пояс с кинжалом и ряд других ценнейших предметов.

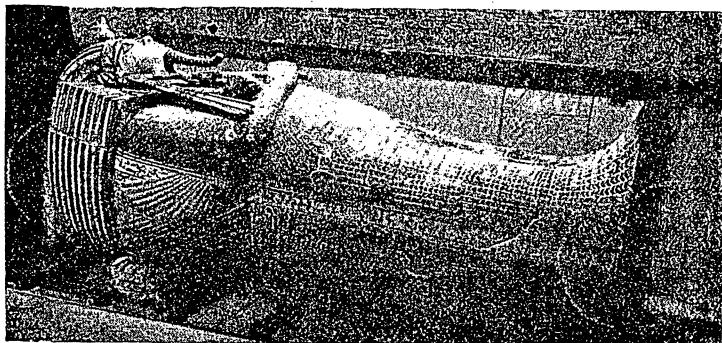
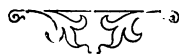
Стоимость этих сокровищ даже по „рыночным“ ценам—колоссальна, — а их историческая и художественная ценность не поддается пока никакому учету.

Сама мумия была вскрыта и исследована с величайшими предосторожностями, при чем с нея были сделаны рентгеновские снимки. И что же оказалось? Могучий властелин Верхнего и Нижнего Египта был не достигшим зрелости юношей, умершим от туберкулеза... О тяжком недуге покойного фараона свидетельствует так же и найденная в гробу деревянная статуетка и портрет художественной работы.

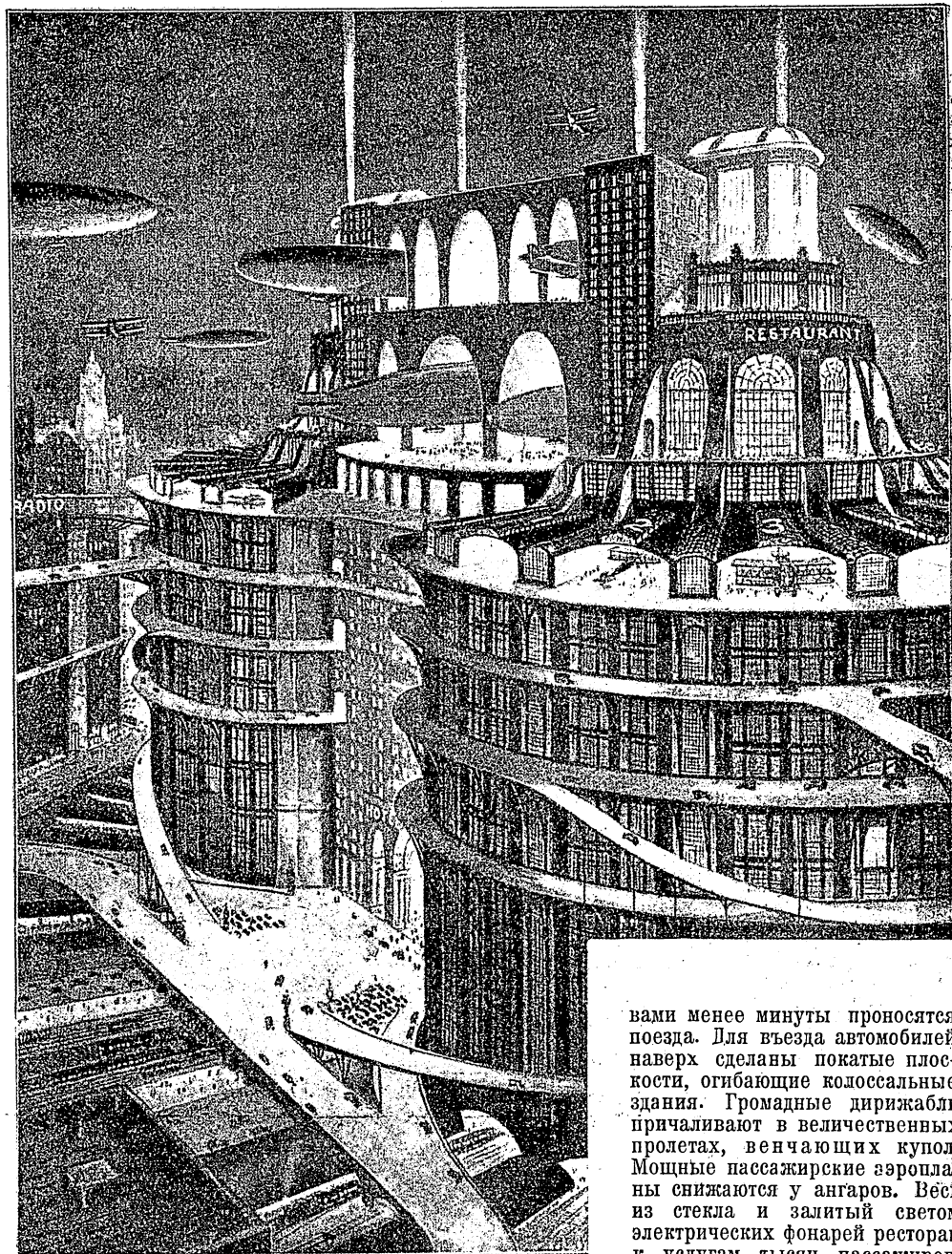
Однако самой драгоценной в могиле Тутанхамона находкой, без сомнения, надо считать древнейшую „Книгу Мертвых“, написанную на папирусе, с сотнями изображений

богов Египта и загробных странствований фараона, нарисованных лучшими художниками той эпохи.

В. Д. Никольский.

Городские станции с отелями и ресторанами в недалеком будущем

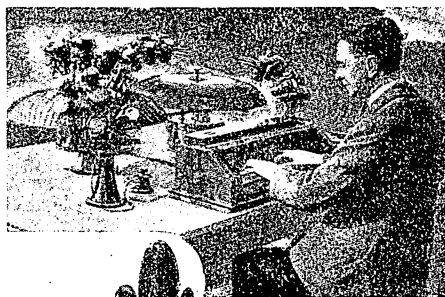
Так американские технические журналы рисуют будущие городские станции. Вид — необычайный, фантастический? Но разберемся, есть ли здесь чтонибудь невозможное и фантастическое? Внизу — многочисленные железнодорожные пути, где с переры-

вами менее минуты проносятся поезда. Для въезда автомобилей вверх сделаны покатые плоскости, огибающие колоссальные здания. Громадные дирижабли причаливают в величественных пролетах, венчающих купол. Мощные пассажирские аэропланы снижаются у ангаров. Всё из стекла и залитый светом электрических фонарей ресторан к услугам тысяч пассажиров, скопляющихся на этой грандиозной городской станции. Все здесь возможно. Вопрос только: когда, в каком году это будет. Об этом, конечно, можно спорить.

Световая музыка

О сочетании в одном инструменте света и музыки мы уже рассказывали нашим читателям в № 6 „Мира Приключений“ за 1925 год. Над этой заманчивой идеей работают теперь многие изобретатели и в том числе нашумевший в прошлом году своими „лучами смерти“ английский физик Гриндель Мэтьюс. Этот новый аппарат, названный им „люминофоном“, первоначальное устройство которого видно на рисунке, основан на свойстве светового луча изменять электрическое сопротивление одного вещества—селена. Аппарат состоит из небольшой клавиатуры и двух быстро вращающихся дисков с многочисленными отверстиями. Над этими дисками установлено несколько рядов небольших ламп, свет коих падает сквозь мелькающие прорезы дисков на особый электрический селеновый элемент. Через этот элемент пропускают электрический ток, который идет затем в лампы—усилители (как и у радио) и превращается громкоговорителями в звуки и тона.

Другой рисунок дает представление о том, как будет выглядеть большой люминофон концертного типа. изобре-

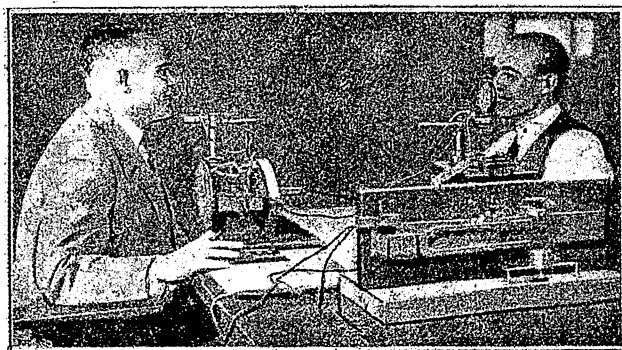

татель надеется своим инструментом заменить дорогие и сложные органные устройства, требующие подчас нескольких сот отдельных труб.

Что такое сон?

Сущность сна—этого странного состояния нашего тела, когда оно как-бы замирает и начинает жить какой-то новой, непонятной нам жизнью, когда перед нашим сознанием начинают выплывать сбивчивые, неясные, порождаемые сном образы—всегда привлекала к себе внимание ученых исследователей.

Такие наблюдения производятся в одном американском институте, где при помощи очень сильных аппаратов (один из них изображен на левом рисунке) измеряется и автоматически записывается малейшее движение, вздох и удар пульса спящего человека после той или иной работы. Испытательная

Перед светом науки исчезают одна за другой тени таинственности, окутывавшие это состояние нашего организма. Не догадки, а факты, не сказки, а точное наблюдение— вот что надо науке, чтобы разгадать неясное, что еще осталось в этой области.

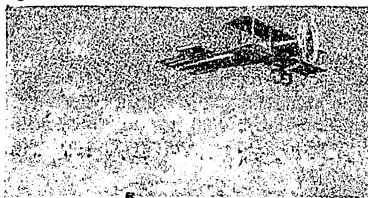
„сонная“ лаборатория изображена на рисунке справа. Может быть читатели вспомнят фантастический рассказ „Машина сневидений“ в № 3 „Мира Приключений“ за 1925 г.

Победа над туманом

Туман—это злейший враг воздушных сообщений. Он коварно окутывает своими волнистыми покровами поверхность земли, скры-

гоняется через эту сетку, отчего туман падает на землю росой. По сделанным расчетам, такая „тумано - разгонная машина“ способна несколько минут очистить целое поле.

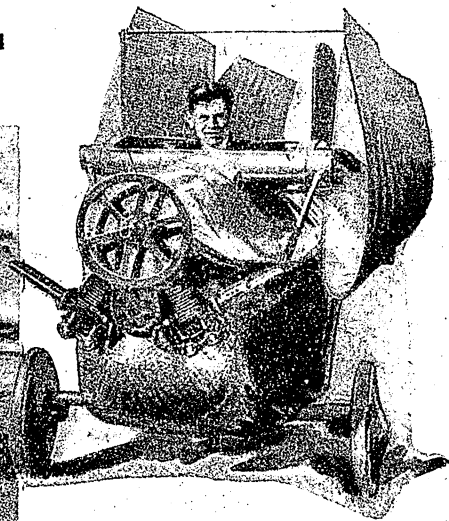
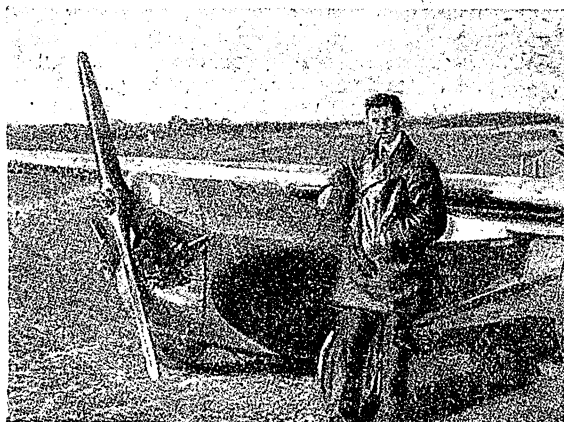
Но туман — только один из элементов погоды. Телеграф принес известие, что знаменитый французский ученый, б. министр Пенлеве открыл способ регулировать погоду вообще. Подробности пока неизвестны.

вает от глаз летчика возможные препятствия при посадке и путает при выборе направления... Для борьбы с этим врагом авиации в Америке решили применить интереснейшее приспособление, основанное на способности тумана сгущаться в капельки при соприкосновении с сильно наэлектризованной проволокой. Аппарат состоит из грузовика, на котором установлена динамо машина и другие электрические машины, заряжающие сеть проводов, на особой раме. Сильным воздушным винтом воздух с туманом про-

Аутоплан

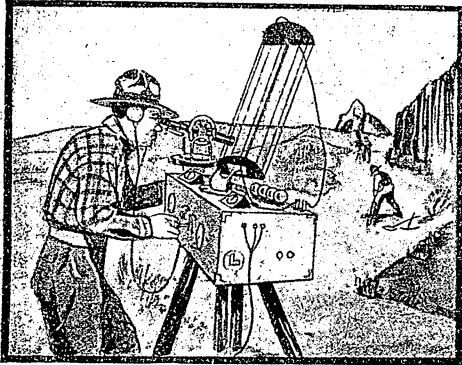

Это одна из последних заграничных воздухоплавательных новинок: аэроплан превращается по желанию в автомобиль и обратно. Построен он германским изобретателем Майкемпером. Небольшой одноместный аэроплан с мотором малой мощности в несколько минут может быть превращен в

автомобиль: для этого надо только снять крылья, привесить их сбоку корпуса и переключить мотор на привод к передним колесам. Аппарат этот весит не больше 300 кило и может развить в воздухе скорость до 150 километров в час.

Радио-золотоискатель

Скорое и удачное отыскивание рудоносных залежей составляет одну из серьезнейших задач современной техники горного дела. Раньше это делалось по внешним признакам почвы, строению верхних пластов земной коры, по образцам, добытым из пробных шахт и буровых скважин. При этом нередко приходилось закладывать такие шахты, которые ничего не давали, но стоили немалых денег.

Поэтому уже неоднократно делались попытки создать прибор, который позволил-бы обнаруживать залежи различных руд, не прибегая к дорого стоящим земляным работам. Одной из первых попыток такого рода был аппарат Роланда Итвеса,—особого вида чувствительные весы, отклонявшиеся от своего среднего положения, когда на одно из их плеч начинало влиять притяжение тяжелых рудоносных пластов. Лучшее действовал аппарат Юза, где присутствие руды на близком расстоянии обнаруживалось звуком особо устроенного телефона.

С расцветом радио-техники перед радиоискателями открылись новые, чрезвычайно заманчивые возможности.

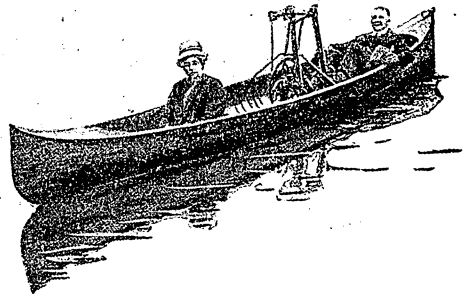
Дело в том, что радиоволны отражаются тяжелыми рудами, содержащими в себе металлы, вроде того, как зеркало отражает луч света. На этом свойстве радио-волн и построен прибор, изображенный на рисунке. Для применения этого нового способа нужно два таких аппарата. Один из них производит и посылает радио-волны при помощи особой антенны по одному определенному направлению. Другой прибор служит для улавливания этих волн. Оба аппарата устанавливаются по краям исследуемого участка, затем на него направляют радио-лучи и отмечают—от какого места радио-волны будут лучше всего отражаться. В этом месте тогда и начинают рыть пробный колодезь, уже уверенные найти там рудоносную залежь.

Новый водяной спорт в Америке.

Трудно в жаркий летний день усидеть спокойно на берегу. Но плавание, лодка, моторный катер уже не удовлетворяют изощренных техникой американцев. Хочется чего-то нового, где мускульная энергия спортсмена нашла-бы себе лучшее использование. Вот, например, фотография нового водяного велосипеда, пользующегося большим успехом среди американских спортсменов. Обычный велосипед установлен на стальной раме с поплавками и приводит в движение подводный винт, позволяя двигаться со ско-

ростью 10—15 верст в час. Для пожилых любителей водного спорта очень удобна лодка, изображенная на другом рисунке: человек, едущий на ней, полулежит и нажимает педали, связанные особым приводом с небольшим винтом у кормы.

ПЕРЕПЛЕТЕННЫЕ СЛОВА

Отдел под редакцией В. П. Мелентьева.

Решение задачи № 4.

Т	И	Б	Е	Т	Л	К
	Н		О	С	А	К
П	О	Р	О	Г	Й	Б
	К		А	Б	А	
Б	И	З	Э	Б	А	Я
И	А		А		Л	
Д	Т		Н	А	Л	И
О	Л	О	В	О		К
Н	Н		Д	О	Ф	И

Правильно решили:

Задачу № 1: (цифры—указанное число).
Левашова 350, Арутюнова 50, Зайцев—, Калантаров 40, Мрочкевич 140, Панаев 10, Петросян 45, Мелик-Абрамянц 34, Кудрявцев 12, Шрейтерфельд 30, Екатеринин 230, Верчилова 500, Крылов—, Николаев—, Бензин 51.

Задачи № № 1 и 2:

Эйдельмант 199—148, Плахотин—, Слободский 130—130, Кончик 29—29, Майборода 39—39, Камышов 22 42, Божко-Степаненко 57—57, Гончарук—, Карро 78—78, Советов—, Фридрих 195—195, Братолобов—, Салов 50—50, Мацкевич 15—30, Попов—, Глинка 44—52, Ананьин 47—47, Кукаркин 150—150, Мосолов—, Головченко 50—50, Белянин—, Порецкий 50—70, Щенков—, Корнев 20—20, Зубков 85—125, Княшко 120—120, Быстров—, Соловьевич—, Еремеев 140—140, Правдин 120—120, Мельников—, Рудухин—, Культе—, Сочеванов 200—200, Афтандиян 85—85.

Задачу № 2:

Раскин 30, Петров 17, Хецеров 65, Лучинин 12,000 (!), Левашова 350, Безин 51, Ерзинкян 15, Арутюнова 50, Подлузский 55, Петров 135, Зайцев—, Абрамян 20, Парневич—, Бойко-Годзевич 50, Н. Артемьев 20, Д. Артемьев 50, Мрочкевич 140, Пономарева—, Петросян 45, Рогожкина—, Пушнова—, Мелик—Абрамянц 34, Бондаренко—, Кудрявцев 12, Дубинский 25, Жеребцов 114, Шрейтерфельд 30, Екатеринин 230, Филиппов 15, Смыслов—, Голубев—, Николаев—, Панаев—.

Задачу № 1 решили 50 человек.

„ № 2 „ 68 „

Ввиду наличия абсолютно угадавших будет выдано не 3, а 4 премии: Арутюновой, Салову, Головченко и Порецкому.

В премию будет выслана 5-ая книжка „Мира Приключений“ за 1926 г.

Почтовый ящик отдела задач.

Об условиях решения задач и премирования решивших см. „Мир Приключений“ № 2—1926 г.

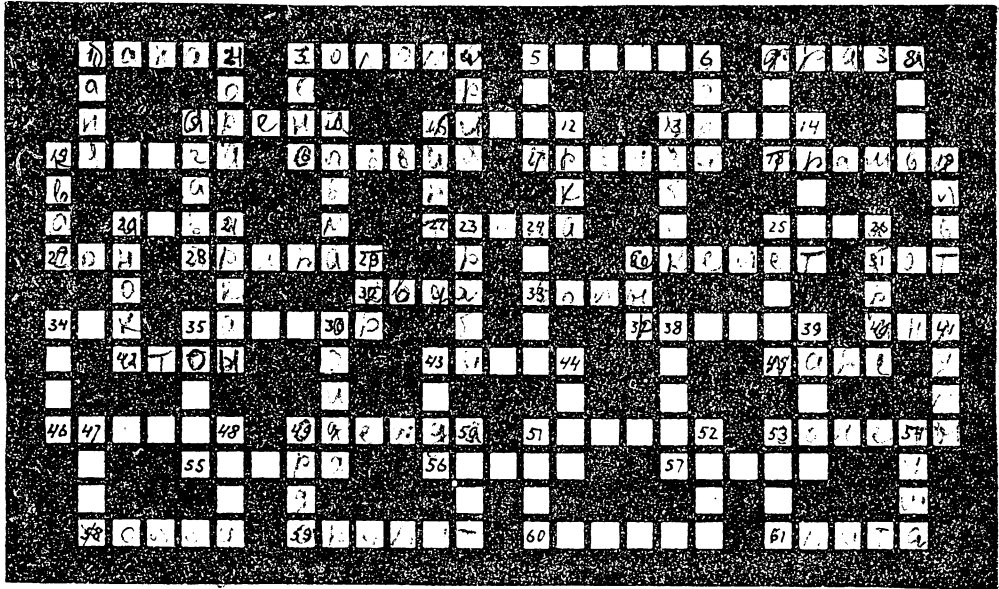
Вторично просим: Присылайте решения на открытках, иначе трудно разбирать их.

Р. Узарову—Не пойдет. Мало занимательно.

В. Сорокину.—См. предыдущий ответ.

Всем.—По задачам „Переплетенные слова“ в редакции отдела имеется большой запас, лишаящий возможности пользоваться присылаемыми. По остальным задачам—присылка новых (не заимствованных) оригинальных задач—весьма желательна.

Задача № 5.

Значение слов:

Горизонтальных: 1. Плод, 3. Суррогат се-
на, 5. город СССР (Яросл. губернии, 7. Пред-
ложение, 9. Часть цирка, 11. Торговое учре-
ждение, 13. Озеро в персидском Азербейджане,
15. Рыба, 16. Раскапываемый город, 17. Юж-
ные овощи, 18. Повреждение, 20. Штат
С А.С.Ш., 22. Неизвестное, 25. Мешок, 27. Ви-
дение, 28. Гора, 30. Остов, 31. Лодка, 32. Ро-
гатое животное, 33. Рабочие животные,
34. Созвездие, 35. Злой дух, 37. Продукт
обработки древесного сока, 40. Река в Азии,
42. Английский учебный центр, 43. Мелкий
грызун, 45. Бог войны, 46. С.-хоз. орудие,
49. Покров, 51. Низменность, 53. Род стихов,
55. Португальская колония, 56. Опора, 57. Имя,
58. Причина замерзания, 59. Запах, 60. Пти-
ца, 61. Кухонная принадлежность.

Вертикальных: 1. Место омовения, 2. Ло-
гово, 3. Корм, 4. Часть оперы. 5. Болезнь,
6. Преступники, 7. Советский юморист, 8. Ча-
стица, 9. Мексиканское растение, 10. Река
в Крыму, 11. Перевязочный материал,
12. Сводчатые ворота, 13. Туркестанец,
14. Английский порт, 15. Напиток, 19. Скрипка,
20. Монахи, 21. Лассо, 23. Семитическое
племя, 24. Привычка, 25. Горное животное,
26. Контур, 29. Германский бог, 30. Закуска.
34. Четыреугольник, 35. Худшая из драк.
36. Египетская богиня, 38. Женское имя,
39. Газ, 41. Мысли, 43. Французский писа-
тель, 44. Газ, 47. Древесный плод, 48. По-
люс, 49. Кочующее племя, 50. Исследование,
51. Собаки, 52. Имя, 53. Приправа, 54. Уби-
тое животное.

Почтов. адрес:
ЛЕНИНГРАД
Стремянная, 8

Телегр. адрес:
ЛЕНИНГРАД
Издательский

Телефон № 58-02.

А. С. (Здесь).—Кому нужна теперь довольно нелепая страсть гвардейского офицера к заурядной, пустой девице? И форма неудачна. Читатель с первых же страниц понимает суть „драмы“, хотя автор раскрывает ее только в последних строках. Есть существенные технические ошибки в описании гвардейского быта.

Т. Ю. Т. (Москва).—К сожалению, „Несправедливый приговор“ не подходит нам. Просим прислать еще что-нибудь из восточной жизни, но в рассказе должно быть преобладание местного колорита и много движения. Ваш рассказ в сущности—бойный газетный фельетон о ловком комсомольце, а не художественное произведение.

П. И. П. (Москва).—Голубые сигаретки жителей Марса лишают человека фантазии. Так уверяете Вы в рассказе „Голубое сияние“. Зачем Вы сами накурились этих сигареток?... Первая экспедиция на Марс, и—ничего, кроме сигареток.

П. Ж. (Мирополь).—„Рабая“ никуда не годится. Вашу просьбу—вернуть рассказ в исправленном виде—исполнить не можем. Для этого нет времени. Мы исправляем только те вещи, которые могут пойти в журнал.

Н. Н. Л. (Ташкент).—„Записки ветерана электрификационной эпохи“—неудачная по форме и мало продуманная вещь. Для „Мира исканий“ у автора не хватило фантазии и технических знаний. Если желаете, попробуйте прислать еще какойнибудь из перечисленных в Вашем письме рассказов.

С. П. Ч. (Свердловск).—Стихов мы не печатаем вообще, значит и поэмой Вашей воспользоваться не можем.

В. А. С. (Вышний-Волочек).—„Клад Розенкрейцеров“—устарелая романтика, главная для нашего времени и для нашей страны. И сделано слабо.

С. В. С. (С. Кудиново).—„Хитрость Шмуля“—мало литературная по форме, и скучная и нудная по содержанию вещь. Странная фамилия у Вашего латыша! „Трисина“—„охотничий рассказ“—скопление всяких ужасов и кинематографических трюков. „Врет, как охотник“,—сказать можно и про Вашего охотника.... Пишете Вы грамотно.

И. П. Ч. (Череповец).—„Тайна дома“ сделана очень искусственно, напряженно и скучно. Попробуйте прислать еще.

Б. А. Р. (Рогачев).—Ну, и нагородили, да еще полили политическим соусом Вашу „неудачную месь“!

Б. И. Гуляеву (Феодосия).—Никогда не следует подписывать свою фамилию под переводными рассказами. Нужно прежде всего обозначать имя автора. „Пьеса без конца“—вещь не оригинальная, не новая и уже не впервые ее переводят....

Н. К. Р.—„Остров сокровищ“—очень навнен, хотя мысль о могуществе труда и правильна.

Н. О.—„Новелла“ чрезвычайно искусственна. Кстати: почему Вы назвали эту вещь новеллой?

Е. Шерингу? (В. Устюг).—Около Вашей фамилии поставлен знак вопроса, потому что мы не уверены, так ли разобрали Вашу подпись. Рукопись не читали, и ни одна редакция не примет ее и рассмотрению. Невозможно читать неразборчиво и выцветшие чернила. Поцадьте наши глаза!

О Г Л А В Л Е Н И Е .

Я. И. Перельман.

Загадки и диковинки

В МИРЕ ЧИСЕЛ.

Изд. 2-ое, дополнен. 148 стран.

Цена 1 р. 25 к.

I. Старое и новое о цифрах и нумерации. II. Главная орбитальная Пифагоровой таблицы. III. Потомки древнего абакса. IV. Немного истории. V. Десятичные системы счисления. VI. Галерея числовых диковинок. VII. Фокусы без обмана: Искусство индусского царя. — Не вскрывая конвертов, угадать число спичек в коробке. — Чтение мыслей по спичкам. — Идеальный разновес. — Предсказать сумму невалидных чисел. — Предугадать результат ряда действий. — Мгновенное деление. — Еще отгадываемое. — Любимая цифра. — Угадать день рождения. — Одно из „утешных действий“ Магического. VIII. Быстрый счет и вичный календарь. IX. Числовые исполнители. X. Числовые лягушечки. XI. Арифметические путешествия. Виз глав. Арифметические курсы.

Вносящие из Центрального Книжного Склада при Изд-ве „П. И. Соин“, Ленинград, Стремянная, 8, за пересылку не платят.

**„МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ“ ЗА ПРЕЖНИЕ ГОДЫ, ДО 1924 Г., РАСПРОДАН.
ИМЕЮТСЯ ОТДЕЛЬНЫЕ СБОРНИКИ:**

№ 1-й за 1924 год. Содержание: ПЫЛАЮЩИЕ БЕЗДНЫ. ВОЙНА ЗЕМЛИ С МАРСОМ В 2423 ГОДУ, фантастический роман Н. Муханова, с рис. худ. Мизернюка. — 25-ТИ ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ШЕРЛОКА ХОЛМСА, юмористический рассказ В. С., с рис. худ. Владимирова. — ТЕНЬ НАД ПАРИЖЕМ, С. А. Тимошенко, с рис. И. С. — ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ О ЗЕМЛЯНИКЕ, ГЕТХОВЕНЕ И БОА-КОНСТРИКТОРЕ, рассказ И. Долина, с рис. художника С. Конского. — КОНКУРС МИСТЕРА ГОПКИНСА, рассказ Л. Арабескова.

№ 2-й за 1924 год. Содержание: ПЫЛАЮЩИЕ БЕЗДНЫ. ПЛЕННИКИ МАРСА, фантастич. роман Н. Муханова, с рис. худ. Мизернюка. — БУДДЫ МА-СЕЙН, рассказ Френсис Ноульс-Фостер, с рис. С. Пишо. — БЕГСТВО АНРИ РОШФОРА, историч. рассказ М. К. Губера, с рис. Мишо. — СЛУЧАЙ В КИНЕМАТОГРАФЕ, рассказ А. П. Горш, с рис. М. Я. Мизернюка. — РУКА МУМИИ, рассказ Петра Аландского, с рис. М. М.

№ 3-й за 1924 год. Содержание: ПЫЛАЮЩИЕ БЕЗДНЫ. ТОТ, В ЧЬИХ РУКАХ СУДЬБЫ МИРОВ, фантастич. роман Н. Муханова, с рис. Мизернюка. — ЕЖОВАЯ ЛАПКА МАРАБУТА, рассказ П. Хитченса, с иллюстр. П. Василенко. — ОХОТНИКИ ЗА ГОЛОВАМИ, рассказ Роберта Леммона, с рис. А. Михайлова. — СУНДУК С ПРУЖИНОЙ, американский рассказ Марка Троекурова, иллюстр. Н. Кочергина.

№ 1-й за 1925 г. Содержание: ЧЕРНАЯ ЖЕМЧУЖИНА, рассказ Д. Коллинза. — БИТТ-БОЙ, ПРИНОСЯЩИЙ СЧАСТЬЕ, рассказ А. С. Грина. — РАМЗЕС XVII, рассказ Отто Рунг. Со шведск. Иллюстр. Мишо. — ОПЫГ, рассказ В. Богословского. — СКВОЗЬ ОГНЕННЫЙ БАРЬЕР, рассказ Джорджа Глендона. — ОСТРОВ СИРЕН, рассказ М. Каргановой. — ПРИКЛЮЧЕНИЕ МИСТЕРА ФИПКИНСА, рассказ Коутс Брисбен. Иллюстр. М. Я. Мизернюка. — ЖИЗНЬ ИЛИ СМЕРТЬ, восточная сказка В. Розеншильда Паулина. — ОТРАЖЕННЫЙ СВЕТ, рассказ В. А. Левашева. — ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЧЕСТЬ, рассказ Ф. Б. Бейли. — ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ.

№ 2-й за 1925 год. Содержание: ТАК ПОГИБЛА КУЛЬТУРА, фантастич. рассказ П. А. Рымкевича. — НА МАЯКЕ, рассказ Б. Г. Островского. — ТАИНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ДОКТОРА ХЭКЕНСОУ: I. ТАЙНА ВЕЧНОЙ МОЛОДОСТИ, рассказ К. Фезандие. — СЫН МИСТЕРА САМУЭЛЯ БРАУНА, рассказ Джекобса. Иллюстр. Мишо. — ЧЕЛОВЕК НА МЕТЕОРЕ, повесть Рэй Кеммингса. С рис. — НЕМНОЖКО ЗДРАВОВО СМЫСЛА, рассказ Э. П. Бетлера. Иллюстр. М. Я. Мизернюка. — БЕЗГРАНИЧНОЕ ВИДЕНИЕ, рассказ Чарльза Уин. — КАК БРОСИТЬ КУРИТЬ, психологическая юмореска на злобу дня Г. Лазаревского. — НОВООБРАЩЕННЫЙ, юмористический рассказ В. Джекобса. — ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ.

№ 3-й за 1925 г. Содержание: КРОВАВЫЙ КОРАЛЛ ПРОФ. ОЛЬДЕНА, рассказ П. Аландского. — НА ФРАНЦУЗСКОЙ КАТОРГЕ В ГВИАНЕ, рассказ Луи Мерлиэ: I. — ПРОКАЖЕННЫЙ, II. — КОЛОКОЛЬНЫЙ СИГНАЛ ДЛЯ АКУЛ. — ТАИНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ДОКТОРА ХЭКЕНСОУ. II. МАШИНА СНОВИДЕНИЙ, рассказ К. Фезандие. — КОЛЕСО, фантастич. рассказ А. Ульяновского. С иллюстр. — ЗАДАЧА № 1, ЛАБИРИНТ, сост. П. В. Мелентьева. — ПОРТРЕТ, рассказ Н. Ивановича. — НАД БЕЗДНОЙ, рассказ В. Г. Левашева. — ПИАНИНО, рассказ Б. Вильямс. — ЕГО ТАЙНА, рассказ Сигурда, с шведского. — ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ. ИСКУССТВЕННЫЕ КЛЕТКИ, статья акад. проф. В. Л. Омелянского.

№ 4-й за 1925 г. Содержание: ГОЛУБЫЕ ЛУЧИ, рассказ Н. Квинтова, иллюстр. А. Порет. — НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ! задачи №№ 3 и 4. — ПРИЛИВ, рассказ Ф. Пирса. — 4, 4, 4, рассказ Н. Москвина и В. Фера. — НОВЫЕ ВИДЫ СПОРТА, с иллюстр. — ТАИНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ДОКТОРА ХЭКЕНСОУ. III. ТАЙНА РОСТА, рассказ К. Фезандие. — В ДОМЕ КРИВОГО ФЕРМЕРА, рассказ А. Гербертсон. Иллюстр. М. Михайлова. — ПАТЮРЕН И КОЛЛИНЭ (Эксплуататор солнца), рассказ Б. Никонова. — ПРАВДА, ИЛИ НЕПРАВДА, восточная сказка В. Розеншильда Паулина. — НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ! задача № 5. — ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ. Откровения науки и чудеса техники: МИР ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ И МИР ВИДИМЫЙ, статья проф. Н. А. Морозова (Шлиссельбуржца).

№ 5-й за 1925 г. Содержание: ЧОРТОВА ДОЛИНА, рассказ В. Д. Никольского. — НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ! Задача № 6. — НА ДАЛЕКИХ ОКРАИНАХ, рассказы Н. А. Ловцова: — ЗА СОБОЛЕМ. — ЧЕТЫРЕ ГОЛОВЫ. — ТАИНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ДОКТОРА ХЭКЕНСОУ. IV. ТАЙНА СИРЕН. — МАЯК, рассказ М. Комарова. С рис. — ВЛАСТЬ ПРИВЫЧКИ, рассказ Джекобса. — ШУТКА, новелла Гуго Кричовского. — ДРАГОЦЕННОСТИ, очерк О. С. — СЕАНС ЧТЕНИЯ МЫСЛЕЙ. — ВОРОВСКОЙ ОБХОД, рассказ Гаральда Стивенса. — ПОЯС, рассказ Рихарда Кноффа, с шведского. — ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ. Откровения науки и чудеса техники: О РАДИИ И ОБ ЕГО РУДАХ, статья проф. М. В. Неворусского (Шлиссельбуржца).

Цена книги 50 коп., с перес. 60 коп. Выпущенные все 8 книг улачивают 3 руб. с перес. Мелкие суммы можно высылать почтовыми и гербовыми марками в заказном письме.